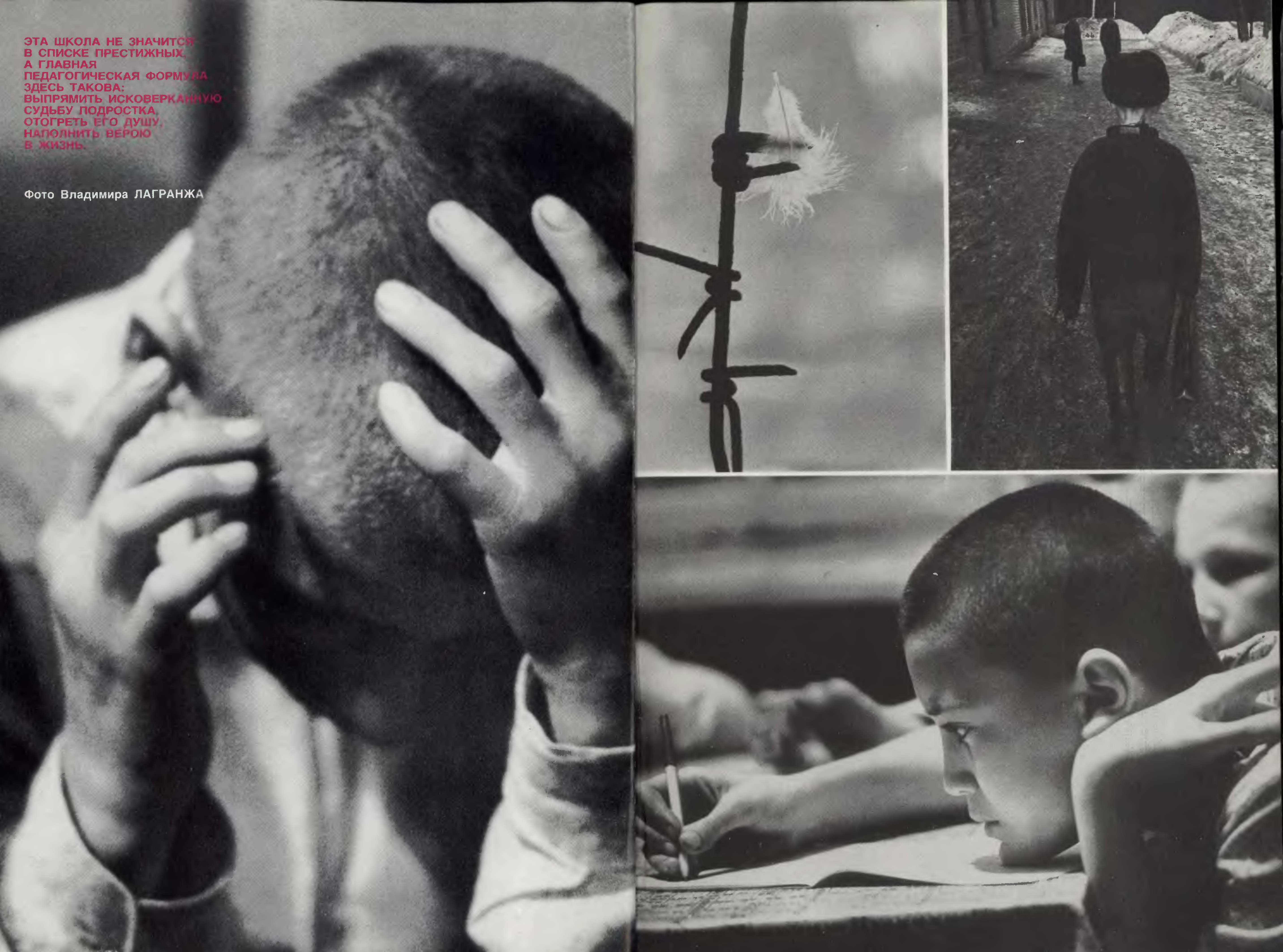
РОДИНА

ISSN 0235–7089

9/89



ЭТА ШКОЛА НЕ ЗНАЧИТСЯ
В СПИСКЕ ПРЕСТИЖНЫХ,
А ГЛАВНАЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА
ЗДЕСЬ ТАКОВА:
ВЫПРЯМИТЬ ИСКОВЕРКАННУЮ
СУДЬБУ ПОДРОСТКА,
ОТОГРЕТЬ ЕГО ДУШУ,
НАПОЛНИТЬ ВЕРОЮ
В ЖИЗНЬ.

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

Уральский городок Очёр в анналах советской педагогики имеет право занять такое же славное место, как и макаренковский Куряж. Он заслужил его благодаря двадцатилетнему труду Георгия Павловича Сологуба и его ближайших коллег, среди которых и жена Анна Максимовна.

В Очёре находится спецшкола. Точное название — «Специальная школа для детей и подростков, нуждающихся в особых условиях воспитания». Не по доброй волв попадают в нее 11—12-летние мальчишки.

Просматривая личные дела воспитанников, то и дело наталкиваешься на фразы: «мать воспитанием нв занимапась», «во втором классе учился три года», «за весь учвбный год посетил 8 урокоа». И далвв: «проник в кладовку», «угнал машину», «постоянно находился в бвгах», «усматривается состав преступления». И наконец: «учитывая, что подросток нв достиг возраста...»

Да, народвц тут тертый. В двенадцать лвт мальчик может не знать таблицы умножения, но повидал такое! Курс наук проходили в уличных компаниях. Курили — всв. Многие пили...

Я сказал «курипи» в прошедшем времвни — зто нв оговорка. В очёрской школв нв курят. И не потому, что за забором непросто разжиться куревом (это нв проблема!). И не потому, что боятся нвказаний (о них чуть позже). А потому, что тут такой порядок, принятый самими ребятами. Они же и слвдят, чтобы он не нарушался.

Школв как школв. Классы, уроки (кстати, на хорошем уровне: послв Очёра многив учатся в обычных школах без троек). На спортплощадкв играют в футбол, зимою — в хоккей. Большой земельный участок: в саду, в огороде, на полв трудятся рвбята (овощи и ягоды — свои, вполне хватает). Хорошив мастерские, полторвста станков — настоящий мини-завод; делают детали бензопил и мясорубок для одного из пермских првдприятий. Не игра в труд — всв всврьез; при выпуске из школы (то вcть в 15-летнем возрасте) часть зарвботка парень получит в свои руки, а в кврмане будут лежать удостоверение токаря и докумвнт об окончании восьмилвтки.

Все как в школе. Но — на особицу. В классе — тишина. Твма сочинения — «Почему нельзя воровать». Или сочинение о мамв (культ матери стараются поддерживать): кто-то пишвт о свстре, а кто-то о школьной воспитатвльнице, она свмая близкая мальчишке жвнщина. Особая здесь преждв всвго сама педагогика, ввдь зти свихнувшиеся, нестандартные, несчастные, одинокие, озлоблвнные люди — дети. «Во всяком случве,— я цитирую Сологуба,— заслуживающие нашей любви и участия, как любой человек».

О двмократической «педагогике сотрудничвства» много нынче говорится, но во многив ли наши школы она пробилась? А в Очёре зто один из основополагающих принципов. Здесь считают: всли не можвшь почувствоввть себя способным уважать воспитвнника, то в педагоги нв годишься.

И не для проформы существует здесь ребячье самоуправление. Не парадокс ли в таком-то месте?

В сологубовской системе особое место занимает соревнование. Как не похоже оно тут на знакомую по многим школам формалистику! Ежедневно активисты (это и дети, и взрослые) оценивают по пятибалльной системе поведение каждого — на уроках, в мастерских, в быту, везде. Проштрафился — снизят оценку, а она идет в общий зачет твоему отряду. Призы: лучший отряд пойдет в кино, а летом, на каникулах,— на рыбалку.

В очёрской школе высок уровень откровенности. Говоря проще, действует правило: не держать камня за пазухой, хочешь на кого-то пожаловаться — только в открытую, не за спиной. Есть бланки для рапортичек: пишешь, отдаешь дежурному по режиму, не опасаясь ничего и никого. Вечером взрослый арбитр — часто Анна Максимовна, она заместитель директора по воспитанию,— разберется в присутствии всех сторон. По справедливости. И ни для кого: ни для активистов, ни для командиров — не будет послаблений. Виновного запишут «на пост» (то есть на мытье полов). При мне пришел парнишка и сам попросил записать его. Спросили, за что. Ответил: «Есть за что». Все равно тайное не останется скрытым.

Эта открытость взаимоотношений очень важное звено в очёрской системе. Не знаю, употребимо ли здесь слово «гласность», но, по сути дела, речь идет именно о ней.

Но вот вопрос: наказание трудом, педагогично ли? Сологуб улыбнулся: это же игра в наказание. На самые трудные работы (например, в котельной уголь перелопатить) принято приглашать добровольцев, и отбою от желающих нет. Вообще всякое трудное дело подобает мужчине, в таких понятиях здесь воспитывают пацанов. А нужный коллективу труд, даже если это наряд вне очереди, не унижает человека.

* * *

Ученики ведут дневники: навык самоанализа — то, чего так не хватает здешним воспитанникам. Педагоги заглядывают в тетрадки, заносят туда свои реплики, советы, получается еще и письменный диалог.

Вот пишет кто-то из младших, шестиклассников: «Я не уверен в себе, бывают срывы... День прожил плохо: снизили оценки за спальню, за столовую, за быт... Цель на завтра — не ругаться и не кричать...» А это восьмиклассник: «Стараться на уроках не списывать... Сделал 324 детали, отметили на «красной доске». Первую четверть окончил без двоек, но тройку по химии еле-еле натянули... Цель — не «подкусывать» командиров... С целью справился... За доклад по литературе — «5», по химии — «4». В библиотеке прочитал первую главу «Евгения Онегина». Цель — стараться быть серьезным».

Эта запись прерывается вопросом воспитательницы: «Андрей, с какого момента ты стал верить нам?» «Если честно,— ответил парнишка,— только в 7-м классе, когда больше узнал вас. Теперь мои взгляды на жизнь совсем другие».

Леонид НИКИТИНСКИЙ

ГРАЖДАНЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

В конце тридцатых годов была достроена та глухая стена, которая разделила народ на две части: по одну сторону миллионы граждан на свободе старались забыть про миллионы сограждан по другую сторону, которые дотлевали и гибли в тюрьмах и лагерях, на пересылках и этапах. Железных занавесов было два: один отсекал страну от Запада, другой колючей проволокой огораживал ее с Севера и Востока. Мало кто представлял себе масштабы творящегося там, за лагерными надолбами. Интересоваться жизнью этих теней безвозвратного Аида было, впрочем, небезопасно.

Проведенная прямо по сердцу общества черта была тем более чудовищна, что общественное мнение в России традиционно интересовалось положением осужденных, русская литература, как отмечал Некрасов, никогда не была равнодушна к судьбе «несчастных». Неужели напрасно А. П. Чехов совершил свое мужественное путешествие и опубликовал «Остров Сахалин»?

Эта гуманистическая традиция была напрочь перечеркнута в годы сталинских репрессий. Рядом с активными доносчиками и охотниками за «врагами народа» возникло общество запуганных обывателей, предавших память своих арестованных собратьев. Возник стереотип отношения к осужденному, даже и к подследственному, как к человеку, на котором следует поставить крест, вычеркнуть из всех списков, в том числе из памяти. Одно только могучее ведомство Лаврентия Берии еще интересовалось ими не как людьми, разумеется, а как безликой рабочей силой.

В первую очередь это полная глухота общественного мнения к проблемам пенитенциарной системы. Если поведение бывших заключенных на свободе нас поневоле тревожит, то до их проблем, вызванных изоляцией в колониях, практически по-прежнему никому нет дела. Продолжает действовать стереотип отношения к зеку как к отверженному, которого лучше всего держать если не в тюрьме, то в каком-нибудь отдаленном и контролируемом месте.

Термин «заключенные», как память о сталинских лагерях, сегодня выскоблен из всех официальных источников, но мне представляется правильным использовать именно его, чтобы отграничить интересующий нас контингент от приговоренных к наказанию, но не связанному с лишением свободы.

Это те, кого в отличие от вольных «товарищей» принято называть «гражданами», но отнюдь не в смысле уважения их гражданских прав. После того как в соответствии с изменениями в Конституции СССР они лишены права голоса (это официальное закрепление давно сложившейся практики), обращение «гражданин осужденный» стало звучать вовсе нелепо.

И тем не менее, хотя они и не вправе голосовать, мы не можем сбрасывать со счетов эту громадную армию, о каких бы политических, социальных или экономических программах преобразований ни шла речь. Тем из читателей, кто не склонен к сентиментальности, кому все равно, в каких условиях живут и работают эти массы людей, я предлагаю задуматься о том, что не вечно они будут пребывать за забором, а рано или поздно вольются в ряды свободных граждан.

Кого нам ждать? Разрушителей или созидателей? Трезвенников или наркоманов? Будут они воровать или схватят вора за руку? Встанут ли в ряды защитников Отечества или будут вести жизнь маньяков и убийц? Чтобы строить прогнозы, нам необходимо знать, что происходит в колониях.

Сложившийся, на мой взгляд, у большинства стереотип зека исключает правильное понимание вопроса. Слов нет, человек должен нести ответственность за свои поступки, и, совершив преступление, он определенным образом выбирает собственную судьбу. Однако преступление может быть и случайным, и необдуманным, и даже в той или иной мере вынужденным, особенно в молодости.

По данным МВД СССР, опубликованным в открытой печати, опасные преступления против личности составляют 3,3% в общей структуре преступности, хулиганство — 7,4%, хищения — 5,4%, разбои и грабежи — 3,1%. Свыше 60 процентов падает на кражи и менее опасные преступления, объединяемые общим разрядом «другие». Только нарушители правил дорожного движения составляют 6,5% в структуре преступности. (Нельзя отрицать и наличие в колониях некоторой части людей, попавших по неправосудным приговорам.) Половина осужденных — молодежь до 30 лет, и почти четверть — женщины.

Эти цифровые данные, пусть неполные, рисуют портрет среднестатистического преступника отнюдь не в виде отъявленного злодея, каким он подчас представляется обывателю. И хотя суд просеивает осужденных, направляя в места лишения свободы лишь треть наиболее опасных, но даже с этой поправкой ошибочно думать, что здесь собраны лишь кровожадные, бесчестные, неисправимые рецидивисты. В колониях те же люди, но только совершившие преступления.

Цели, которые ставит перед собой действующая в стране пенитенциарная система, изложены в статье 1 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик: «Исправительно-трудовое законодательство имеет своей задачей обеспечение исполнения уголовного наказания с тем, чтобы оно не только являлось карой за совершенное преступление, но и исправляло и перевоспитывало осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правилам социалистического общежития, предупреждало совершение новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, а также способствовало искоренению преступности».

Сегодня и самый ревнивый сторонник существующего положения в ИТУ не решился бы сказать, что эти гуманные и праведные цели успешно выполняются. Более того, заметно движение в противоположном направлении: исправляются единицы, а калечатся тысячи, лагеря стали своеобразным инкубатором преступности. Об этом свидетельствует, в частности, необыкновенно высокий за последние годы уровень рецидива.

На внутреннюю обстановку в колонии действует множество необходимых и случайных факторов, все их учесть невозможно, управлять ими — тем более. Вместе с тем основные, определяющие факторы вполне поддаются контролю и сознательному регулированию. К ним в первую очередь относятся: а) производственная деятельность, организация труда в колонии; б) режим, понимаемый в самом широком смысле как уровень обеспечения заключенных всем необходимым, степень свободы в огороженном забором пространстве, культурные программы, возможности контакта с внешним миром и т. д. Именно параметры этих двух факторов определяют обстановку внутри колонии.

«Для чего существуют ИТУ? Наш священный долг — исправление и перевоспитание осужденных, а мы об этом забыли. Порой и про себя забываем, что мы люди. Работаем только на план, не зная, куда и кому идут заработанные деньги»,— пишет мне один из читателей, начальник отряда в северной лесной колонии. Его поддерживает ветеран МВД из Новосибирска: «На посту начальника колонии нередко можно встретить карьеристов с унтер-пришибеевскими замашками. План у них на первом месте, люди на втором, воспитывать их просто недосуг».

Тенденция вытеснения воспитательной работы гонкой за производственным планом отмечается во всех последних публикациях по проблематике ИТУ. Иначе и быть не может, если принять во внимание, что планирующие органы спускают МВД производственные задания, как обычному промышленному министерству, жестко привязывая систему ИТУ к экономике страны. По валовым экономическим показателям МВД СССР оставляет далеко за спиной большинство промышленных и строительных министерств. Ответственность органов ИТУ за срыв планов и поставок гораздо ощутимее и реальнее, чем ответственность за качество воспитательной работы.

Можно предположить, что вся система МВД ничего не стоит налогоплательщикам. Однако массовое применение в колониях неквалифицированного труда порождает утрированно экстенсивные тенденции, его принудительный характер в корне подрывает саму возможность интенсификации. Фондовооруженность ИТК в пять раз ниже, чем на подобных предприятиях в народном хозяйстве, производительность труда ниже в 1,5 раза. Поэтому не будем торопиться с выводами, что использование труда заключенных в нынешних формах выгодно экономически.

С точки же зрения воспитательной — рабский, навязанный труд из-под палки способен вызвать только озлобление, деградацию личности. Лишь единицы осужденных используются в соответствии с ранее приобретенными ими профессиональными навыками. Они лишены права выбора, обязаны работать на том производстве и по тем специальностям, которые существуют в колонии, что усиливает принудительный характер труда. Работа здесь носит, как правило, рутинный, монотонный характер, не дает возможностей к раскрытию творческих способностей личности.

Особого разговора заслуживает такой стимул к труду, как возможность скорейшего освобождения. Отношение к работе, естественно, должно учитываться в качестве одного из основных критериев при решении вопросов об условно-досрочном освобождении, применении амнистий и т. д.

В 1988 году в порядке эксперимента в ряде колоний была введена система зачетов рабочих дней. При условии перевыполнения норм выработки срок отбытия наказания по зачетам сокращается с определенным коэффициентом, доходящим до 1:2. Создавая действенный стимул к труду, зачеты, по-видимому, способны давать положительный экономический эффект, однако их моральная сторона сомнительна. По сути дела, они меняют судебный приговор, в котором срок лишения свободы назначен с учетом тяжести преступления.

Производственные вопросы бесконечно лихорадят колонию, как и любое плохо организованное предприятие, но если на обычном заводе, скажем, социальные последствия экономической неорганизованности выражаются в текучести кадров, то тут «утечь» некуда, поэтому осложняются до предела и без того взрывоопасные отношения между заключенными и администрацией. Катализатором взрыва может послужить как переизбыток рабочих рук в колонии, когда нет возможности обеспечить всех заработком, хотя бы на покупки в магазине на территории колонии, так и нехватка рабочей силы: амнистии, например, приносят радость освобождаемым, зато оставшихся принуждают работать по полторы-две смены.

Переход с 1988 года на хозрасчет всех колоний, имеющих собственное производство, еще пагубнее сказался на положении осужденных. Теперь для каждого работника ИТУ возрастает прямая материальная заинтересованность в результатах хозяйственной деятельности. Ориентируясь на прибыль и премии, администрация все более наращивает объемы производства, рассматривая заключенных, как «говорящее орудие», пользуясь аристотелевым определением.

Чем дальше, тем больше производственный фактор вступает в противоречие с воспитательными задачами колонии. 12 октября 1987 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ, отменяющий прежнее правило Основ исправительно-трудового законодательства, согласно которому впервые осужденные отбывали наказание, как правило, вблизи места постоянного жительства. Это облегчало контакты с родственниками, свидания, способствовало сохранению социально полезных связей осужденных со свободным миром, но затрудняло трудоиспользование. Указ позволил производственникам из ГУИДа вздохнуть полной грудью: теперь ГУИД волен по своим нуждам гонять массы заключенных от Бреста до Владивостока этапами в спецвагонах.

Любой осужденный прекрасно понимает, что с точки зрения системы ИТУ и даже при человеческом отношении к нему со стороны непосредственного начальства он не более чем раб. Естественно, что осужденные работают с отвращением, бастуют, бунтуют, саботажничают, ломают оборудование, исповедуя своего рода луддизм. За отсутствием нравственных и экономических стимулов к труду решающее значение приобретает внеэкономическое принуждение, которое воплощается в жестоких и подчас труднообъяснимых ограничениях режима и далее очень своеобразно и уродливо преломляется в иерархизированной системе «опричнины» в среде заключенных.

Жизнь осужденных в колонии подчинена строжайшей регламентации. Самостоятельный выбор вариантов поведения даже в недолгие часы свободного времени минимален. Ряд ограничений, содержащихся в Правилах внутреннего распорядка ИТУ, носит заведомо бессмысленный, нереальный или противозаконный характер. Например, осужденным запрещается: вывешивать на стенах, тумбочках и кроватях фотографии, репродукции, открытки; дарить и обменивать любые предметы, в том числе и не запрещенные, находящиеся в их личном пользовании. В колонии запрещается иметь: наручные часы, любую радиоаппаратуру, зажигалки, фотоаппараты, цветные карандаши и краски, копировальную бумагу, музыкальные инструменты. В посылках и передачах заключенным не могут передаваться кофе, какао и шоколад, а также изделия из них.

Объяснения этих ограничений подчас довольно неожиданны.

Запрет на цветные карандаши, например, обосновывается необходимостью борьбы с фальшивомонетничеством. Но много ли найдется в колонии мастеров, способных нарисовать червонец? Из-за этих единиц, за которыми должна следить оперслужба, тысячи людей лишаются возможностей к самовыражению, которые и без того в местах лишения свободы минимальны.

Число писем, которые разрешается отправлять из колоний усиленного, строгого и особого режимов, ограничено. Запрещается подавать предложения, заявления и жалобы от группы, либо за других осужденных, а также по поводу обстоятельств, касающихся других лиц. Официальная лагерная цензура проверяет все письма осужденных, для чего предписывается опускать их в ящик незапечатанными.

Письма, «носящие циничный характер, либо содержащие сведения, не подлежащие разглашению», не отправляются. Косвенные ограничения на глас-

ность накладывает и запрет пользоваться копиркой. Но наиболее удивителвн § 33 (VI) Правил: «Предложения, заявления и жалобы, адресованные в государственные органы, редакции газет и журналов, общественные организации... содвржащие вопросы, которые эти оргвны решать не компетентны, адресатам не направляются».

Эффект этих многочисленных и дотошных ограничений и запретов, мнв представляется, на практикв служит не укреплению, а расшатыванию дисциплины в колониях. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что заключенныв в зонах нв только вдят безобидный шоколад, но и водку пьют, в употрвблениe наркотиков и сильнодействующих препаратов принимает здвсь угрожающий характер, чему способствует, заметим, и чрезмерно жвсткий рвжим, вызывающий стресс и скуку. И никакие ограничения гласности не могут скрыть зтого факта. (В ответ на свои публикации я получаю сотни писем из ИТУ. Практически все они направлены по нелегальным каналам в обход почтового ящика колонии.)

И без того жвсткив «Правила внутрвннвго распорядка ИТУ» многие представители администрации склонны трактовать в духв клвссического высказывания унтера Пришибеева: «Нет такого звкона, чтобы народ на гармошке играл». Многив осужденные пишут о бесчисленных мелких придирках, с помощью которых их буквально преследует администрация. Нвровно пришитая бирка, неправильно подвернутый сапог, опоздание в строй и т. д.— любое мелков нарушение можвт стать поводом для самых суровых взысквний вплоть до помещения в штрафной изолятор сроком до 15 суток, лишения свидания, блокирования досрочного освобождения. «Прввилв» предоствляют самый широкий простор для произвола. Процессуальные права осужденных в конфликтах с администрацией полностью игнорируются.

Между твм для работников ИТУ болев характерен взгляд на дальнейшев ужесточенив режима. Режим для них — главное средство запугивания, «держания в уздв», проще говоря, ломки личности. Этот азгляд, очевидно, порождвн педагогическим нввежеством, но он же логично вытекавт и из подчинвнности целей режима конечным целям производственной деятельности, а не воспитания.

Разумевтся, и здесь есть гуманныв, да и просто трезвомыслящив люди. Заместитель начальника исправительно-трудовой колонии Г. Рожнов пишвт: «Если бы мы стввили задачу только лишь содвржать преступников в замкнутом пространстве зоны... если бы нашей целью было превратить каждого из них в нерассуждающвго робота,— тогда бвз страха не обойтись. Но если мы должны видеть в нарушителе закона прежде всего отца, гражданина, воина,— тогда силовая борьба с ним неуместна... Борьба не против, а за чвловека!»

Однако автор письма сам же признается, что вряд ли найдет среди коллег много единомышленников. Скорее здесь встретишь твх, кто считает осужденного человеком третьего сорта, не только исповедует, но и проводит на практике методы узаконенного и неузаконенного террора, прямого рукоприкладства.

Менее всего я хочу обвинять работающих здесь людей, труд которых очень тяжел, а ответственность огромна. Однако в нынешнем виде система ИТУ уродует своих работников так же, как их питомцвв. Ложными целями, лишенными гибкости правилами она приучает к хитрости и вранью, всем настроем и обстановкой провоцирует преступления в колониях и вокруг колоний, в том числе — как корыстного, твк и насильственного характера — со стороны администрации и охраны. Но даже если преступления со стороны администрации рассматривать как исключения, списывать на личности, то пренебрвжительное, бесчеловечнов отношение к заключенным, своеобразныв рабовладельческие настрования вовсв не исключения, а правило.

В колониях, где администрация не снисходит до человвческого диалога с осужденными, они платят ей ненавистью. Это отношение экстраполируется нв всех вообще работающих в милиции, на всех представителей власти. С такими настрованиями люди и выходят на свободу.

Чем пристальнее мы вглядывавмся в кривое зеркало колонии, тем явственнев узнавм в нвм собственные черты. Они окарикатурены, но это наше лицо, собственное отраженив, возведенное в степень уродства.

Разве не наше общество десятилетиями развиввлось по экстенсивному пути? Вот и колония устрвмилвсь за валом, подчинив ему все остальное. Разве не наше государство десятилвтиями пренвбрегало отдельной личностью, видя в ней только «винтик»? Колония всвго лишь довела тезис о подчинении личного обществвнному до его логического заввршвния. Развв не мы, подпав под гипноз извращенно понимаемого централизма, старались расписать всю жизнь социума по пунктам: кому куда поворачиваться и что с зтого иметь? Колония подхватила зто утопическов стрвмление и довела его до абсурда, првдписав чуть ли не кому на каком боку спать. Она, можно сказать, в совершенстве воплотила идею казарменного равенства. Но ввдь эту идею создали нв работники ГУЛАГа и тем болве не заключенные.

Это наше государство тяготело к тоталитаризму, исключая под видом «внтисоветской агитации» всякое вольномыслие. Колония приняла эту тенденцию, но без лицемерия: поставила посреди зоны ящик и предписала опускать в него незапечвтанные письма. Она лишила заключенных копирки, как нас лишили удобной множительной твхники, отнялв шоколад и цветные карандаши, как нас стремились отлучить от нетрадиционной философии или «буржуазного» искусства. Это по образцу нашего общества колония насквозь пропиталась демагогией и под ее прикрытием проросла коррупцией.

Сейчас черты нашего лицв начинают меняться — с необходимостью изменится и отражение в зеркале, копия следувт оригиналу. Но волшебное зврkало имвет огромную силу инерции, в зазерквлье еще долго ничего нв сдвинется, если мы нв поможем снаружи.

Инерция исправительно-трудовых учреждений обусловлвна в первую очередь их оторванностью от общества и традиционной закрытостью. Поэтому первое, что необходимо сделать для исправления положения,— это широко обеспечить доступ в колонии родственникам, друзьям, прессе, предствателям общественности. Что, уверен, резко улучшит нравствнный климат, активизирует полвзные социальные связи заключенных, заставит администрацию отвечать за свои действия перед общественным мнением, а не только перед бессловесными заключенными.

К слову, о запрещенных предмвтах. Радиоприемники, кофе, краски и гармошки дввно пора разрешить. Следует снять необоснованные ограничения с посылок и передач, абсолютно нетврпимы бессмысленные и лвгко обходимыв ограничвния в пврвписке.

А не будет ли это санаторий? Думаю, рассуждать об зтом просто смвшно, даже если завалить все колонии шоколадом.

Чтобы првврвтить колонии действитвльно в воспитатвльные учрвждвния, они должны быть полностью избавлены от пресса производственных заданий. Вообще утвердившийся взгляд на систему ИТУ, как на дойную корову, глубоко безнравствен. Заботящвеся о своей безопасности общество должно нв столько качать отсюда деньги, сколько, может быть, вкладывать. Никто ввдь не считвет напрасным вложения в систему просвещения.

Выскажу крамольную нв пврвый взгляд мысль, что труд в колонии вообщв не должен носить принудительного характера. Я совершенно убежден, и проводимые исследования это подтверждают, что подавляющев большинство заключвнных в зтом случае сознатвльно захотят рвботать. Даже если они закатают рукава только со скуки, и то это будет уже осознанный и добровольный труд. Работа жв из-под палки средством воспитания быть нв можвт.

При этом 50-процентный «налог», которым сегодня облагает в свою пользу заключенных ГУИД, должен быть пересмотрен, ставки его должны стать более гибкими.

Необходимо обеспечить осужденным хотя бы нвкоторый выбор в видах трудовой деятельности. Они должны получить возможность избирать профессии и обучвться им. Это трвбует создания знвчитвльно большего числа мест лишения свободы, но значитвльно меньшего размера и на других принципах организации.

Рвзумеется, мои предложения могут рассматриваться лишь как самая общая концепция, требующвя тщательной и вдумчивой проработки после проведения соответствующих социологичвских, экономических и психологичвских исследований и экспвримвнтов.

Любая перестройкв системы ИТУ трвбует изменвния отношения к звку в общественном мнении. Мы должны наконец вспомнить, что за ствной живут наши братья, а не отвержвнные.

АНКЕТА «РОДИНЫ»

ПОЛИТИКА И МЫ

Обследоввния общественных настроений — одно из знемений нашего времени: никакое общество не может двигаться вперед, не уделяя внимания самопознению. Круг изучаемых при этом проблем уже сегодня весьма обширен — современное политическое состояние страны, взгляды людей на многие проблемы экономического и социального характера, их реакция на те или другие события, отношение к нашему прошлому и оценка ближайших и дальних перспектив. Исследованием такого рода проблем занимаются многие неучные институты и центры, активно участвуют в этой ребоге и периодические издания. Редакция журнала «Родине» совместно с группой московских специалистов-политологов также предлагает своим читателям принять учестие в приводимом ниже анкетном опросе, предполагая в случае удачи, что такого рода зондажи массовых настроений по наиболее острым и сложным проблемам нашей современной жизни и истории станут регулярными. Просьба к читателям, желающим принять участие в опросе, пометить в анкете (обвести цифру кружком) те пункты, которые наиболее отвечают их точке зрения на затрагиваемые вопросы, а затем, вырезав текст анкеты из журнале, переслать его в редакцию. Анкетирование производится анонимно, однако для того, чтобы как можно полнее выявить особенности взглядов отдельных групп населения, мы просили бы указать:

1. Ваши:
Пол:
1.1. Мужской
1.2. Женский

Возраст:
1.3. от 15 до 25 лет
1.4. от 26 до 35 лет
1.5. от 36 до 45 лет
1.6. от 46 до 55 лет
1.7. от 56 до 65 лет
1.8. 66 лет и стерше

Национельность:
1.9. Русский
1.10. Украинец
1.11. Белорус
1.12. Узбек
1.13. Казах
1.14. Грузин
1.15. Азербайджанец
1.16. Литовец
1.17. Молдавенин
1.18. Латыш
1.19. Киргиз
1.20. Таджик
1.21. Армянин
1.22. Туркмен
1.23. Эстонец
Другая (какая?)

Образование:
1.26. Начальное
1.29. Среднее спец.
1.30. Среднее
1.31. Высшее
1.32. Без образования

Профессия:
1.33. Рабочий
1.34. Служащий
1.35. ИТР
1.36. Крестьянин
1.37. Научный реботник
1.38. Руководитель производстве
1.39. Представитель интеллигенции
1.40. Военнослужащий
1.41. Учащийся
1.42. Пенсионер
1.43. Домохозяйка

Пертийность:
1.44. Член КПСС
1.45. Член ВЛКСМ
1.46. Беспартийный
1.47. Член неформальной организации (какой?)

Место жительства:
1.48. Республика, область (какая?)
1.49. Областной центр, столице республики
1.50. Город
1.51. Село, деревня, поселок
1.52. Хутор

2. Считаете ли Вы себя счастливым человеком?
2.1. Да, полностью
2.2. Да, отчасти
2.3. Нет
2.4. Трудно сказать

3. Нв Ваш взгляд, наше общество развивается в правильном направлении?
3.1. Да, абсолютно
3.2. Да, в целом
3.3. Нет
3.4. Трудно сказать

4. В стране состоялись выборы, прошел Съезд неродных депутатов. Остались ли Вы довольны поведением избранных Вами депутатов?
4.1. Да, полностью
4.2. Да, но не совсем
4.3. Нет
4.4. Трудно сказать

5. Чего, по-Вашему, сегодня больше в жизни нашего общества?
5.1. Практического дала, перестройки
5.2. Разговоров, слов
5.3. Стремления к порядку
5.4. Тенденций к беспорядку, разрушению, хаосу
5.5. Практического застоя

8. Что, на Ввш взгляд, призвано играть центральную роль в жизни и деятельности всякого государства?
6.1. Внешняя политика, контекты и договоры с иными державами
6.2. Решение внутранних дел
6.3. И то, и другое в одинаковой мере
6.4. Все зависит от обстоятельств

7. Кто должен играть в нашем обществе главную руководящую роль?
7.1. КПСС
7.2. Съезд народных депутатов
7.3. Воля народа, вырежаемая путем референдума
7.4. Верховный Совет СССР
7.5. Превительство СССР
7.6. Генсек ЦК КПСС и Председатель Верховного Совете
7.7. Председатель Совета Министров СССР
7.8. Церковь
7.9. Партийное и государственное руководство республик
7.10. Интеллигенция, ученые
7.11. Рабочий класс

8. Сегодня нередко приходится слышать, что Россия, как и другие союзные республики, должна иметь свою пертию (с ЦК), Академию наук и пр. Что Вы по этому поводу думаете?
8.1. Да, необходимы
8.2. Да, нужны, но сейчас не время ставить об этом вопрос
8.3. В этом нет особой нужды
8.4. Нет, это России не требуется
8.5. Трудно сказать

9. Какие из приводимых ниже мнений кажутся Вам наиболее верными?
9.1. Культура и обычаи России от Золотой Орды, Востока — в этом корни ее отсталости и невосприимчивости к демокретии
9.2. Петр I вывел стрену не общий мировой путь развития, «прорубив окно в Европу». Потом этот путь был отчвсти утрачен. И ныне мы должны вернуть страну в лоно передовой культуры Запеда
9.3. Россия всегда стояла нв грани Востока и Запада и выстояла: ее семобытность надо беречь, нам следует идти своим оригинальным путем
9.4. Деление на дамократический Запад и деспотический Восток неправомерно. Россия должна развиваться как член мирового сообщества к максимуму демократии, грежданских прав и свобод

10. Кое-кто считает необходимым, чтобы на все высшие посты в стране люди избирелись прямым и тайным голосованием. Согласны ли Вы с этим?
10.1. Да
10.2. Нет
10.3. Сейчас об этом рено говорить
10.4. Все зависит не от того, как избирать, а от личности самого руководителя

11. Некоторые утверждают, что мир стоит на грени катастрофы — экологической или военной. Разделяете ли Вы это мнение?
11.1. Да, полностью
11.2. Да, отчасти
11.3. Нет
11.4. Время покажет

12. Сегодня по-разному объясняют причины, по которым политика перестройки не дала пока ощутимых социально-экономических результатов. С чем Вы согласны?
12.1. Все еще дают о себе знать последствия культе личности Стапина
12.2. Все уходит корнями в эпоху застоя
12.3. Хозяйственное и партийное руководство не в состоянии руководить и спрввпяться со своими обязанностями
12.4. Кое-кто сознательно противодействует переменам, саботирует, вызывает недовольство людей
12.5. Люди сами забыли, как надо по-настоящему работать

13. Перед кем обязан в первую очередь выполнять свой долг чаловек?
13.1. Семьей
13.2. Родителями
13.3. Родиной
13.4. Друзьями
13.5. Своим городом, селом
13.6. Своей республикой
13.7. СССР
13.8. Всам миром
13.9. Только перед самим собой

14. С квкого времени, на Ввш взгляд, начинается история нашей Родины?
14.1. С незапвмятных времен
14.2. С призвения Рюрика на княжение
14.3. С кращения Руси
14.4. С петровских реформ
14.5. С октября 1917 года
14.8. С победы в Великой Отечественной войне
14.7. С перестройки

15. Сегодня много говорят и спорят об отношении к историческим пвмятникам, традициям, языку. С какими мнениями Вы согласны?
15.1. История — это постоянное движение вперед, борьба нового со старым, и удалять стопько внимания и средств охрене остатков прошлого — дело ненужное, консервативное по семой своей сути
15.2. Место памятникам минувшего — в музаях, где их и надо реставрировать и беречь; для широкого же круга обычных людей все это бессмысленно и скучно
15.3. Памятники прошлого — хорошее средство для привлечения туристов, а знечит, и средств, потому-то их и надо беречь
15.4. Без бережливого отношения к нашей истории народ перестает быть самим собой, вырождается, делается игрушкой в руках разного рода чуждых ему сил

18. Варите ли Вы в Бога?
16.1. Да
16.2. Нет
16.3. У каждого свой Бог

17. В последнее время мы все чаще слышим о катастрофах, несчастных случаях, крушениях и пр. В чам здесь причина?

17.1. Все это бывало и раньше, однако замалчивалось
17.2. Случайности были, есть и будут всегда и везде, и не следует все это драматизировать
17.3. В стране упала дисциплина, у людей не стало ответственности
17.4. Как правило, все эти несчастья — дело случайности либо недосмотра, но иногда нельзя исключить и злой умысел
17.5. Многие из этих происшествий — дело враждебных сил

18. В чем были, на Ваш взгляд, причины гражданской войны в России?
18.1. То была неизбежная схватка нового со старым, отжившим
18.2. Трагическая ошибка, рожденная взаимным непониманием людей
18.3. Излились веками копившиеся в обществе злоба, раздражение
18.4. Раскол страны и братоубийство спровоцировали чуждые нам антинациональные силы
18.5. Народ справедливо мстил эксплуататорам (Если Вы усматриваете сочетание двух или нескольких причин, отметьте, каких)

19. Как Вы теперь считаете, кем были красные?
19.1. Героями, защитниками обездоленных
19.2. Людьми честными, но обозленными, темными
19.3. Патриотами, мечтавшими о лучшем будущем для народа
19.4. Мстителями старому обществу, каравшими и правых, и виноватых
19.5. Другими (кем?)________________

20. А кем были белые?
20.1. Реакционерами и преступниками
20.2. Идейными сторонниками старого строя, монархии
20.3. Людьми, вынужденными защищать себя, близких, свой мир
20.4. Патриотами, отстаивавшими национальное достоинство, традиции, честь
20.5. Угнетателями, бившимися за свои капиталы и привилегии
20.6. Людьми, искренне заблуждавшимися
20.7. Другими (кем?)________________

21. На страницах печати и по телевидению в последнее время стали поднимать вопрос о таком «белом пятне» истории, как казнь императора Николая II и его семьи. Что Вы думаете по этому поводу?
21.1. Царя и его близких постигла суровая, но справедливая кара, и нет смысла вновь ворошить этот для всех ясный вопрос
21.2. Конечно, с позиций сегодняшнего дня казнь Николая II и его семьи выглядит делом незаконным, его следовало бы всенародно судить, однако такова была эпоха, и ничего тут не поделаешь
21.3. Выгоднее было использовать царя в качестве заложника, чтобы предотвратить интервенцию. Его убийство спровоцировало гражданскую войну, унесшую столько жертв, разрушившую общественную мораль
21.4. Все содеянное с царской семьей — преступление, которое нельзя ничем оправдать

22. Революция, гражданская и Отечественная войны, последующие неурядицы забросили многих наших соотечественников за рубеж. Что Вы о них думаете?
22.1. Все они безнадежно враждебны нам, контакты с ними не нужны
22.2. С ними трудно найти общий язык, но они наши люди, и с ними следует искать точки соприкосновения
22.3. Многие из них могут способствовать возвращению на Родину ее художественных и исторических ценностей, с такими надо дружить
22.4. Демократия предполагает свободу выезжать из страны и въезжать в нее, так что никаких условий для этого вовсе и не требуется
22.5. Перестройка нуждается в патриотах, а таких среди эмигрантов немало: надо снять для таких людей все ограничения на въезд в страну, необходимо создавать землячества наших бывших граждан (в том числе русских) по всему свету, где они живут

23. Какая историческая эпоха была периодом расцвета России?
23.1. Времена язычества
23.2. Крещение Руси
23.3. Киевская Русь
23.4. Борьба с кочевниками: половцами, хазарами и пр.
23.5. Становление Московского государства
23.6. Времена Ивана Грозного
23.7. Петровская эпоха
23.8. Екатерининская эра
23.9. Эпоха Пушкина, Лермонтова, Тютчева
23.10. Годы после отмены крепостного права, реформы Столыпина и пр.
23.11. Революция
23.12. Гражданская война
23.13. Нэп
23.14. Индустриализация, коллективизация
23.15. Война с фашизмом
23.16. Освоение целины
23.17. Наше сегодня, перестройка

24. За последнее время мы услышали немало непривычных для нас оценок нашего прошлого. С какими Вы согласны?
24.1. Царская Россия была нищей, экономически отсталой, малокультурной страной, далеко отставшей от Европы
24.2. Она представляла собой тюрьму народов, угнетала все нерусские национальности
24.3. Искони агрессивная Российская империя всегда угрожала миру в Европе и безопасности соседей
24.4. Многое, что нам внушали о прошлом нашей страны, неверно: по уровню развития Россия того времени стояла в одном ряду с передовыми державами мира, а по темпам развития превосходила большинство из них
24.5. Русское государство, включив в себя многие народы, обеспечило им возможность для сохранения их национальной самобытности, что делало крайне редкими межнациональные конфликты и придавало стране высокую внутреннюю стабильность
24.6. Не испытай Россия революционной ломки, не будь сталинских репрессий и многочисленных «экспериментов», она, опираясь на свою исторически накопленную мощь, стояла бы ныне далеко впереди самых передовых стран Запада

25. Питаете ли Вы доверие к своему народу?
25.1. Да, ко всему советскому народу
25.2. Да, скорее ко всему советскому народу, нежели к людям своей национальности
25.3. Да, в большей мере к народу своей национальности, нежели ко всем советским людям
25.4. Да, но только к народу своей национальности
25.5. Ни к тому, ни к другому

26. Как Вы знаете, страны Западной Европы предполагают после 1992 года совершить новый принципиальный шаг в деле объединения: создать общее правительство, иметь общие денежные знаки, воинские части и пр. Считаете ли вы, что и социалистическим странам, входящим в Совет Экономической Взаимопомощи, следовало бы предпринять подобные шаги?
26.1. Да, такой шаг необходим
26.2. Да, подобный шаг был бы целесообразен, однако в нынешней ситуации это невозможно
26.3. Все это нам не нужно, надо развивать свою страну и поменьше обращать внимания на других
26.4. Нет, если и стремиться к объединению, так с высокоразвитыми странами Запада
26.5. Трудно сказать

27. Сегодня мы нередко узнаем, что то здесь, то там в разных частях страны разного рода силы выдвигают антирусские лозунги, растут антирусские настроения. Чем это вызвано?
27.1. Никаких таких настроений и призывов нет, все это выдумки или раздутые сведения
27.2. Подобное поведение — реакция на бескультурье самих русских
27.3. Все это вследствие того, что русские сами веками угнетали других
27.4. Нападки на русских — попытка расколоть страну, лишить ее стержня
27.5. С русскими сознательно или неосознанно ассоциировалась ненависть к административно-бюрократической системе и социальным последствиям ее господства, нужно убедительно опровергать такие взгляды

28. Какая форма государственности лучше всего подошла бы для России?
28.1. Существующая ныне
28.2. Многопартийность западного образца
28.3. Президентская республика, как в США
28.4. Правление сильной личности
28.5. Государство, руководимое церковью
28.6. Абсолютная монархия
28.7. Анархия
28.8. Самоуправление общин и территорий
28.9. Все бесполезно и плохо

29. Впервые за многие десятилетия в России произошли массовые забастовки шахтеров, за которыми последовали выступления в других частях страны. Что это, по-Вашему, значит?
29.1. Это обычный трудовой конфликт, который не стоит драматизировать
29.2. Терпение русского, украинского и пролетариата других национальностей истощилось, забастовки шахтеров — только первая ласточка
29.3. Этим людям надоело, что плодами их труда пользуются все, а им не достается ничего, что они живут в своей стране в неравноправном положении
29.4. Случившееся — следствие непонимания этими людьми сложности обстановки в стране, излишней нетерпеливости
29.5. Забастовщики — эгоисты, думающие только о себе

30. Вокруг ряда действующих в нашем обществе «неформальных» движений и организаций сегодня идет острая полемика. А что, скажем, Вы думаете о «Памяти»?
30.1. Там есть всякие люди, в том числе и честные, так что однозначная оценка невозможна
30.2. Это движение национал-экстремистов, но его не следует запрещать; любое общественное течение, кроме криминальных, имеет право на существование
30.3. Это движение оголтелых шовинистов, которое следует запретить
30.4. Большинство рядовых членов движения — люди, озабоченные проблемами охраны исторических памятников и культурных традиций; в руководстве же немало политиканов и честолюбцев, мечтающих о власти
30.5. При всех перегибах это организация патриотов: их надо не травить, а вести с ними принципиальный диалог
30.6. Они делают большое дело, будя национальное самосознание русского народа
30.7. Судить о них трудно, т. к. правдивых данных нет

31. А что бы Вы сказали о Демократическом союзе?
31.1. Пусть даже с ошибочных позиций, они ратуют за демократию и гуманизм в нашем обществе
31.2. Это антисоветское и антисоциалистическое движение, с которым надо бороться
31.3. Ошибки есть у всех, надо не преследовать ДС, а дискутировать с ним, искать точки соприкосновения
31.4. Надо отдалить рядовую, обманутую массу от лидеров
31.5. Все, что они делают,— правильно
31.6. Нет мнения

РОДИНА 9/89

Ежемесячный общественно-политический научно-популярный иллюстрированный журнал

Издание газеты «Правда»

Выходит с января 1989 г.

Главный редактор
Ю. А. СОВЦОВ

Редакционная коллегия:
А. К. АВЕЛИЧЕВ
С. С. АВЕРИНЦЕВ
О. И. БОРИСОВ
В. В. БЫКОВ
Д. В. ВАЛОВОЙ
П. В. ВОЛОБУЕВ
С. А. ВОЛОВЕЦ
(редактор международного отдела)
В. П. ДОЛМАТОВ
(заместитель главного редактора)
К. А. ЕЛЮТИН
(ответственный секретарь)
Т. А. КРАВЧЕНКО
(редактор отдела истории)
Б. А. МОЖАЕВ
В. М. ПЕСКОВ
Г. Л. СМИРНОВ
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(главный художник)
С. А. ЯКОВЛЕВ
(редактор отдела публицистики)

Номер оформили:
В. С. Арутюнов
Г. С. Терзибашьянц
при участии
Е. К. Соковой
и С. А. Артемьева

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Москва
Издательство
«Правда».

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Разработки нашей лаборатории достаточно широко известны в научном мире. В ежегодных обзорах, издающихся на Западе по проблеме глубоких центров в полупроводниках (практический выход — повышение качества ЭВМ), всегда цитируются статьи наших сотрудников. Но попытки внедрить их в Воронеже встречают такое недоверие и сопротивление, как будто мы хотим кого-то обмануть или залезть в чужой карман. Причина проста: передовое воронежское предприятие НПО «Электроника» — монополист в своей отрасли. Оно выпускает ЭВМ типа «Электроника-60», потребность в которых на нашем рынке практически не ограничена.

*Поэтому и неоткуда взяться восприимчивости к научным достижениям. Бесконкурентной экономике наука не нужна! Так происходит по всей стране. Полагаю, что причина очевидна: и всесильное министерство, и практически каждый завод стали монополистами. На социалистический рынок, который мы надеемся создать, их выпускать нельзя, иначе получится не свободная торговля, а грабеж. Предприятие, которое, с одной стороны, является монополистом, с другой — само страдает от отсутствия выбора товаров, чтобы восполнить издержки, непременно повышает цены на свои же изделия. Складывается ситуация, которая никому не выгодна, но труднопреодолима. Чтобы изменить положение, надо в ближайшее время принять **антимонопольное законодательство.** Это должно стать первым актом экономической реформы.*

Антимонопольное законодательство будет полезно и в плане политическом. Расширение производства в рамках одной республики плюс естественное стремление к максимальной прибыли приведут предприятия к тому, что они перешагнут национальные границы, появятся дополнительные гарантии от раскола Союза. И наконец, только после принятия антимонопольного законодательства наша экономика может быть интегрирована в общемировую, построенную на тех же принципах.

Что представляет собой антимонопольное законодательство? Предприятиям, выпускающим однотипную продукцию, запрещается монополизировать более 30% производства и вступать в сговор между собой с целью ограничить свободную конкуренцию. Новые законы позволят вести судебное преследование тех производств, которые будут необоснованно повышать цены. Причем важно, чтобы размеры штрафов были высокими. Тогда «провинившийся» либо разорится, либо, откупившись до суда, снизит цены. В этих условиях естественно отомрут отраслевые министерства и ведомства, а государство, освободившись от непосильного бремени управления, сосредоточит силы на экономической инфраструктуре, охране правопорядка, социальных программах, экологии, здравоохранении и других важных и запущенных участках. Помимо того, оно сможет выполнять задачу, особенно актуальную в современном мире — внедрение достижений науки в экономику.

В. КИРИЛЛОВ,
кандидат физико-математических наук, народный депутат СССР.
Воронеж

Уже много лет мы говорим о трудностях с продовольственным снабжением. Между тем совершенно ясно, что решение этой проблемы зависит не только от увеличения производства продуктов питания, в частности мяса, но и от правильного регулирования цен. Система цен, существующая сегодня, рождает опасную экономическую инфантильность, когда потребитель относится к продуктам без уважения. Поэтому необходимо поднять цены на мясо, молоко, масло и обязательно на хлеб.

До сих пор любое повышение цен резко сказывалось на покупателях, а снижение касалось только неходовых, залежалых товаров, и, значит, никак не улучшало бюджет граждан. Это и воспитало в нас страх перед любым возможным их изменением. При этом мы забываем, что движение цен так же нужно экономике, как человеку кровообращение. Оно выполняет роль своеобразного регулятора производства. У нас цены на продукты в целом стабильны, зато огромных масштабов достигли дотации: 84 миллиарда рублей в 1988 году против 3,5 миллиарда в 1965-м. И любому экономисту ясно, что это свидетельствует о серьезных аномалиях в стоимостной системе народного хозяйства. Низкие цены ряда продуктов поощряют нерадивое отношение к народному добру, порождают дефицитность многих товаров и услуг, социальную несправедливость. Как известно, меньше всего выигрывают от их низкого уровня именно малообеспеченные семьи. Ведь в существующих условиях продукцию по низким ценам в первую очередь приобретают те, кто имеет доступ к дефицитным товарам или большую «пробивную» силу.

*Попытаемся проанализировать самую болезненную, «мясную», проблему. Какая польза жителям большинства районов страны от существующих цен на мясо, когда **им** приходится покупать его на рынке, в лучшем случае по пять рублей за килограмм? Недавно были опубликованы данные о состоянии цен на городских рынках 264 городов. Оказалось, что средняя цена одного **килограмма говядины в декабре 1987 года** составила **чуть более пяти рублей** — почти в два с половиной **раза** больше государственной. **Действительно**, государственная **розничная** цена одного **килограмма говядины** составляет по стране **1 рубль 77 копеек**, но на каждый из **этих килограммов** дается **дотация 2 рубля 98 копеек.** Следовательно, **реальные затраты** на ее производство **и реализацию** и дают рыночную цену — около пяти рублей. И поэтому любые попытки ее административного ограничения заканчивались одним — мясо исчезало с рынка. Оппоненты возразят: есть государственные хозяйства, где себестоимость килограмма мяса не превышает рубля. Но сколько у нас еще хозяйств, в которых она достигает и 20 рублей! В новых условиях, в которых сейчас функционирует наша экономика, повышение цен на мясо решит еще один непростой вопрос: у кооператоров, работающих в общепите, отпадет всякая необходимость «левыми» путями скупать его в магазинах, выдавая за рыночное.*

Словом, перестройка должна затронуть и систему ценообразования продовольственных товаров. Решая этот важнейший вопрос, нужно руководствоваться строгими экономическими законами, а не опасными иллюзиями, которые во множестве расплодились в годы застоя.

В. ПИНЗЕНИК,
кандидат экономических наук
В. ПАНОВ,
журналист
Львов

Сегодня уже всем стало очевидно, что к любому даже частному вопросу нужен широкий, комплексный, научный подход. Не существует ни национальных, ни экономических, ни социальных проблем в чистом виде — все переплетено.

Трудности, с которыми сталкиваются малочисленные народы Дальнего Востока, неотделимы ни от экологической ситуации края, ни от общесоюзных экономических и социальных проблем. Мне уже приходилось говорить на Съезде народных депутатов об удэгейцах — народе, который живет в четырех селениях. Расположены они в двух краях и четырех районах. Власть сельсовета простирается не дальше границы каждого из селений. А в тайге, с которой исторически связано существование этого небольшого народа, царствуют многочисленные министерства и ведомства. К чему привело их засилье? Экономика Дальнего Востока получила такую экспортную направленность, что Япония обрела здесь сырьевой придаток. Из десятилетия в десятилетие вырубается лес, загрязняются реки, уничтожается среда обитания коренных народов, а аборигены совершенно бесправны и не в силах остановить разрушительную ведомственную интервенцию.

В Долговременной программе развития Дальнего Востока нет даже главы, посвященной малочисленным народам. Нет таких разделов или параграфов и в планах министерств. Интересы коренного населения никто не учитывает. Проводили укрупнение коллективных хозяйств, их реорганизацию в совхозы и госкомхозы и уничтожили, посчитав неэффективными, множество маленьких селений (только по берегам Амура их погибло около пятидесяти). Местные жители все меньше участвуют в охотничьем промысле, рыболовстве, почти перестал существовать морской зверобойный промысел. Малочисленные народы постепенно вытесняются из сферы традиционного труда.

Если судить по цифрам Госкомстата, то государственные капиталовложения в экономику нашего региона покажутся значительными. Официально считается, что эти средства направляются «в район проживания коренных народов». Но только мало что доходит до адресата. Почти все оседает в районных центрах и крупных промышленных поселках, а на долю многих селений буквально ничего не остается.

В селе Гвасюги Хабаровского края в домах стариков-пенсионеров печи осели, пол прогнулся, деревянные стены настолько изъедены грибком, что приходится затыкать тряпьем дыры. Старая школа разваливается, а строительство новой который месяц не идет дальше нулевого цикла. Такое же положение в селе Бельго. Там капитальный ремонт школы откладывается десятилетиями, а она в таком состоянии, что ни одна санитарно-гигиеническая экспертиза (если ее будут проводить порядочные люди) не даст добро на то, чтобы в этом помещении находились дети. Удивительно ли, что у коренных народов не снижается, а растет детская смертность, заболеваемость туберкулезом, падает продолжительность жизни?!

В тяжелейших условиях существуют в наши дни нанайцы и ульчи, нивхи и негидальцы, орочи, ороки, коряки, чукчи и многие другие. Естественно, что изучение их быта и культуры превращается из дела сугубо научного в политическое. Но хочу заметить, что ничуть не меньше меня беспокоит положение, сложившееся в селениях славянских народов. В науке о Дальнем Востоке их принято называть пришлыми, но это лишь термин. Фактически они живут здесь много столетий и делят все беды с коренным населением. Я знаю наверняка: когда больно одному народу, больно и всем остальным.

Нельзя отнести исключительно к сфере экономики и такой вопрос. Коэффициент к зарплате для трудящихся северных и приравненных к ним районов оказывается разным в зависимости от того, к какому ведомству относится предприятие. Он колеблется от 1,2 до 1,8 — разница существенная. Но это только часть дела. Что такое «коэффициент к заработной плате»? Если человек занимает руководящую должность и зарабатывает, допустим, 900 рублей, то коэффициент выливается в немалые деньги. Уборщица на том же предприятии, у которой оклад 80 рублей, дополнительно получает мизерную сумму. Где же социальная справедливость? Надбавки установлены за то, что люди живут и трудятся в экстремальных условиях. Так разве работникам одного завода северный климат легче переносить, чем работникам другого? Разве уборщице зимой не так же холодно, как директору? Я убеждена, что всем должна выплачиваться одна и та же дополнительная сумма, и буду этого добиваться.

Существуют и такие ситуации, в которых требуется вмешательство именно нашей этнографической науки. В Хабаровском крае есть село Сикачи-Алян, известное на весь мир своими петроглифами — наскальными изображениями, выполненными в оригинальной технике. Уже несколько лет энтузиасты выступают за то, чтобы открыть здесь музей. Он послужил бы для работы советских и иностранных ученых, привлек внимание туристов и сделался буквально золотым фондом нашего государства. Сколько отправлено по этому поводу писем в самые высокие инстанции! Дело ни с места. А в селе нет даже своего сельсовета, нет власти, которая занялась бы организацией музея мирового значения.

Много лет не удается добиться и того, чтобы было запланировано (только запланировано!) создание Национального историко-этнографического музея пятнадцати народов Дальнего Востока. Почему в Японии есть музей айнов, которых всего несколько сотен, а наши коренные дальневосточники как будто не заслужили такого внимания? Об этом этнографам молчать нельзя.

Е. ГАЕР,
народный депутат СССР
Владивосток

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
Ваши письма помогут редакции сделать журнал разнообразнее по темам и адресам.
Наш адрес: 125865, ГСП, Москва, ул. «Правды», 24.

НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО — НОВАЯ ПОЛИТИКА?

Председатель Совета Министров СССР Н. И. РЫЖКОВ:

«...Брошен прямой вызов кабинетной практике формирования правительства СССР.

...Я бы не назвал эту процедуру очень приятной, но совершенно убежден, что она необходима, и через это «чистилище» должны пройти все члены правительства».

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО — НОВАЯ ПОЛИТИКА

ГОСПЛАН! КТО И КОГДА НАС НАКОРМИТ, ОДЕНЕТ И ОБУЕТ?

На вопросы журнала «Родина» отвечает первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР
Ю. Д. МАСЛЮКОВ.

— Юрий Дмитриевич! Комментируя ваше назначение на пост первого заместителя Н. И. Рыжкова, председателя Госплана, одна из центральных газет написала: «Чувствуется, что у него есть своя программа вывода экономики из кризиса». У вас действительно такая программа есть? На каких «китах» она держится?

— Прежде всего, во многих выступлениях наших публицистов, экономистов обращает на себя внимание известная легковесность предлагаемых ими рекомендаций. Например, говорят: надо перейти на рыночные отношения, дать им полный простор, и решим все проблемы. Так ли это?

Действительно, рынок несет в себе мощный экономический заряд, стимулирующий развитие. Но это только одна сторона проявления рыночных отношений. Другая состоит в том, что рынок, особенно в условиях расстроенной экономики, несбалансированного спроса и предложения, неизбежно влечет за собой рост цен, падение жизненного уровня населения и целый ряд других производственных и социальных потрясений. И если ты предлагаешь идти на широкое развитие рыночных отношений, то не умалчивай, а что же будет дальше...

В любом деле, а тем более в руководстве такой экономикой, как наше, самое плохое, самое страшное — это шараханье из одной крайности в другую. У нас в Госплане СССР, у меня лично нет никаких сомнений, что именно на пути развития экономической реформы мы и должны обеспечить выход экономики из кризисного состояния.

Вокруг реформы ныне ведутся жаркие дискуссии и споры. Одни преувеличивают ее достижения, другие доказывают, что реформа буксует. Дискуссии эти не праздные, они затрагивают один из коренных вопросов экономической стратегии партии, и мы обязаны со всей ответственностью оценить действительное состояние дел, объективно взвесить пройденный путь, критически осмыслить как достигнутое, так и то, что не удалось сделать.

Идеи и общая концепция реформы вынашивались не просто. Сегодня, спустя немногим более двух лет, мы можем сказать: она вошла в реальную жизнь всех предприятий, отраслей материального производства, начала практически действовать, меняя условия хозяйствования и экономическое мышление десятков миллионов трудящихся, тысяч руководителей производства. В этом главное, в этом суть переживаемого момента. Реформа начала давать свои первые результаты. Она приучает людей зарабатывать деньги и считать их, и это верный признак того, что человек начинает чувствовать себя на предприятии хозяином. А это в конечном счете главный замысел реформы, его движущая сила.

Мы пошли, и это абсолютно правильно, на расширение прав предприятий, трудовых коллективов — основного производственного звена экономики. Сегодня, однако, видно, что не все действия предприятий дают тот результат, на который мы рассчитывали. Очевидно, здесь сказалось упрощенное понимание влияния экономических положений на реальную практику.

Например, считалось, что предприятия, получив в свое распоряжение ресурсы и самостоятельность, тут же начнут искать пути для повышения эффективности производства. А что имеем? Зачастую предприятия стремятся взять план поменьше. Не наблюдается заметных сдвигов в повышении эффективности использования ресурсов, независимо от того, идет ли речь о материалах, оборудовании, финансовых ресурсах. Свои задачи коллективы стремятся в значительной мере решать за счет выпуска более дорогой продукции, а то и прямого повышения цен. При этом игнорируются интересы общества, государства.

Очевидно, здесь ошибка не в самой цели, которую мы ставили, а в тех конкретных путях и формах ее достижения, на которые опирались. Или то «детская болезнь» роста? Все это предстоит взвесить и оценить.

Необходимо пересмотреть функции отраслевых министерств: им надлежит взять в свои руки решение проблем научно-технического прогресса и перспектив развития отраслей. Важно также поддерживать инициативу предприятий, стремящихся к новым формам хозяйственного управления на основе формирования добровольных ассоциаций, концернов и других форм объединений. Без подчинения специальным органам управления — союзным и республиканским министерствам, местным органам и т. д.

Главное направление развития реформы — это усиление ее комплексного характера. Мы в короткие сроки осуществили организационный перевод всех предприятий на принципы хозрасчета и самофинансирования. Важный шаг. Но принципы не сработают полностью, если не будет создана необходимая экономическая среда для саморазвития предприятий. Отсюда — следующий шаг: активизировать работу по перестройке хозяйствования, и особенно системы материально-технического снабжения предприятий, ценообразования, финансово-кредитного механизма.

Нам нужно владеть не на словах, а на деле новым экономическим мышлением. Замечу: при формировании плана текущей пятилетки старые подходы не были полностью преодолены. Например, правильный в принципе тезис «ускорение» был понят и принят чисто механически. Считалось, что ускорение должно нести в себе общее повышение темпов развития. А на самом деле не так, и жизнь вносит свои коррективы. Мы должны ускоренно развиваться на передовых направлениях научно-технического прогресса, расшивать узкие места экономики и ни в коем случае не должны гнаться за тем, чтобы получить фронтальное ускорение темпов на всех участках, ведь в некоторых отраслях главное не объемы, а повышение качества продукции. Это касается особенно тех видов оборудования, которым сегодня народное хозяйство насыщено достаточно.

Следующее положение, которое лежит в основе наших подходов к формированию планов,— это практическая реализация курса партии на усиление социальной направленности развития экономики.

Существенно повышены объемы капитальных вложений в строительство предприятий группы «Б», жилья, детских и медицинских учреждений и других объектов социальной сферы. К производству товаров народного потребления широко привлекаются предприятия тяжелой промышленности и машиностроения. Большое влияние окажет конверсия оборонного комплекса.

Говоря об усилении социальной направленности развития экономики, считаю необходимым остановиться на двух точках зрения, бытующих в настоящее время. Одна из них состоит в том, что, мол, социальные вопросы могут быть в значительной мере решены за счет перераспределения имеющихся ресурсов. Более того, утверждается: не надо наращивать производство, достаточно справедливо разделить имеющееся. Надо отметить, возможности этого пути использовались в текущей пятилетке довольно активно.

Нам удалось в централизованном порядке существенно перераспределить капитальные вложения... Среднегодовой ввод в эксплуатацию жилья увеличился против прошлой пятилетки на 15 процентов. В 1986—1990 годах будет сдано жилья на 100 миллионов квадратных метров больше, чем в одиннадцатой пятилетке. Программа дать к 2000 году каждой семье дом или квартиру реальна.

Так же обстоит дело и по другим объектам социальной сферы. Среднегодовые вводы школ увеличились за три года на 37 процентов, школьных учреждений — на 14, больниц — на 20, поликлиник — на 39, клубов и домов культуры — на 54 процента. Ни в одной сфере народного хозяйства такого роста нет.

Но выработанный социально-экономический курс может быть устойчивым только в условиях роста производственного потенциала страны, а это значит, что везде должны увеличиваться фондоотдача, снижаться материало-, энерго- и трудоемкость производства, повышаться качество продукции и работ, соблюдаться нормативные сроки строительства.

Этого мы пока и не добились. Не переломим тенденцию — завтра столкнемся с необходимостью вновь наращивать капвложения в создание производственного потенциала, в том числе и за счет социальной сферы. В любом случае перераспределение ресурсов — это временный путь, не имеющий перспективы.

Предлагается и другой путь: снять напряжение на рынке товаров народного потребления за счет широкого привлечения иностранных кредитов. Для этого депутат Шмелев предложил на ближайшие годы взять в долг порядка 30 миллиардов рублей.

Конечно, если бы удалось привлечь такие средства, несомненно, года на 3—4 положение страны существенно облегчилось. А потом? Деньги были бы буквально проедены, они ничего не дали бы для производственного потенциала народного хозяйства. Затем источник товаров иссякнет и положение станет еще хуже. Стране придется отрывать у собственной экономики значительные дефицитные ресурсы на уплату долгов. Более того, судьба страны в определенной мере оказалась бы в чужих руках.

Нет, наша цель в том, чтобы выработать подходы, обеспечивающие безусловное повышение эффективности общественного производства, и прежде всего ощутимое снижение его материалоемкости уже в предстоящем 1990 году, и особенно в тринадцатой пятилетке.

Вместе с тем необходимо научиться и заставить себя жить по средствам. Отсутствие необходимой строгости по отношению к себе при формировании программ развития, расходов государства сказалось не только на положении в экономике, но и развратило государственный аппарат, который считал возможным решать насущные проблемы в счет будущих никем не определенных и не обязательных доходов. Это развращало и производителей, которые получали доходы, не соответствующие их труду. Мы должны найти в себе силы переболеть этой болезнью...

Какой может быть предложен рецепт?

Оздоровит, безусловно, экономику переход союзных республик, местных органов руководства на самоуправление и самофинансирование.

В ведении союзных республик и местных Советов предлагается сконцентрировать руководство всеми отраслями социальной сферы, включая производство товаров народного потребления, строительством, природоохранной деятельностью и региональной инфраструктурой. Если до сих пор бюджеты союзных республик начинали формироваться с определения и согласования расходов, а недостающие доходы восполнялись за счет средств союзного бюджета, то переход на самофинансирование предполагает, что расходоваться может только самостоятельно заработанное. Тем самым устанавливается тесная зависимость уровня благосостояния населения, ресурсов для роста экономики союзных республик и регионов от конечных результатов их хозяйственной деятельности и вклада в общее развитие страны. Подобный механизм и будет заставлять жить по средствам.

Наконец, инвестиционный процесс. Сегодня мы имеем размазанный фронт строительства, «разгул» строительной незавершенки, в результате чего буквально миллиарды рублей бесполезно зарываются в землю. Предстоит решительно отказаться от практики принятия решений, когда сооружение крупнейших предприятий и комплексов, требующих многомиллиардных затрат, благословлялось без должной увязки с общими инвестиционными возможностями государства, к тому же без глубокой проработки технико-экономических обоснований проектов. Нужны критерии оптимальных размеров создаваемых производственных мощностей с учетом специфики отраслей и регионов. Проектировать и организовывать строительство предстоит таким образом, чтобы сроки сооружения производственных объектов не превышали 2—3 года. Вот где наши резервы.

В настоящее время наша страна находится на пороге новой пятилетки. Новая структурная и инвестиционная политика должна ускорить переориентацию народного хозяйства в социальном направлении... Практически это означает, что в тринадцатой пятилетке ресурсы национального дохода, направляемые непосредственно на повышение уровня жизни населения, будут в 1,5 раза больше ожидаемых в текущей пятилетке, темп прироста производства предметов потребления в промышленности вдвое превысит темп прироста производства средств производства.

При таком сложном и масштабном экономическом маневре мы должны построить свою работу так, чтобы избежать подрыва материальной базы экономики в целом и не повторить уже имеющийся неудачный опыт некоторых стран. Надо помнить, что и при социально ориентированной экономике ее двигателем остается подлинный научно-технический прогресс.

Конечно, изложенные проблемы далеко не охватывают всех «китов», которые лежат в основе экономической перестройки и способствуют выводу народного хозяйства из кризисного состояния, но они — главные и предопределяют судьбу всего процесса.

— Юрий Дмитриевич! Мы с нетерпением ждем первых шагов Госплана после Съезда народных депутатов, после 1-й сессии Верховного Совета СССР. Можно ли надеяться, что уже в народнохозяйственном плане развития страны на 1990 год появятся принципиально новые позиции и подходы? Как, допустим, будет выглядеть госзаказ?

— Госплан СССР твердо стоит на позиции последовательной перестройки планирования, и в том числе широкого развития товарно-денежных рыночных отношений с использованием присущих им рычагов и методов. План на 1990 год будет представлять важный этап этого процесса. Нужно практически решить, как будет сочетаться и согласовываться общегосударственное планирование с самостоятельностью трудовых коллективов, развертыванием арендных отношений, кооперации.

Общегосударственное централизованное планирование все более сосредоточивается на формировании целей и приоритетов развития экономики, структурной, инвестиционной, научно-технической и социальной политики, что находит отражение в плане — не только в обычной системе показателей, но и в форме государственных национальных программ.

Это главное в новом планировании. Есть и другая новация. Раньше плановая реализация целей осуществлялась путем директивного установления каждому предприятию множества заданий, определяющих буквально каждый шаг трудового коллектива.

Теперь (после определения экономической политики на плановый период) важнейшей функцией централизованного плана становится экономический инструментарий воздействия на рынок.

Что тут: система общесоюзных, республиканских и местных налогов и платежей, договорные и централизованно фиксируемые цены, кредитные ставки, специальные экономические нормативы и т. д.

Подобным инструментом централизованного воздействия на социалистический рынок с целью реализации экономической политики остается и государственный заказ.

Практика показывает: используемая

система госзаказов предоставляет возможности для развития хозяйственной самостоятельности предприятий, не сдерживает развитие рыночных отношений. Конечно, на нынешнем первоначальном этапе становления нового хозяйственного механизма государственный заказ не лишен целого ряда недостатков. В числе их, допустим, то, что программа формируется в основном в центре при недостаточном влиянии потребителя продукции (работ, услуг).

Чтобы на деле усилить роль потребителя во взаимоотношениях двух сторон, целесообразно, на наш взгляд, предоставить потребителю право формировать и устанавливать государственный заказ самому, сносясь с поставщиком.

Допустим, Минздрав СССР является заказчиком более 1,5 тысячи наименований лекарственных средств. Как показала практика 1989 года, попытке группировать эту громадную номенклатуру в несколько десятков групп несостоятельна. В связи с этим можно было бы предоставить Минздраву СССР право самому устанавливать государственный заказ на всю номенклатуру требующихся лекарственных средств, самому находить поставщиков, среди которых Минмедпром СССР и ряд других министерств и ведомств.

Однако проводимая Госпланом СССР линия на дальнейшую демократизацию централизованного планирования не всегда находит должную поддержку со стороны тех, кому делегируются права в планировании. Тот же Минздрав СССР, к примеру, не в восторге от того, что права на установление государственного заказа поставщикам передаются ему. С точки зрения Минздрава эти функции надо оставить за Госпланом СССР.

Таким образом, процесс перестройки планирования идет. Важно не тормозить его, но и не форсировать искусственно. И то и другое ничего, кроме негативных последствий, принести не может.

— *Юрий Дмитриевич, чем вы объясняете тот факт, что из 13 заместителей Н. И. Рыжкова 7 пришли работать в Совмин СССР из военно-промышленного комплекса? А что вам самому дал опыт работы в ВПК?*

— Я думаю, что в этом есть элемент случайности: именно 7, а не 6 или 8. Но есть и некая закономерность, отражающая положение дел в народном хозяйстве в прошлом.

Период 70-х —начала 80-х годов называют застойным периодом. Да, застой был. Более того, был и регресс. А где-то был прогресс, и заметный.

Вспомните хотя бы, как развивался топливно-энергетический комплекс. Не топтался на месте и оборонный комплекс. Он решил задачи, которые были поставлены перед ним интересами обеспечения обороноспособности страны. Сейчас кое-кто утверждает, что, мол, комплекс получил чрезмерное развитие. Это не так. Беда в том, что другие отрасли или не смогли сами, или им не помогли обеспечить выполнение стоявших перед ними задач. В силу этого их потенциал в целом отстал от объективных потребностей страны. Оборонный комплекс начал отрываться от общего базиса не потому, что чрезмерно быстро шел, а потому, что другие начали топтаться на месте.

Наряду с другими негативными фактами в тот период наблюдалось снижение производственной и технологической дисциплины, интенсивности научно-технического прогресса. Конечно, в какой-то мере эти процессы затронули и ВПК.

Однако те объективные специфические требования, которые стояли перед комплексом, не позволили общей болезни существенно проникнуть в него.

От нас требовалось и качество продукции, и ее технический уровень... Поэтому и требования к кадрам были более жесткими, да и сами руководители более ответственно и дисциплинированно относились к порученному делу. И как следствие: 7 из 13.

Мне лично работа в военной промышленности дала много. Она сформировала меня не только как специалиста-техника, но как работника, считающего делом профессиональной чести выполнить любое сложное задание не только с высоким качеством, но и в срок.

С другой стороны, работая в «оборонке», а затем в Госплане СССР и Совете Министров СССР, я имел возможность изучить связи комплекса со всей экономикой страны, взаимные зависимости отраслей. Так пришло понимание, что только сбалансированное развитие позволяет надежно решать задачи всего народнохозяйственного комплекса. Идет ли речь о проблемах социального развития, или обороны страны, или каких-то других.

— *Пресса в последние годы потеряла интерес к Госплану, мол, там все равно ничего не решают. В свою очередь, специалисты Госплана, видимо, устав от критики, весьма неохотно шли на контакты с представителями центральной печати. Считаете ли вы, что эти отношения в ближайшее время изменятся к лучшему и станут более взаимоуважительными и деловыми?*

— Связь с прессой, выступления в печати — для Госплана это было важным во все периоды его истории. Что касается критики, мы всегда относились к ней со вниманием. Но не в упрек будет журналистам сказано, они часто пускали стрелы в Госплан СССР, или не решаясь пойти на прямой контакт с его работниками, или не понимая, за что же непосредственно отвечает наш комитет.

Теперь о будущем. Мы пережили период, когда критика прошлого, действительных или мнимых ошибок преобладала. В то же время объективное осмысление прошлого и настоящего было не в почете.

Теперь, если мы действительно хотим идти вперед, надо думать (и писать, конечно) о том, как решать проблемы, надо анализировать текущие процессы, видеть перспективы их развития и степень влияния на экономику и жизнь людей.

Вот в этой позитивной, созидательной работе пресса, радио и телевидение встретят у нас полное понимание и стремление действовать совместно.

НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО — НОВАЯ ПОЛИТИКА

МИНИСТЕРСТВ СТАЛО МЕНЬШЕ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

На вопросы журнала «Родина» отвечает член-корреспондент АН СССР, заместитель директора Центрального экономико-математического института АН СССР, народный депутат СССР

Н. Я. ПЕТРАКОВ.

— *Николай Яковлевич! Итак, летом этого года Верховный Совет СССР на демократической основе утвердил состав нового правительства страны. В структуре Совмина почти на треть сократилось количество министров и комитетов союзного ранга. Стоит ли теперь ожидать, что управление народным хозяйством коренным образом улучшится? Когда, как вы думаете, уже можно будет заглядывать в магазины?..*

— Да, министерств меньше, но нужны ли они вообще? Будь у директора завода, объединения возможность свободно купить станок, оборудование, сырье, тогда ему и самый гениальный министр ни к чему. Проза жизни, однако, такова: власть в нашей внерыночной экономике, как и прежде, принадлежит министерствам, и они, стараясь не допустить рынка, тем самым доказывают свое право на дальнейшее существование. Оттого и полки в магазинах пусты.

— *Но зачем же тогда Верховный Совет с такой тщательностью слушал программы претендентов на должности руководителей отраслей? Компетентность многих министров, их пафос — засучить рукава и взяться за работу, согласитесь, оставили неплохое впечатление...*

— Наивно и простодушно считать, что, мол, если в кресло министра сядет новый, пусть высококвалифицированный человек, дела в экономике пойдут как по маслу. Это равносильно вере в доброго батюшку царя. Мол, добрый царь создаст нам предпосылки для рынка, а мы тут как тут, не растеряемся — рынок объявим действующим.

Я считаю, рынок надо вводить немедленно, а не так, как это предлагается Н. И. Рыжковым, когда-то... Вводить его, может быть, предпочтительнее зонами и сферами. Уже сегодня стоило бы пустить в свободную продажу товаров, сырья и оборудования на сумму, равную примерно фондам развития предприятий. А это больше 100 миллиардов рублей. Вспомним эксперимент, проводившийся в Сумах. Уже тогда стало очевидным, что заработанные деньги при отсутствии рынка предприятию негде отоварить. Строительный песок, допустим, купить можно, в цемент — нет. Разве это жизнь, когда без воли вышестоящих организаций даже бетонную стенку нельзя поставить без мук.

— *Нам обещано: формируются министерства нового типа, многие ныне выполняемые ими функции должны отойти непосредственно предприятиям и территориям. Правда, к моменту работы первой сессии Верховного Совета нового положения о министерствах еще не было...*

— Я не верю в то, что укрупнение министерств что-либо в корне изменит. Сократив управленческий аппарат, министерства на «старом скелете» вскоре вновь нарастят мясо: обзаведутся главками или иными структурами — так уже случалось не раз.

Слишком медленно продвигаемся вперед. Мне понравилась постановка М. С. Горбачевым вопроса о правовой экономике. Кое-какие шаги в этом направлении уже делались. Худо-бедно мы ввели два закона: о предприятии и о кооперации. Логично было бы думать, что вслед за этим появится общий хозяйственный кодекс или законодательство о функциях органов управления: министерств, Госплана и Совмина. Увы! Родился на свет лишь пакет актов из 12 постановлений ЦК и Совмина СССР. В документах изложены некоторые принципы, как должны работать Минфин, Госбанк, Госплан. Однако юридической силы эти акты не имеют. Так что правовая симметрия в экономике до сих пор не выстроена. Министерства работают в условиях беззакония, их власть над предприятиями никто не отменял.

Возможно, вы возразите: а Закон о предприятии? Ряд пунктов в нем, замечу, имеет расплывчатый смысл. А толкователь кто? Министерство, заинтересованное в расширении своей власти. Двое на качелях: министерство и предприятие — кто на кого сильнее давит и кто перевешивает, гадать не приходится.

— *Правовое хозяйственное регулирование — наша старая зубная боль. Вот и Н. И. Рыжков в заключительном слове на первой сессии Верховного Совета СССР подчеркнул: без эффективной «правовой основы реально рассчитывать на быстрые перемены в социально-экономическом развитии страны будет трудно». Но вернемся к министерствам: как вы, Николай Яковлевич, видите их эволюцию сегодня?*

— На мой взгляд, существуют три варианта. Либо министерства вообще ликвидируются. Вместо них возникают объединения, концерны, корпорации — они живут и действуют вне власти вышестоящих организаций. Минфин? Да, он вправе «прижимать» налогами. Однако это же не вышестоящая организация. Вышестояние — это когда я могу тебе приказать: слушай и исполняй без возражений.

Либо министерства сохраняются, но становятся отраслевыми фирмами маркетинга. По заказу предприятий они изучают, допустим, вопросы, связанные с емкостью рынка, исследуют новые перспективные материалы, анализируют новые тенденции НТР. Словом, преобразуются в хозрасчетные центры, которые оказывают услуги предприятиям,— тем и живут.

Третий вариант. В компетенцию министерств вменяется стратегия развития отраслей, они становятся как бы филиалами Госплана СССР.

Нам в принципе, думаю, необходимо вернуться к идее государственного планирования в ленинском его понимании. Вспомним, план ГОЭЛРО был сверстан на 20-летнюю перспективу. Подобное стратегическое, долгосрочное, научно-техническое планирование — дело Госплана СССР, годовые планы из его деятельности стоило бы изъять вообще. Пусть этим занимаются предприятия и отрасли.

Мы ругали западное индикативное планирование, мол, то планы-прогнозы, планы-рекомендации. Чем же лучше наши собственные? Это чаще всего были директивы. Не выполнена ни одна пятилетка за всю историю развития страны. Слава «сталинских» ударных темпов, как выяснилось, тоже держалась на подтасовке цифр.

Считаю, планирование должно быть и «обэкономичено». Пора нам зорко следить за сменой приоритетов. Почему мы все время смотрим в спину западным партнерам? В 60-е годы, допустим, мы забыли о том, что пора переключаться на жидкое топливо и газ, гнали уголь, в то время как в мире шла смена баланса энергопотребления. Так случилось и с микроэлектроникой, с микробиологией — примеров сколько угодно.

— *Министерство или предприятие? Стало быть, Николай Яковлевич, вопрос о разделении экономической власти не только не снят, но и обострился еще больше?*

— У нас государство как бы генетически облечено всей полнотой власти, оно, как барин с плеча, время от времени отдает производителям материальных благ некоторые «свободы и самостоятельности». Разве на деле уменьшилось количество плановых показателей для предприятий? Разве разрешено им свободно зарабатывать валюту?

В истории все выглядело иначе. Для чего потребовалась централизованная власть? Еще в древности люди поняли: кое-что необходимо делать совместно. Допустим, осуществлять функцию обороны. Крестьяне кормили дружину князя, а он их охранял.

Свобода человека, хозяйствующего на земле, изначальна. Вот и нужно вернуть свободу работнику. А органам управления, хозяйственным звеньям оставить только те функции, какие предприятия сами не в состоянии выполнять или это им невыгодно по каким-либо причинам.

Как произошло разделение производительного и торгового капитала? Крестьяне, ремесленники пришли к выводу, что им выгоднее продавать свою продукцию посреднику, нежели самим сноситься с рынком. Прототип торгового капитала в нашей стране — Госснаб СССР. На купца он далеко не похож. Насильно отбирает все, насильно распределяет и при этом не несет никакой ответственности за выполнение заявок производства. Госснаб держит предприятие за горло лучше любого министра.

Словом, пока никаких качественных изменений в управлении экономикой я не вижу.

— *Ныне уже никто не отрицает, что совершенствование всей формы хозяйствования должно проходить на основе использования многообразных форм собственности. Мнения разные. Некоторые специалисты говорят так: сектор государственной экономики — 50 процентов, другая половина — собственность кооперативов, арендаторов, акционеров, смешанная и т. д. К какому балансу надо стремиться, на ваш взгляд, Николай Яковлевич?*

— Я лично сторонник того, чтобы формы собственности рождались и утверждались в экономическом со-

ревновании. Я за многообразие их форм. И за равноправие выбора. В этом смысле нам необходимо срочно ликвидировать некоторую двусмысленность на селе. Там крестьянин, решивший податься в арендаторы, обязан обращаться не к органам власти, а к председателю колхоза или директору совхоза. Кланяется им в ноги и нередко слышит: только через наш труп. А ведь колхозы создавались — как же мы это забыли? — как объединение наделов, отданных крестьянину в вечное пользование...

Мы оглупляем государственную собственность — вот что меня особенно волнует. Допустим, закрывается убыточный комбинат. Его отдают кооператорам или в аренду. И вот — о чудо! — предприятие становится прибыльным. На основании подобных метаморфоз делается вывод, что, мол, государственная собственность неэффективна вообще. Не надо обманывать самих себя. Давайте работников государственных предприятий поставим в такие же условия, в каких действуют предприимчивые кооператоры. Ликвидируем все надстройки в виде министерств и главков, снимем все ограничения в организации и оплате труда. Вот тогда и посмотрим...

Повторяю, я — за соревновательность, но давайте поддерживать и государственную собственность. А для этого нам придется освободить ее от всевозможных «министерских ограничений».

— Николай Яковлевич! Когда, на ваш взгляд, министры и правительство начнут слушать нашу экономическую науку?

— Науку, конечно, начали слушать, но прислушиваются к ее рекомендациям пока недостаточно. Бывает так. Какая-то идея понравилась, и вот ее хватают, начинают «монтировать». Хотя, понятно, идея способна существовать только внутри целостной концепции — как же вы этого, товарищи, не уловили?!

Много сегодня рассуждают о 1-й, 2-й, 3-й моделях хозрасчета, о возможностях каждой из них. К чему эти бессмысленные разговоры?! Хозрасчет полнокровно живет только в условиях рынка, а его-то у нас пока нет.

К сожалению, как и прежде, у нас отсутствует понимание объективной потребности в науке. Барин захотел — он может себя позволить обучать своих крепостных английскому языку. Пусть они говорят по-английски, но то, что они вооружены сохой,— его не очень волнует. С другой стороны, как ученый, я против слияния экономической науки с управлением. У нас бытовала формула: практика — это критерий истины. Наука подстраивалась под практику, оправдывала многие ее результаты. Застойная экономика — это их совместная победа.

На мой взгляд, передовая экономическая наука должна опережать время. И даже немножко конфликтовать с обществом. Именно так созревают перемены.

НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО — НОВАЯ ПОЛИТИКА

НЕ ЗАБЛУДИМСЯ ЛИ МЫ В ЛЕСУ, АКАДЕМИК?

На вопросы журнала «Родина» отвечает председатель Государственного комитета СССР по лесу, академик А. С. ИСАЕВ.

— Александр Сергеевич! Вы не жалеете о том, что сменили карьеру ученого на кресло председателя? Академик А. С. Исаев переезжает в Москву — это решение поразило многих почитателей вашего таланта, всех людей, уважающих вашу гражданскую позицию.

— Конечно, жалею. Вы учтите, мне пришлось поменять не только карьеру, но и место жительства, сам образ жизни. Более 30 лет я проработал в Сибири, в Красноярске. Прошел, как говорится, все ступени роста — от младшего научного сотрудника до директора научного центра. При этом вся моя жизнь связана с лесами Сибири и с исследованием их.

Как я стал председателем Комитета, название которому придумал сам? (Именно «Комитет по лесу», а не по «лесному хозяйству», потому что лес в жизни человека — это куда больше, чем хозяйство.) Дело в том, что я постоянно критиковал и выступал против неправильных, с моей точки зрения, позиций, которые длительное время существовали и реализовывались в лесопользовании. Будучи депутатом Верховного Совета СССР двух созывов, работая там в планово-бюджетной комиссии по лесной промышленности, я хорошо знал проблемы изнутри не только как ученый лесовод-эколог, но и как специалист. Поэтому когда мне предложили возглавить Комитет, выбора у меня, собственно, не было. Я бы не простил себя: учить людей, как делать дело, а в решающий момент самому отказаться делать это дело на государственном уровне?

С огромным внутренним усилием я принял предложение. И очень, повторяю, жалел, что уехал из Красноярска: там прекрасный институт, прекрасный коллектив. Однако я считаю, что и здесь я на месте...

— Спор о том, кто хозяин в лесу — лесоводы или лесная промышленность, продолжается не один десяток лет. А ведь лес, как и здравоохранение, работает на здоровье людей...

— Это понимание, к сожалению, у нас отсутствует или рудиментировано в оценке нашего взаимодействия с лесом. При расстановке приоритетов мы обязаны учитывать прежде всего экологическую, социальную роль леса в жизни человека. А уже потом — наши потребительские интересы. Отсюда стратегия лесопользования: разделение функций управления лесом — функций лесного хозяйства от функций лесной промышленности.

— Александр Сергеевич! Мы помним многие ваши публикации в центральной печати. Это был страстный голос ученого. А что вам удалось сделать для наведения порядка в лесу уже на посту председателя Государственного комитета?

— За тот год с небольшим, что я в Москве, мне удалось, во-первых, оценить по-настоящему ситуацию; во-вторых, вместе с коллегами разработать концепцию развития лесного хозяйства. Наша программа «Лес», как я считаю, должна быть общегосударственной и в то же время важной составной частью общегосударственной программы по экологии.

Кроме того, мы очень много занимались хозяйственным механизмом. Понятно, если мы не впишемся в механизм перестройки — хозрасчет, самоокупаемость и т. д.,— многие наши благие пожелания останутся просто на бумаге. Теперь мы видим: все потребление леса должно идти через аренду. Модное слово? Но ведь я еще в 1982 году говорил и писал о том, что лес надо сдавать в аренду. Я выступал с этой программой на комиссиях Политбюро, когда отстаивал необходимость и целесообразность существования лесного хозяйства.

В стране заготавливают лес 40 тысяч предприятий, 202 ведомства различных структур. И все они должны перейти на аренду. Крупные предприятия, в том числе лесной промышленности, на аренду лесосечного лесного фонда,— мы им выделяем сырьевую базу целиком. Мелких, вплоть до индивидуальных пользователей,— на краткосрочную аренду. Понимаете, тут должна проявиться вся многоукладность отношений. Потому что лес, я считаю, это даже не всенародная собственность, как мы раньше говорили, это — всенародное достояние.

Многоукладность и аренда. Во-первых, это позволяет проводить лесопользование на тех условиях, каких мы добиваемся; во-вторых, это способствует увеличению лесного дохода.

Чтобы все это получилось, конечно, необходимы грамотные, научно обоснованные меры государственного контроля за лесопользованием, что у нас практически сегодня отсутствует...

— Александр Сергеевич! А как долго растет лес?

— Вообще у нас структура близка к сельскохозяйственной — похожа на нее прежде всего тем, что мы тоже выращиваем продукт. Лес растет 100 лет. И поэтому очень важно не ошибиться. В каком-то смысле мы обязаны работать точно и грамотно, как саперы. ■

НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО — НОВАЯ ПОЛИТИКА

КОМАНДА РЫЖКОВА И АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА. КТО КОГО?

Вы, конечно, помните изнурительно жаркое лето 1989 года?

Москва, экологически запущенная, запыленная и загазованная столица, которой 30-градусная жара клинически противопоказана, обливаясь миллионами потов, изо дня в день сидела у телевизоров и радиоприемников, настроившись на одну волну — правительственных новостей. Нашу жизнь в силу новой социальной динамики, возросшей конфликтоспособности и гласности давно уже нельзя назвать событийно-пресной. Кругом бурлит. То Фергана, то сумасшедший МИГ-23 в небе Западной Европы, то забастовка шахтеров, то радость: солдаты-студенты возвращаются домой. Вы помните: в разгар минувшей отпускной поры, когда люди обычно интересуются футболом, книгами и кино, ваше внимание тоже переключилось на «официоз»...

Парламент утверждал новый состав Совмина СССР. В газетных заголовках изо дня в день варьировалось одно слово: «Легко ли стать министром», «Экзамен на министра», «Программа министра». Ну, какое, скажите, дело до этих министров моей соседке-бабушке, пенсионерке, которой, вопреки теориям и обещаниям, так и не удалось в пору молодости почувствовать в управлении государством? Бабушке бы сегодня мягкого хлеба, конфет — без очереди, немножко колбаски, еще лучше — сосисок. «Хорошо «дрессируют» этих министров,— поделилась со мной старушка.— Ну, прямо, как в кино».

Неужели мы «реанимировали» и эту важную социальную фигуру, которая многим прежним людям в прежние времена казалась как бы «потусторонней», отвлеченной, даже «бесполой»? На небе — звезды, где-то в Москве — министр. Большой человек. Ездит в «Чайке». Ходит без пропуска по Кремлю. Получает тысячи (800 рублей — как это было уточнено на сессии Верховного Совета). Вот что, пожалуй, верно: образ высокого государственного руководителя, благодаря гласной процедуре утверждения кандидатов этим летом, мы как бы «очеловечили», заземлили. «Великие» заговорили языком смертных. Отвечая на вопросы депутатов, допустим, К. З. Терех, назначенный министром торговли СССР, рассказал о себе: «...Талоны я получаю, как и все, через домоуправление. Но сахар уже десять лет лично не употребляю — по медицинским показаниям». Значит, согласитесь, министр такой же, как мы, человек?

Министр — это профессия, призвание или счастливый жребий судьбы? Тут, пожалуй, способен разобраться разве что профессор... Каторга, доверительно сообщит секретарша министра, изнурительная работа по 12 часов в день, бесконечная гонка за птицей удачи по имени план, с прозаическим финалом, зовущимся инфарктом. А мы-то, неблагодарные!.. Мы, согласитесь, уже начисто забыли фамилии многих «хозяйственных полководцев» прежних пятилеток. Е. Алексеевский — это не он ли по указанию Хрущева пытался разводить на Украине хлопок, а провалив это заведомо безнадежное дело, перебрался в Москву и возглавил в качестве министра водное хозяйство страны? П. Непорожний — не он ли перегородил гигантскими плотинами реки,

после чего рыбы не стало? Н. Тимофеев — не ему ли мы обязаны истощением лесов и загрязнением Байкала? Кем они были? Получая ордена и награды (по случаю очередной «трудовой победы» или по заведенному порядку — ко дню рождения), принимали эти знаки отличия с гордостью или внутренне страдали, понимая, что одной рукой созидают, другой — разваливают экономику, культуру, обирают поколения.

Свойство бюрократии — создавать завесу таинственности вокруг своей деятельности, имитировать фетиш особого профессионализма, особого понимания государственных интересов. И — особого своего личного предназначения. В приемных министров я бывал не раз. Видел своими глазами: дверь даже в пустующий кабинет «хозяина» охраняется с тщательностью, как будто она открывает вход в Алмазный фонд...

Общественный интерес к фигуре «высшего государственного чиновника», руководителя отрасли, не всегда был отрицательно-однозначен. В годы косыгинской реформы мы, газетчики, с искренней заинтересованностью искали контакты с прогрессивными, толковыми, на наш взгляд, министрами, звали высказаться на страницах печати. Но реформа, как известно, не пошла. Статьи, написанные за министров их помощниками и референтами, были, как правило, унылыми, в них мысль «не ночевала». Потом сложилась практика: министры становились «публицистами» — один раз в году, в день своего отраслевого праздника.

Отрасли не только монополизировали экономику, они еще арендовали в нашем нестенном календаре «красные даты». Такого-то числа День рыбака, в таков-то воскресенье — День работника торговли, тогда-то День мелиоратора. Однажды под Коломной я наблюдал, как по сельским дорогам возле дождевальных установок плыла «Чайка» бывшего министра водного хозяйства СССР Н. Ф. Васильева, за ней услужливо сновало несколько «Волг», замыкал хвост транспорт для прессы. Наконец, телевизионщики заприметили подходящий живописный фон — молодая березовая роща на краю поля. Глядя в телекамеры, Николай Федорович восславил профессию мелиораторов, которому по плечу все. Даже вторжение в природу, которая-де неразумно распорядилась водными ресурсами, заставив много рек течь на север и мало — на юг. Министр обещал это «недоразумение природы» поправить...

В то время гласность не пробила еще себе дорогу, «проект века» шел своими ведомственными путями — «на ура!». У мелиораторов, предвкушавших миллиардные капвложения, кружилась голова. По рассказам одного известного и уважаемого академика, «первый заместитель министра П. А. Полад-заде левой ногой открывал дверь в кабинет президента АН СССР А. П. Александрова, в то время как мы, академики и члены-корреспонденты, терпеливо дожидались своей очереди в приемной». В кругах управленцев я слышал такое мнение: «П. А. Полад-заде неплохой специалист водного хозяйства, вполне мог бы возглавлять Минводстрой СССР. Если бы, конечно, сам не перечеркнул свою карьеру еще в те годы, когда проталкивал авантюрный проект переброски части стока северных рек. Подобный «хозяйственный экстремизм» срока давности не имеет. Верховный Совет его кандидатуру справедливо отклонил.

Кроме вышеупомянутого «неудачливого соискателя», комиссиями и комитетами Верховного Совета не рекомендованы на утверждение Верховным Советом СССР: М. В. Грамов — Госкомспорт, В. Г. Захаров — Минкультуры, Г. П. Богомяков — Миннефтегазпром, Л. И. Розенова — Госкомцен, В. Г. Грибов — Госбанк. Не утвержден на пост заместителя Председателя СМ СССР В. М. Каменцев (200 — за, 172 — против, 47 — воздержались), на пост министра путей сообщения — Н. С. Конарев (130 — за, 204 — против, 40 — воздержались), лесной промышленности — М. И. Бусыгин (85 — за, 272 — против, 43 — воздержались).

Несколько слов о последней кандидатуре — Михаиле Ивановиче Бусыгине, возглавлявшем отрасль лесной промышленности в течение последних 15 лет. Пожалуй, этот человек стоял ногами в двух эпохах. Одной — в застое, другой — в перестройке.

Минлеспром СССР — отрасль, которая уже давно находится в состоянии кризиса. Цифры известны. Из-за несовершенства технологии при заготовке и переработке древесины ежегодно теряются десятки миллионов кубометров природного сырья. В индустриально развитых странах из кубометра получают продукции в 3—5 раз больше, чем в нашей стране. Неудивительно, что депутат С. В. Игнатов, представляющий Коми АССР, назвал с трибуны сессии М. И. Бусыгина «министром вчерашнего дня». И это, думается, не натяжка — даже при всем том, что я, например, знаю за Михаилом Ивановичем некоторые поступки, свидетельствующие о его желании поспеть за временем, дабы не остаться в памяти людей «героем застойной поры».

Власть, как известно, сама по себе обладает определенными свойствами, нередко заставляет даже достойного человека поступаться своими нравственными идеалами. Административно-командная система выталкивала «наверх» руководителей, которые исповедовали культ хозяйственного компромисса, а к таким понятиям, как совесть и ответственность перед поколениями, относились, как к ничего не значащей лирике. В 1966 году тогдашний министр целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности Н. В. Тимофеев и в 1970 году министр целлюлозно-бумажной промышленности К. И. Галаншин утвердили бумаги на пуск комплекса и первой очереди Байкальского ЦБК без готовой к работе водоохранной технологии. «Двойная мораль» в их действиях казалась тогда хоть и нарушением, но таким, что, мол, окупится прогрессом для страны, выигрышем во времени. Выиграли!!!

М. И. Бусыгин в последнее время имел дело с постановлением партии и правительства, где намечено к 1993 г. перепрофилировать Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат, воссоздать в его корпусах экологически безвредное производство. Прописавшийся на берегу озера монстр затратной экономики некогда стоил отрасли 300 миллионов рублей. Сегодня нашему государству, находящемуся в тяжелом финансовом положении, перенос мощностей по выпуску целлюлозы в Усть-Илимск обошелся бы в 4 миллиарда. Такова цена ошибок прошлого. Подобным образом хозяйствовать, утверждают в народе, смог бы любой дурак...

Справедливости ради надо отметить, что в отличие от своих предшественников на посту министра, которые молча за закрытыми дверьми делали «черное дело» с Байкалом, Михаил Иванович шел на диалог с общественностью. Однажды М. И. Бусыгин удивил тем, что рано утром позвонил мне домой и «отчитался» о своей командировке в Хабаровский край. Там могла случиться беда. Чья-то глупость едва не столкнула три народа: русских, удэгейцев, кубинцев. Леса, образующие среду обитания удэгейцев-охотников из села Гвасюги, предполагалось отдать под сырьевую базу для заготовки лесопродукции нашим друзьям с острова Свободы. Конфликт дошел до Верховного Совета СССР, я тоже им занимался. Телефонный разговор с Михаилом Ивановичем убедил меня тогда, что министр в состоянии на демократической основе признавать ошибки и их исправлять. Только, думается, как «человек двух эпох», М. И. Бусыгин опоздал, в его программе наш парламент не обнаружил признаков нового мышления и портфель министра ему вновь не выдал.

«Осечку» нельзя назвать случайной. Парламент как бы вел поиск модели отбора руководителей на высокие государственные посты и нащупывал ценз современных требований к ним. Каким качествам претендентов тут лучше отдать приоритет — деловым? А может быть, деловым, но обязательно и нравственным?

На пост председателя Правления Госбанка СССР, как мы помним, выдвигался В. Г. Грибов. Почему кандидатура не нашла в парламенте поддержки? Этот специалист, как утверждают, не знает банковского дела, он финансист. Кредиты и финансы — вещи разные. Трудно представить, чтобы этот человек имел независимую позицию. Ведь В. Г. Грибов лет семь из восемнадцати своей работы в Госплане СССР был заместителем у В. С. Павлова, нынешнего министра финансов СССР. По логике жизни, Минфин способен подмять под себя Госбанк...

И все-таки, по некоторым оценкам, ставка в Верховном Совете в основном сделана на традиционных специалистов. На людей, которые в основном пообтерлись в коридорах власти. Большинство членов нового правительственного кабинета и раньше входили в его состав, были министрами или их замами, они хорошо знают процедуру принятия решений. С одной стороны, это хорошо, с другой — таких руководителей все время будет тянуть к традиционным схемам управления народным хозяйством. А ведь в нынешней тяжелой для страны ситуации нужно уметь проявлять и свою независимость.

В деловом мире, как известно, существует целая наука выдвижения управленцев, в ней серьезный акцент делается на организаторские способности претендентов, на умение широко мыслить и объединять людей в процессе жесткой конкурентной борьбы. Вспомним, Н. С. Хрущев и Л. И. Брежнев заполняли вакансии Совмина СССР теми людьми, с которыми они прежде «съели пуд соли» в республиках и областях. Это, конечно, не беда. Ведь и на Западе, когда та или иная партия выигрывает парламентские выборы, она распределяет немногочисленные министерские портфели главным образом внутри «своей команды». Беда в том, что, переезжая из областных центров, республик в Москву, владельцы министерских портфелей нередко оставались людьми «провинциального мышления», не способными вознестись до полета мысли управленцев государственного масштаба.

Конечно, были и приятные исключения... Однако, согласитесь, стереотип общественных представлений о типичном «министре застойной поры» отошлет наше воображение к вполне узнаваемому портрету.

Министр не молод, скорее пенсионного возраста, технически эрудирован, о многом осведомлен, но, пожалуй, не умен. Речь выдает, что он выходец из народа, работал на производстве, был на партийной работе, в том числе в ЦК. Женат один раз. Дети хорошо профессионально устроены, их дети — тоже. Носит строгий костюм и придерживается строгой морали. Выступает по бумажке, характер неровный — это следствие каждодневных перегрузок.

«Наш министр,— доводилось мне слышать от управленцев,— может так повысить голос да еще добавить «пару ласковых слов», что подчиненный на другом конце провода буквально вдавливается в стул».

Культуры, что там говорить, иным высоким руководителям явно недоставало.

Сопереживая парламентские дебаты, я думал: почему же депутаты Верховного Совета не зададут претенденту на министерский пост ни одного вопроса, который выявил бы степень нравственной полноценности кандидата? Как, допустим, он поступит, если то или иное его деяние граждане признают недостойным?

На Западе министр просто обязан иметь безупречную нравственную репутацию. Оступившись, он добровольно уходит в отставку. Нашей же новой, демократической модели выборов руководителей пока не хватает «второго плеча»: механизма отставок и добровольного сложения руководителем своих должностных обязанностей. К сожалению, мало что для этого сделал и наш парламент, занижавший порой планку нравственной нормы для руководителя-министра до низкой отметки.

Вспомним финал утверждения не должность председателя Госкомгидромета СССР Ю. А. Израэля. В зале 422 человека. После процедуры голосования 86 рук — против, 42 — воздержались.

К микрофону подходит один из депутатов. Не голос — душа его кричит: «Утвердив Ю. А. Израэля... мы фактически одобрили все, что делалось руководимым им Комитетом за 14 лет. Все, что им сотворено с нашим народом, с нашими землями, с нашими реками, с нашими морями. Мы забыли о тех миллионах детей, которые сегодня болеют из-за состояния окружающей среды. Забыли о братьях, сестрах, которые лежат в больницах. Мы должны были оценить компетентность товарища Юрия Антониевича, но сказать ему: у вас нет гражданской позиции, у вас сердце не болит за наших граждан...»

Страстной речи оратора, думается, аплодировали люди во многих уголках страны, где экологическая ситуация на грани катастрофы. В 1987 году выбросы вредных веществ в атмосферный воздух составили свыше 100 млн. тонн, около 40 млн. тонн «грязи» приходится на транспорт. Из 52 городов страны с критически высоким уровнем загрязнений в 12 промышленных центрах — Алмалыке, Балакове, Гомеле, Донецке, Душанбе, Иркутске, Нижнем Тагиле, Новотроицке, Оше, Киеве, Кироваканe и Уфе — выбросы в атмосферу, хоть постоянно носи противогаз. В 102 городах и промышленных центрах государства с населением около 50 млн. человек, в том числе 10 столицах союзных республик, концентрации загрязняющих веществ превышали предельно допустимые нормы в ряде случаев в 10 раз, а в 15 городах с населением около 6 млн. человек — в 50 раз.

Возглавляемый членом-корреспондентом АН СССР Ю. А. Израэлем Комитет еще совсем недавно, до момента создания Госкомприроды СССР (январь 1988 года), являлся ведущим «экологическим ведомством» страны и напрямую повинен в загазованности наших городов и мутной воде некогда чистых рек. Монополист, Комитет успешно выполнял роль цензора публикуемых в центральной и местной печати материалов, дозировал правду... Были, допустим, годы, когда мы, журналисты, не могли написать о Байкале ни строки. Зато сам Ю. А. Израэль в своих научных трудах успокаивал общественное мнение: «...озеро находится в естественном состоянии». Взяв его имя «напрокат», ведомственные ученые обосновывали необходимость вечного существования БЦБК на том месте, где предприятие было поставлено вопреки протестам многих ученых и специалистов. Удивительно, что Ю. А. Израэль по сей день возглавляет Байкальскую комиссию. Теперь, правда, он уже печется о перепрофилировании того самого комбината, в безвредности которого для Байкала он убеждал нас прежде.

— Почему же большинство присутствовавших не сессии все-таки отдали свой голос Ю. А. Израэлю?

Просмотрев парламентские дебаты по вечерней телепрограмме, я не удержался и позвонил в тот же вечер в гостиницу «Москва» Г. Н. Фильшину — депутату из Иркутска.

— Почему? Да ведь Николай Иванович Рыжков «взял удар на себя»,— сказал Геннадий Иннокентьевич.— С другой стороны, для самого Ю. А. Израэля — урок: его публично признали недостаточно принципиальным человеком. Вероятно, теперь он постарается доказать обратное.

Каково же первое впечатление от команды Н. И. Рыжкова? То мужи хоть в основном и предпенсионного возраста, но и моложе прежних членов правительства. Есть академики, доктора, кандидаты наук. Даже при визуальной оценке многие не просто квалифицированные специалисты, но люди думающие, понимающие всю сложность момента и свою чрезвычайную ответственность: страна в тяжелейшем положении, надо вытаскивать ее из дыры кризиса.

На Западе министры воспринимают просьбы журналистов о встрече как безотлагательные. Стоит позвонить помощнику, и тот, даже если его шеф в командировке, разыщет министра в любой точке страны, передаст «просьбу от прессы». По опыту своей работы в Бонне помню обеды с членами правительства, встречи с канцлером за стаканом вина, куда собирался весь аккредитованный в западногерманской столице корреспондентский корпус. А также правительственные «балы для прессы» — на одном из них мой коллега из журнала «Новое время» выиграл по лотерее автомобиль марки «фольксваген».

У нас в стране слово «чиновник» — ругательное и нарицательное, а ведь это уважаемая в мире профессия, без которой не может обойтись ни одно цивилизованное государство. Профессия требует от человека, решившего себя ей посвятить, высокого профессионализма: знания законов, владения проблемами делопроизводства, умения ценить время людей и уважительно относиться к их претензиям. Глянут ли наши новые министры на свой аппарат служащих свежим глазом?!

Парадокс момента заключается вот в чем. Вера в роль отдельной личности, в ее способность переломить ход событий, принимать справедливые решения в нашем народе всегда была велика. В обществе существовала всегда и ностальгия по «хорошему», «человечному» министру — слишком далеки и недосягаемы были члены правительства для простых людей. Теперь же — мы слышали и видели,— когда правительство представляют люди, в основном не лишенные достоинств, выясняется, что многие министры и их отрасли вообще не нужны. Они временные, призванные действовать в условиях пока несовершенного хозяйственного механизма. Что ж, если такова логика перестройки, примем ее как данность жаркого лета-89 и будем ждать дальнейших правительственных новостей.

Юрий МАКАРЦЕВ,
обозреватель журнала «Родина»

Сегодня действительно можно сказать, что десять забастовочных дней шахтеров Кузбасса потрясли страну. Но почему нас по-прежнему поражает старательно подсчитанный ущерб, а не ущербность собственной жизни, взрыв, а не отсутствие событий на местах? Безынициативность, неряшливость в делах и мыслях, сонное царствование райкомов и исполкомов — неужто тление отраднее горения? Наш корреспондент побывал в одном из районов Кемеровской области за два месяца до забастовки. Его материал «В некотором царстве...» читайте на 27-й стр.

ДИНАМИКА ЗАБАСТОВОК В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Дни	Количество неработающих предприятий	Численность бастовавших рабочих (чел.)
10 июля	1	334
11 июля	10	15900
12 июля	96	26710
13 июля	107	47010
14 июля	61	57710
15 июля	134	111125
16 июля	146	140310
17 июля	158	177682
18 июля	137	150610
19 июля	91	64015
20 июля	35	33690
21 июля	Все предприятия работали	

Общий ущерб (ориентировочные данные) составил 65648 тыс. руб.

В НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ... (заметки из провинции)

ЯЯ — последнее слово в Большой Советской Энциклопедии. Именно так называется поселок со статусом районной столицы, примостившийся на северной окраине Кемеровской области.

Край, надо сказать, не близкий. Только до Кемерова четыре часа лету, потом еще автобус. Словом, глубинка.

В автобус на Яю набились сполна. Рядом со мной на сиденье трясется мужичок неопределенного возраста, то и дело косит хитроватым глазом. Наконец, не выдерживает:

— *Приезлый*, что ли?

А узнав, зачем и откуда, восхищенно таращит глаза:

— Ну, дают! Да о чем здесь писать-то? У нас, если хочешь знать, — тут он доверительно склонился ко мне, притушил голос, — даже и рэкета нету, вот, — оглушил жарким шепотом.

На минуту задумался.

— Ладно, — взмахнул рукою, будто давая добро, — тогда загадку отгадывай. Вот в Туле, к примеру, живут туляки, в Баку — бакинцы. А в Яе как же будут обзываться, ну-ка?

С удовольствием отметив мое замешательство, мужичок ласково, совсем уже по-свойски, прихлопнул меня по спине, шепнул на ухо и захлебнулся в смешке:

— Эх, ты, *москвач*, не догадался?

Ну и мастер же слова выворачивать.

А вот и «ЯЯ» — здоровенными буквами в полный рост. Приехали.

ОПАЛЬНАЯ КОРОВА

Рэкета в Яе нет, это точно. Мелковаты здешние доходы, некого «стричь». И древнейшая профессия как-то не привилась: уж больно все на виду. На одном краю чихнет гражданин — с другого боку поселка: «Будьте здоровы!» Опять же кооператоры со своими услугами населению изрядно где-то подзастряли и не притащили вслед за собой, как водится, тему для жгучего разговора.

Впрочем, страстей и без того хватает. И то, что вчера еще казалось пустым и мелкокалиберным, сегодня обретает совсем иную, политическую окраску, становится запалом выпуклых широкоформатных местных баталий.

Сильно, видать, натерпевшийся и вконец оскорбленный попранием собственного человеческого достоинства на фоне всеобщего духовного подскока инвалид войны В. Цихонин взял однажды в руки самописку и в сердцах отчеканил в родную «районку» такое: «...Нередко мне доводится приезжать в Яю. И вот на что я обратил внимание. На территории автовокзала находятся два туалета, но ни в один из них зайти невозможно, как будто там не убирали со дня их постройки. Хоть на улице садись!.. Стыд и срам, да и только!»

И напечатали. И ничего им за это не было. Ни автору. Ни редакции.

Потому как в Яе нынче без всяких скидок грохочет гласность. И демократия тоже.

К сожалению, некоторые товарищи, стремясь воспользоваться этой благородной тенденцией и под шумок желая утолить свой пустяковый интерес, адресуют в ту же редакцию такие вот несовременные фразы: «... У нас во дворе по ул. Ленинградской, 1—2, держат корову (это Ковылины), и летом посидеть даже негде, страшный запах». На что районная газета «Вперед к коммунизму» опять же безо всякого страху разъясняет: «И что же, по-вашему, тов. Киселева, мы должны заставить Ковылиных продать корову или перенести стайку вместе с коровой на окраину поселка? Ведь держат коров многие, не одни Ковылины, и никогда соседи, живущие рядом, не заявляли: «Уберите корову, дышать нечем». Наоборот, мы должны приветствовать содержание скота на личном подворье: быстрее решим продовольственную программу в районе. Мы, например, за то, чтобы в каждом дворе было много всякой живности. Согласны, конечно, запахи, особенно в жаркую погоду, будут. Но ведь так принципиально ставить вопрос — держать соседу какую-либо скотину, птицу или не держать — нельзя. Мы прежде всего должны понимать друг друга».

ЦВЕТОК ПОД НОГАМИ

В первые дни из окошка гостиничного номера глянешь — оторопь берет. Прямо с торца школы напротив сверлит тебя взглядом с гигантского плаката мужчина с квадратным подбородком. В руках его — то ли перфокарта, то ли таблица шифровальная. А за ним — женщина со взором не менее сокрушительным, и в руках ее намертво зажат сноп. Подо всем под этим надпись и вовсе беспощадная: «Человеческий фактор — фактор ускорения».

Господи, как нас только не обзывают!

Фактор, да простится мне это слово, в Яе есть, с ускорением неважно. Оттого и в магазинах — шаром покати. Как один местный остряк заметил: слюну сглотнул — позавтракал, носом два раза шмыгнул — вот и обед.

— Что так-то?

— Да потому, — слышал в ответ, — *хозяевóв* настоящих в районе нету.

— А вы кто же будете?

— Что мы, ну что мы, — раздраженно отмахивались. — Там, на площади, они все и решают.

ТАМ, на площади, три здания смотрят окнами друг на друга: райком партии, райисполком и тут же комсомольский райком.

Здесь на другой по приезде день смотрел, как отмечала свой праздник местная пионерия.

Сиротливые ребячьи шеренги на пустынном плацу, несколько официально скучающих лиц у трибуны, стандартные слова бодренькой фонограммы, гремящей из рупоров: «... Битва за дружбу... сражаемся за мир...» Больно и грустно. Одинокие какие-то борцы, отчаявшие-

ся, и сражаются за что — не очень и самим понятно. Да и гости где же, родители, наконец?

Все оказалось просто: взрослое население категорически занято посадкой картофеля на личных участках, а дети... дети пускай привыкают к самостоятельности. Такое вот, значит, рассуждение. Что ж, верно, много ли носом нашмыгаешь-то? Песня, она тогда звонче становится, когда в брюхе от голода не гудит.

С Николаем Андреевичем Отроковым, секретарем райкома партии по идеологии, мы проговорили семь часов кряду. И, пожалуй, добрую половину этого времени секретарь употребил на то, чтобы дознаться, зачем все-таки приехал корреспондент. Никакие уверения в том, что интересна вообще сегодняшняя жизнь райцентра, секретаря не убедили, подозрений его не рассеяли.

Областная партийная газета «Кузбасс» уже несколько раз за последнее время выступала с критическими материалами по району, «отбить» которые не удалось. А теперь, как убежден был секретарь, еще и центральная пресса подключилась к массированной и незаслуженной обструкции.

Теперь уже точно знаю, что основания для беспокойства у Николая Андреевича были, и притом серьезные.

Весною 1987 года Яйский райком комсомола оказался перед фактом неминуемого закрытия. Случай сам по себе небывалый: аппарат райкома подал заявление об увольнении, решительно протестуя тем самым против методов руководства своего первого секретаря Татьяны Роо.

Как же такое могло случиться?

— Да Роо просто требовательный человек, — так объяснял конфликт бывший второй секретарь райкома комсомола Юрий Гладышев.

— Склочница она и грубиянка, — убежденно стояли на своем ребята из аппарата райкома.

Сказать по совести, оказались в Яйском райкоме комсомола люди во многом случайные, не подготовленные к серьезной комсомольской работе. Потому-то и работа велась кое-как, и отчитывались формально. Так что кризисная ситуация в этих обстоятельствах была просто неизбежна и, я бы сказал, уместна. Сама по себе она могла бы стать даже целительной. Тут бы собраться вместе, доверительно, по-товарищески все обсудить и вместе же поправить ошибки. Однако Татьяна Ивановна Роо не только не сделала шага навстречу своим подчиненным в этот труднейший для всех момент, но еще более ожесточилась. В «непринужденных» отношениях с товарищами она, даже в присутствии посторонних, позволяла себе такие словечки: «Дебил, дурак!» А то могла хлестануть и покрепче.

И тогда свой бойкот, подкрепив заявлениями об увольнении, объявили первому секретарю уже сами ребята.

Тут Татьяна Ивановна и вовсе сорвалась:

— Ничего у вас не получится!

— Да райком ей виделся всего лишь отправной точкой, — объясняли ребята. — А тут мы стали помехой ее направлению в Высшую партийную школу. Между прочим, рекомендуя ее туда, могли бы старшие товарищи и нашим мнением поинтересоваться.

На состоявшемся вскоре пленуме райкома комсомола Татьяна Роо большинством голосов была освобождена от обязанностей первого секретаря, а в трудовой книжке ее появилась запись... «по собственному желанию».

Здесь хотелось бы отметить и такую примечательную деталь. Голосовать должны были только члены райкома. И вот тут случился полный конфуз: оказалось, что не все из присутствовавших в зале даже и знают о своем членстве в этом представительном комсомольском органе. Пришлось зачитывать список.

Добавить к этому, пожалуй что, нечего.

Однако история эта имеет весьма любопытное продолжение. С учебой в ВПШ у Татьяны Ивановны не получилось, зато оказалась она через некоторое время на должности... заместителя редактора Яйской районной газеты, где и пребывает благополучно по сей день.

— А что, — уверенно сказал секретарь Отроков, — Роо была не лучше и не хуже других комсомольских работников. — Вторая часть этого уравнения, как легко заметить, реабилитирует первую.

Бесспорно, любопытный критерий для выдвижения человека на ответственную должность.

Еще в разговоре Николай Андреевич изрядно сетовал на то, что никто ниоткуда не помогает. Говорил о том, что больше у них стало гласности, открытости, правды, изменились взаимоотношения с людьми. Однако, признался откровенно секретарь: «Мы, к сожалению, стороне все больше обороняющаяся. Очень уж любят у нас критиковать начальство, особенно партийное».

Как-то резануло, признаться, слух это последнее словосочетание: партийное начальство. Беда, по-моему, там вершится немалая, где идеолог не просто чувствует, но и объявляет себя прежде всего начальником и, сообразуясь с эдаким пониманием высшего своего предназначения, строит работу. И тогда люди, ожидающие мудрого совета, поддержки, политического, наконец, руководства, все чаще сталкиваются с окриком, хмурым, насупленным взглядом, а в конце концов попросту теряют к партийному комитету доверие. Не отсюда ли и полнятся, наливаются соками всяческие противостояния и конфликты? Не на этой ли почве взрастают скрытые междоусобицы, способные будоражить, держать в напряжении жизнь всего села, а то и района?

ПЕСНЕЙ — ПО ЖИЗНИ

Прошелся я по площади кольцевым маршрутом, шагнул через порог райисполкома.

Нет смысла пересказывать все подробности беседы с его председателем А. А. Пицкиным. И здесь все те же трудности звучали, сетования похожи: отсутствие поддержки предприятий, финансовый тупик.

Сельчане, полагает Анатолий Ананьевич, жизнь понимают лучше. Не от ближайшего с природою соседства, нет, конечно. Здесь просто больше тягот и невзгод. А изменений, серьезных, крупных, радикальных, пока не случилось. Даже и сложнее обстановка стала. «Перестройка? Этого не происходит. Все чего-то ждем, а дисциплина, ответственность падают, новый хозяйственный механизм не приживается».

— Да чего же ждете-то?

Анатолий Ананьевич неопределенно пожимает плечами:

—...Вот и выборы как будто на февраль перенесли. Да что нам они? Очки набирать не на чем... и незачем. Драться за депутатские мандаты в районе и даже в области никто не будет.

И та же внемичность, вялость — от старших, что ли, товарищей унаследованные — витают в третьем доме на площади — в райкоме комсомола.

— Вообще-то работа ведется, — услышал я здесь, — но как-то медленно, затухает.

— А чем молодежь сегодня у вас больше всего увлекается?

— Ну...— помялись райкомовцы,— на субботник не поднять. Зато уважают культурный досуг, любят хорошо отдохнуть.

Вспомнился недавно виденный стадион, более пригодный, пожалуй, для выгона скота.

Огляделся вокруг: в комнате, где мы говорили, жидковатый плавает полумрак. Под ногами у девчонок цветок валяется сломанный, земля от него растоптана на полу. «Вот,— перехватив мой взгляд, зачастил один из присутствующих молодых людей,— техничка почему-то не убрала...» И другая скороговорка следом, полушепотом: «А райком партии привык нас только пинать, поддержки от них никакой не чувствуем...»

Грустно, убого.

Я поверил бы в эту дремучую безысходность, может быть, вместе даже и всплакнул от отчаяния, когда б не видел здесь же, в Яе, ребят совсем иного склада, веры, что ли, другой.

Не отчаявшиеся — скорее отчаянные какие-то парни из вокально-инструментального ансамбля «БИННС». Вычурное название? Да в нем программа целая заложена: БИННС — значит Бороться, Искать, Найти, Не Сдаваться — вон как.

И не сдаются. И борются. Музыкой, песней — с жизненной рутиной.

Вообще борьба со всякою отвратительной бессмыслицей в нашей канительной жизни стала всеобщим призванием родного народонаселения. Для энтузиастов же, собравшихся под крышей районного Дома культуры, это еще и вторая профессия, вроде как смежная.

Зимою здесь холодно. А попробуй-ка найди порядочного истопника на семьдесят-то рублей.

Да что истопника, одних директоров за последние два только года сменилось аж пять душ.

Нынешний начальник «культурного дома» — Геннадий Парахневич — фатального исхода не приемлет и на посту своем назло всему пребудет вопреки. Нужда возникнет — засучив рукава идет кочегарить. А то и за топор схватится, молоток в руки возьмет, лопатой не побрезгует. Наверное, не его это дело, да как-то не принято здесь считаться.

Давно ли в комнате для артистов дыра была в полу такая, что кто-нибудь в потемках нет-нет да и проваливался (прямо как в приключенческом романе) в настоящее подземелье. А в подвале, смешно сказать, на резиновой лодке плавали. Однажды во тьме кромешной умудрились весла потерять. Тоже обхохочешься... когда всего не знаешь.

Ничего — залатали-заштопали. Главное — не киснуть, считают ребята, остальное все приложится. А директор со смешком добавляет: «Наше дело маленькое — мы победим».

Едут в хозяйства — зав. мотоклубом, режиссер и методист, хореограф, певец и декламатор — взбодрить, поразвлечь немного полеводов, механизаторов. Люди жуют в перерыве коротком, лениво потягиваются, а культурники ну перед ними на пыльной прогалине жарят — поют и пляшут.

Без выходных и праздников, зарплата — устыжусь называть, постоянная неустроенность — до чего же отважный народ собрался: еще и поют.

Ну, а средоточием жизненной энергии, эпицентром, что ли, неиссякающего ее излучения, несомненно, является заведующая отделом культуры райисполкома Тельбух.

Валентину Борисовну застал в ее кабинете, когда она вырезала из бумаги какие-то смешные буквы, что должны были украсить майку одного из участников предстоящего действа. А задумано было провести спортивное шоу под девизом: «Приходите за здоровьем». Этакий своеобразный ночной марафон с привидениями в кустах, с водяными на озере и прочей заковыристой и коварной нечистой силой. При мне долго спорили, кому быть пиявкой. Тельбух тут же предложила еще и ласты надеть на ноги бегущим.

Отзывы о Валентине Борисовне слышал разные: «Генератор идей, бесспорно, талантлива, искрометна, умна. И в работе красива, и в жизни». А еще такое: «Неуемна, строптива, упряма, заносчива».

Себе не дает покоя — других будоражит. Встревает, буквально ввинчивается во всякое интересное и достойное дело. Таких бы людей только и ценить, как фонд золотой, беречь. А предрик А. Пицкин, усмотрев в отчете В. Тельбух очередную неслыханную дерзость, а может, и подрыв основ, тут же и заявил: «Чтоб порог мой больше не переступала!» Тогда и вышло решение отобрать у культработников общежитие и передать его в районо. «Мне народное образование дороже!» — не однажды в пылу выговаривал Анатолий Ананьевич Пицкин, проводя по какому-то, одному ему понятному разумению, зазубренную границу, будто бульдозером отваливая, сдвигая культуру на дальнюю обочину. Даже и не задумываясь о том, что многие неуспехи в Яе (да только ли в Яе — по всей стране, почитай) идут прежде всего от великого нашего повсеместного неразумия и бескультурья, доходящих порой в «совершенстве» своем до бесчестия.

Пузырится в центре поселка полуразмытая уже, ветрами зализанная да солнцем присушенная куча гравия. Вопиющая примета бесхозяйственности? Нет, объяснили мне, это... гм... Это мемориал погибшим в гражданскую и Отечественную войны. Мемориал, начатый и позаброшенный еще четыре года назад. Выступила тогда районная газета с призывом, удалось собрать среди жителей да на предприятиях несколько сот рублей — тем и иссяк, захлебнулся коротким глотком местный энтузиазм. Может, кому и суждена вечность, а здесь, выходит, погибли солдаты Отечества дважды: тогда и теперь.

И все-таки, думается, памятник действует. Только не безвременно ушедшим от нас героям этот мемориал — благополучно ныне живущим.

А всего любопытнее разговор, пожалуй, услыхал я в Совете ветеранов.

— Давно так надо было жизнь поворачивать! — далеко по коридору разносился из-за неплотно прикрытой двери чей-то решительный голос.— Что заработал, то и получи! А по-другому и быть не должно, позабыть надо прежние повадки! Дальше катиться уж некуда, у самого края стоим, и теперь виднее стало, кто чего стоит...

Что ж, решимость отменная и неувядаемая. Однако и здесь немало печали узнать, пережить довелось. Обратились как-то ветераны с просьбой помочь их товарищу Николаю Ивановичу Бушуеву: совсем плох человек, дома часто нужна «Скорая», и без телефона ему никак. А начальник узла связи в ответ: «Да может, он завтра помрет — кто заплатит за установку?..»

Присоветовали мне посмотреть, как живет инвалид войны Бондарев по улице Юбилейной в доме № 136.

Встретил я Александра Павловича вместе с женою его Натальей Даниловной у ворот, сидят старики на лавке полуживые.

А в дом и зайти страшно, светится весь прорехами, крыша на ниточке держится, вот-вот обвалится.

Одеяла, пальто, телогрейки, платки — грудою все на кровати. «Сильно холодно,— плачет Наталья Даниловна.— *Одемши* ложимся, и все на себя. Помереть бы скорее...»

Так и живут, будто заживо погребенные. Да живут ли? И только ли они одни так? Зябко становится от мыслей этих, тягостно делается на душе, холодно.

Именно в эти минуты вспомнился недавно увиденный добротный, просторнейший особняк на одной из центральных улиц поселка. «Так ведь здесь Носов Игорь Иванович жительствует, начальник ДРСУ,— подсказал мне тогда сопровождающий товарищ и как-то обреченно мотнул головой. Тяжело сглотнул: — Есть и другие терема, не хуже... у начальствующего состава, разумеется».

Пытался я обсудить вопрос этот в районном комитете народного контроля, да Иван Андреевич Немыкин, председатель его, лишь отечески улыбнулся в ответ: чего, мол, старое ворошить, их когда еще отстроили, те особняки, да позанимали... Позже случайно узнал я, что и сам Немыкин живет в той же привилегированной слободе.

РИМСКО-ЯЙСКИЙ ВОДОПРОВОД

Вся в контрастах она, Яя, будто шрамами иссечена.

Днем и ночью мимо райцентра со свистом и ревом катит и катит беспрерывный железный поток свой знаменитая Транссибирская магистраль. А другой поселковый фланг облекает несмолкающий гул крупнейшей автострады.

Между тем в столице яйского края жизнь идет неторопкая, смирная. Да уж так ли?

Не поднять молодежь на субботник? Это тех-то лихих удальцов, озорных и красивых ребят, смекалистых и крепких, что не первый уж год занимают призовые места на областных «Молодецких играх»? Позволительно будет тут вспомнить притчу-анекдот о неуловимом Джо. Потому он, как выяснилось, неуловим, что его... никто и не ловит.

Да на что она Яе — притча, когда местная быль перекричит любую сказку. Вон прошла по улочке поливальная машина, а из раструбов ее, распылителей, вместе с водицей прозрачною выплеснулась, порассыпалась на дороге серебром всяких мастей рыбеха. Откуда — ведомо: из водопровода, что несет питьевую воду сельчанам, обеспечивает ее детские сады и школы, предприятия общепита. Здесь же и «поливалка» заправлялась.

Я насчет прозрачности воды очень уж сильно сказал.

Цветом она роднее с квасом. Строились водозаборы еще в тридцатых годах, и с тех легендарных времен ничто в их конструкции не поменялось. К тому же сверху к водозаборам густо текут и пивзаводом отторгнутые воды, и с молочнотоварных ферм отнюдь не кисельные ручьи, хотя и изрядно на них похожие. Еще рудник Антоновский добавляет, город Анжеро-Судженск... Оттуда, значит, вытекает и прямехонько, без всяких таможенных барьеров, так и втекает в райцентр, к общему широкому народопотреблению. Плесканет хлорки служивый на станции по вкусу — тут и венец всей очистной технологии.

Да, сегодня нет денег на переустройство питьевой артерии. А завтра, когда полыхнет в районе (избави бог, конечно, но так уже бывало здесь, и не однажды) эпидемия, мы эти средства сыщем. И станем героически бороться. И сострадание вспомним, и любовь. И милосердие применим непременно. Так, может, лучше уже сейчас все-таки попробовать остановить этот многолетний и бесчеловечный эксперимент на выживание?

Вообще с экспериментами Яе везет. Вот и районная больница в числе прочих медицинских учреждений тоже участвует. Как работается в новых услови-

ях? Ну вот вчера оперировали: иглы такие, что давно уж на выброс пора. Ножницы, скальпели, шовный материал — одно бесстыдство. А с медикаментами — тут и вовсе дефицит бессрочный.

КОГО НАЗВАТЬ ХОЗЯИНОМ?

«Оно, конечно,— скажет мне один пожилой колхозник,— мы и теперь готовы пойти на *анбразуру*, хотя и сегодня. Да было бы за чего...»

Михаил Андреевич Бауло, может, о том и не думал, ввязавшись в аренду. Обычный сельский труженик. Годами уже не молод. Корысти в работе не ищет, просто хочет жить по-другому, судьбою своею распорядиться желает правильно. Собрал бригаду единоверцев, взяли на откорм бычков.

А дальше — история обыкновенная. За раскольников сочли арендаторов, заподозрили в хотении стремительно и безнравственно увеличить свой достаток. И вот она — амбразура, хлестанула кипящим огнем. Не в переносном смысле — самом прямом.

Заготовили однажды бригадники солому. А после приехал колхозный бригадир Пушкарев, вместе со школьниками, да и радостно ту солому спалил, объясняя тем, что, дескать, мыши в соломе заведутся, озоровать на поле станут. Словом, чистый разбой учинил, а поди ж ты, еще и смыслом рачительным наполнил. Опять же урок подрастающему поколению, смене, выходит, грядущей преподнес: делай, как я, хозяином будь!.. Хотя бы, значит, и на собственном пепелище.

Но Бауло упрямый, жизнью насквозь прокаленный. С выбранной дороги его не спихнуть, не загнуть на проселок.

Потому как характер на то человек содержит немалый и к труду крестьянскому, пусть и тяжкому, расположение имеет сильное. С лебедою, пожалуй, в годы еще военные впитал его. Так что в деле своем и ныне упорствует.

А что крут бывает и резок — так сегодня мельчить нельзя, считает Михаил Андреевич. Вот и сына своего — погуливать парень стал, рабочие дни пропускать привадился — сам же и настоял из бригады отчислить. Дело, конечно, для отца обидное, горькое.

Обтер бригадир тряпьем руки, воды нацедил из баклажки в стакан; до рта не донес, о своем задумался. «Небось не за потехою сюда ходим»,— только и выдавил скупо, брови сдвинул чуть-чуть сердито.

Долго ли, коротко правду местную ищешь, а под конец поймешь: водят тебя вокруг пальца, на свет разглядывают. Дескать, способен ли здешнюю душу понять, или ревизором приехал, прокурором. И твердят заунывно, долдонят впрок, с запасцем на случай, что, мол, нету здесь *«хозяевóв»*, истощилися вроде бы мыслию отрадной тутошние взгорки да перелески. А поди ж ты — волю, свободу дали,— так и «прокатили» на выборах в народные депутаты самого первого секретаря партийного обкома Александра Григорьевича Мельникова.

Здесь уразуметь нужно простое: любые ошибки и промахи, даже и всякие мелкие жизненные недостачи, прежде других люди привычно соединяют с именем заглавного руководителя области, края, республики. Но и то понять надобно: Мельников хоть и силен, но в области человек новый, а Бешев Николай Алексеевич, директор совхоза «Колмогоровский», которого и выбрали полпредом в парламент, человек свой (а такое признание заслужить непросто), хворобы местные не по газетным вырезкам знает. И хозяйство содержит крепкое, и задумки имеет решительные. Не мало, оказывается, стоит и то, что красив и молод народный избранник. В женских коллективах ни о ком другом просто и слушать не хотели. Тоже деталь любопытная и приятная.

А уж если директор Яйского лесокомбината П. Гура не хозяин — кого и назвать тогда. Прежде работал секретарем партийной организации Мариинского лесокомбината, что совсем рядом, потом в том же городе заведовал орготделом горкома партии. Тогда и задумался: теоретизируют нынче много и все кому не лень находят виновных, вскрывают недостатки, в дело... дело по швам расползается. Потому и пустился в рисковое плавание, пошел директорствовать на комбинат к соседям, чтобы собственной кожей прочувствовать, понять, отчего нескладно все так получается. Решение в некотором роде отчаянное: это ведь не из командирского кабинета мелко оглядывать горизонт, тут с головою нырять надо.

Работает Петр Романович безо всякой казуистики, принципы исповедует простые. Критикуешь — предлагай, предложил — выполни или хотя бы участвуй в деле. Во всем нужен четкий, **конкретный,** подчеркивает Гура, контроль и коллегиальные решения по главным вопросам. Эмоциям Петр Романович не доверяет, признает только объективные экономические законы. Нет в штатном расписании должности «хороший парень», убежденно говорит директор, есть специалист, то есть специальный человек для решения определенного круга вопросов. А то придумали еще спасительную закорючку — «широкий профиль». Такой широкий, что уж человек и сам порой не поймет, чему его научили. В итоге и настрадается сполна, и дело под откос запустит...

Стартовая позиция у Гуры была такова: 1 миллион 700 тысяч (в неконвертируемых рублях) убытков по предприятию. Никудышное наследство — лодка с пробитым дном, да еще и без весел. И до берега не рукою подать — глаза обдерешь, выглядывая. Вот уже и в «команде» недобрый пополз шепоток, злость людей одолевать стала.

Что ж, новый директор, ничуть не смутившись, и эту энергию к делу приставил, в пользу обратил. И выплыли — поперек обстоятельствам всем. Одолели-таки стихийный разгул, обреченности миф развеяли. Пусть и малая прибыль пока — 122 тысячи в первом квартале этого года,— а для людей праздник великий. Теперь никто не хлестанет обидным словцом, сами выпутались из долгов, тоже хозяевами, значит, стали. Чуть ли не две тысячи работников, и каждый человек — хозяин! Это ль не мощь!

В райисполкоме же лесокомбинат почему-то все так же числят несостоятельным, по-прежнему объявляют планово-убыточным предприятием. Слухи, что ли, о победе сюда еще не дотянулись? Или знать ничего не хотят о том? Вот ведь загадка. А может, сошлися нежданно две силы, и согласие меж ними никак не наладится, и заискрило на стыке-то? Две силы, два стиля, два взгляда на жизнь. Борьба противоположностей. Звучный образ современности, загадочный символ ее и здесь рождается в муках. Каким он будет?

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Денег в Яе пока что своих не выпускают, хотя и установлен в районной столице с прошлого года... жутко сказать — монархический строй. Собрались однажды под новый год селяне и так рассудили не вдруг: «Вечности нам не отпущено, и жить постоянно в чрезвычайных обстоятельствах — душа истончает, упреет совсем. Нужен и ей роздых. Вон ведь в столицах различных как...»

Сказали — сделали: в результате бескровного «переворота» королевой района, «мисс Яя», провозглашена Ольга Аверчук.

Но дух бунтарский на том не утих, еще и дальше пошли: весною нынешней на конкурсе мужской уже красоты определили и местного принца.

Уже перед самым моим отъездом случился в Яе пожар. Ну не то чтоб пожар — пожаришко. Загорелся под вечер убогий сарай, от него переколыхнулось на контору райповскую. Засвистал, разгулялся по кровле огонь, изукрасил окошки золотым окоемом, высветил неба кусок.

Копошилися, путались в седоватой кисейной дымке припорошенные пеплом пожарные. И хлестали, долбили водою скорострельные стволы, яростно сшибались с огненной кипенью изумрудные струи.

Собралась посмотреть, как горит, почитай, вся Яя. Стояли покорно и тихо, сосредоточенно, как на молитве. Только иногда, когда что-то с треском ломалось и падало,— тонким ветерком в толпе продергивался шелест неслышный губ. И опять обмирало...

Последние сборы недолги. Снизу, с первого этажа гостиницы, доносится прочувствованная песнь: «Эх, зацелую допьяна, изомну что цвет, пьяному от радости пересуду нет...»

Это бабуля-уборщица, погромыхивая ведрами, весело намывает полы.

И вновь автостанция.

На перронной скамейке рыжеватый плечистый мужчина, не руке голубеет наколка «Витя». Витя задирает голову к небу, широко растопыривает глаза.

— *К дожжу*, однако, подтягивает,— замечает степенно и рассудительно.

Дождя в этот день не случилось. Зато автобус наш по дороге сломался, и самолет в Москву улетел без меня.

В Яе ничего нельзя наперед загадывать.

Владимир БЕЛЫХ

Кемеровская область

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧЕНОГО

Рейн ОТСАСОН, председатель Госплана Эстонской ССР, доктор экономических наук, народный депутат СССР (г. Таллинн)

Что такое гражданственность? Вряд ли кто-нибудь возьмется ответить на этот вопрос с исчерпывающей научной точностью. По-моему, гражданственность — это отношение человека к обществу, направленное на сознательное удовлетворение общественных потребностей. Об особой мере гражданственности мы говорим, когда действия, направленные на реализацию целей общества, могут ущемить личные интересы человека. Чем сильнее борьба между старым и новым, тем чаще конфликты, тем острее может встать дилемма: как совмещать общественные и личные интересы.

Эта проблема не обходит ученых. Но, пожалуй, особую остроту она приобретает сегодня для обществоведов, и в том числе экономистов.

Когда одну концепцию поддерживает консервативный административный аппарат, а другие взгляды лишь с трудом могут пробить себе дорогу, ученому следует или приспосабливаться к старому, или ставить под удар свое общественное положение, а иногда и задумываться о перспективах будущего трудоустройства. Вот пример из работы Съезда народных депутатов. Потребовалось гражданское мужество, чтобы возражать общераспространенному мнению и утверждать, что концепции хозяйственного механизма у нас нет, в большинство предпринятых в последние годы мер по совершенствованию хозяйственного механизма оказалось недостаточно эффективным или просто ошибочным. Главный порок этих мер — попытка обряжать в различные новые костюмы старый административно-приказной метод хозяйственного управления.

Или другой пример — выдвижение идеи республиканского хозрасчета эстонскими экономистами. Республика у нас, по существу, во многом бесправна. Еще усеченнее права областей, краев. По нынешнему экономическому положению они — иждивенцы. Да, это грубо, но откровенно. От того, как хорошо и красиво они умеют просить у центральных ведомств деньги для бюджета, лимиты и фонды для предприятий, фонды продовольственных и промышленных товаров для населения,— от всего этого зависит благополучие населения региона. Такова система сверхцентрализованного административного управления, которая сама создает иждивенчество как свою необходимую опору. Это и есть вторая сторона административной власти центральных ведомств.

Мы в Эстонии предлагаем иную систему: пусть республика живет за счет своих доходов; самостоятельно распоряжается ими, равно как и своей экономикой. Думать, что люди при таком материальном интересе работают хуже, большая бессмыслица. Думать, что это может помешать интеграции, в лучшем случае неумно. Международное разделение труда — непременное условие повышения эффективности. Хозрасчетная республика в этом больше заинтересована, чем нехозрасчетная. И реализовать интерес она может лучше, более гибко, при прямых связях с другими регионами. Сколько упреков, мягко говоря, а порой и резких критических обвинений пришлось выслушать эстонским ученым, когда они выдвинули идею республиканского хозрасчета! Сначала эти замечания исходили от республиканского руководства. Помог общий дух перестройки, и последовала смена... не экономистов, а этого самого руководства. Но и теперь часты голоса наших противников из центральной прессы, из административных ведомств. Обвинения высказываются, а идея шагает вперед, обретая все больше сторонников. Так гражданственность, поддержанная духом перестройки, ведет вперед наше общество.

Основательной критики требует также оценка экономического положения страны сегодня. Это убедительно подтвердилось и на Съезде народных депутатов СССР. Состояние нашей экономики весьма сложное, а по мнению многих — критическое. Об этом красноречиво говорят дефицит бюджета, превысивший 100 миллиардов рублей, опустевшие прилавки магазинов...

Такова ситуация. Но оценка этого положения и его причин может быть различной. Первый Съезд народных депутатов с вниманием выслушал доклад Председателя Совета Министров СССР Н. Рыжкова об экономическом положении страны и программу правительства по его улучшению. Выслушал, но не обрел уверенности в том, что правительство располагает достаточно ясной программой выправления положения. Гражданственность многих депутатов проявилась в том, что они выставляли альтернативную, более радикальную и более критичную программу дальнейшего развития нашей экономики. Высказывать такую позицию означало идти на сознательное противоречие с официально представленной концепцией, а также с большинством делегатов Съезда. Последних, по-видимому, удовлетворяло успокаивающе-хладнокровное отношение к тому, что происходит сейчас.

Гражданственность ученого проявляется не только в его отношении к работе. Ученые — это часть нашей интеллигенции, часть общества, наиболее глубоко понимающая все социальные, культурные, политические явления его развития. И поэтому общество вправе требовать от них сознательного участия в решении всех проблем. И на Съезде народных депутатов мы видели много примеров этого. Ученые — народные депутаты активно высказывали свое отношение к событиям в Тбилиси, к афганской войне, к назревающим событиям в Узбекистане, к вопросу о власти в обществе, к вопросу совершенствования Конституции нашей страны и т. д.

Гражданственность — это невозможность спокойной жизни. Гражданственность — это беспокойство по поводу всего, что происходит вокруг нас в мире. И это тоже входит в обязанность ученого.

ИСПЫТАНИЕ ТРЕЗВОСТЬЮ

В 1989 году потребление алкоголя возросло на 34 процента.

В 1988 году было изготовлено 120 млн. декалитров самогона.

Ежегодно от заболеваний, связанных с употреблением алкоголя, в стране умирает свыше 20 тысяч человек.

70 процентов преступлений совершается на почве употребления алкоголя.

В 1988 году было совершено в состоянии опьянения 362 тысячи уголовных преступлений.

В 1988 году было помещено в медицинские вытрезвители 4528,3 тысячи человек.

В конце прошлого года в 30 регионах страны мы провели опрос тех, кто непосредственно занят организацией борьбы с пьянством. Многие из них, как выяснилось, одобряют изменения в порядке торговли спиртными напитками. Однако почти каждый четвертый из полутора тысяч опрошенных считает меры по ослаблению ограничений в продаже алкоголя отступлением от ранее взятого курса на упразднение пьянства.

Так ли это? В самом деле, важнейшим, если не главным, условием приобщения людей к спиртному считалась его широкая доступность. Тому примером вроде бы служили и многие факты из истории развития пьянства в дореволюционной России, когда с переходом от откупной системы к акцизной (1863 г.) были установлены достаточно низкие цены на спиртное. В результате душевое потребление водки достигло самого высокого в дореволюционный период уровня — 15,5 литра, что обернулось вовлечением в пьянство многих десятков тысяч крестьян и скорым их разорением. Это встревожило царское правительство, и в последующие годы оно неоднократно увеличивало акциз на водку. По мере повышения цен падало и потребление спиртного, которое к 1893 году, то есть ко времени введения государственной монополии на продажу спиртных напитков, составило 6,3 литра водки на душу населения.

Думается, такие утешительные результаты предопределили повышенное доверие к запретительно-ограничительным мерам в производстве и продаже спиртных напитков.

Однако со временем взгляды исследователей все более обращались к истокам бедствия, побудительным его мотивам, которые во многом определялись тяжелыми условиями жизни людей, желанием хоть на какое-то время забыться, отгородиться мутной пеленой от тягот бытия.

«Отнимите алкоголь при данных условиях,— писал один из русских исследователей проблемы в начале XX века,— будьте уверены, что массы найдут другие средства отравляться, потому что возбуждающее отравление... для них является потребностью». Вывод очевиден: спасительное средство не в изъятии спиртного, а в устранении причин, к нему ведущих. Да вот и еще, и еще примеры на том же настаивают.

Не уберег Россию от пьяной эйфории запрет на продажу спиртных напитков в 1914 году. Захлестнули страну, широко разлились самогон и другие суррогаты. Не достигли сколько-нибудь значительного успеха запретительные меры и в 20-е годы. Правда, объемы реализации винно-водочных изделий в торговой сети были сведены до минимума (в 1923 году — 0,3 литра абсолютного алкоголя на каждого жителя, что в 11 раз меньше, чем в 1913 году). И вот уже некоторые современные авторы поспешили интерпретировать этот факт как отвечающий реальному состоянию алкогольной ситуации и на этой основе утверждать, что «Ленин оставил в наследство практически трезвую страну». Подобные оценки грубо искажают истинное положение дел.

В действительности уже в 1922 году, по данным милиции, только в РСФСР было возбуждено свыше 500 тысяч уголовных дел о самогоноварении. В 1927 году изготовление самогона в сельской местности, по данным ЦСУ РСФСР, достигло отметки в 7,5 литра против 1,8 литра водки, реализуемой в торговле, а душевое потребление спиртных напитков превзошло дореволюционный уровень (3,6 литра абсолютного алкоголя в 1928 году против 3,4 — в 1913 году). Именно эти обстоятельства и вынудили разрешить в конце 1925 года свободную продажу сорокаградусной водки.

Объясняя причины полного провала запретительно-ограничительных мер, один из наших соотечественников еще 76 лет назад высказал интересную мысль, не потерявшую, на мой взгляд, свежести и сегодня.

«Влияет ли здесь человеческая природа, жадная до «запретного плода»,— писал он,— раздражает ли массу населения принуждение к добродетели, ...стеснение свободы распорядиться своим здоровьем, вкусами, привычками,— трудно сказать... С уверенностью можно сказать только то, что такое насильственное действие никогда не имеет длительного успеха, что необходимо осторожно обращаться с вековыми привычками, даже пороками населения, что опасно действовать, не подготовив надлежащей почвы. Поэтому как ни желательно для всякого благомыслящего человека полное исчезновение из оборота спиртных напитков, достигнуть этого путем воспрещения их производства, торговли и потребления не только трудно, но и невозможно: для этого общество надо сперва перевоспитать. Во всяком случае, к полному воспрещению надо идти постепенно, твердо, но осторожно, **поставив его идеалом** (выделено мной. — **Г. З.**), не делая себе иллюзий, что этого идеала можно

достигнуть сразу. Надо, следовательно, прежде всего стремиться к ограничению потребления спиртных напитков, к регулированию его, к возможному обезвреживанию. С целью этого ограничения допускается и частичное воспрещение спиртных напитков».

Таким образом, ещв в начале века мы имвли достаточно разработанную концвпцию, объясняющую причины пьянствв и некоторые способы его преодоления. К сожалению, и в 20-е годы, и нв последующих временных этапах нашего общества основным содержанием антиалкогольной политики неизменно оказывались все те же мвроприятия по изменению производства и продажи спиртных напитков. И всв так же оставались без внимания главные причины пьянства. Потому-то, на мой взгляд, совершенно неэффективным оказалось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 декабря 1958 года «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядкв в торговле крепкими спиртными напитками».

Закрытие большого количества ларьков, киосков, палаток, запрещение продажи спиртных напитков в розлив желанных результатов не принесли. Хуже того, алкогольная ситуация в 60-е годы еще более обострилась: за одно десятилетие прирост алкогольного потрбления (с 3,9 литра в 1960 году до 7,6 литра в 1970 году) превысил общий уровень душевого потребления алкоголя 1913 года. Указанным запретительным мерам общество обязано и тем, что пить стали на улицах и в подворотнях, а это повлекло за собой стремительный рост антиобщественных поступков.

Явно непродуманными, однобокими оказались практические действия и по реализации постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» (май 1985 г.). Это постановление ориентировало прежде всего на осуществление **комплекса** мероприятий экономического, культурно-воспитательного, административно-правового, медицинского и организационного характера. В расчет входило и максимальное освобождение государства от финансовой заинтересованности в производстве и продаже алкогольных напитков. Однако в реальности многое из задуманного оказалось небрежно позабытым или попросту отставленным нв задний план. Потому и результаты новой антиалкогольной политики оказались весьма неоднозначными.

Уже на первом этапе (год-полтора) заметно пошло на убыль распитие спиртных напитков на рабочих местах, на улицах и в транспорте; почти на треть уменьшилось количество преступлений, совершенных в пьяном виде; более чем на четверть — число прогулов и случаев производственного травматизма.

Вместе с тем в ходе развернувшейся кампании обнаружились и такие ев «достижения», как спекуляция спиртными напитками, огромные очереди у винных магазинов, массовое самогоноварение, потребление различных суррогатов спиртного и т. п. По ориентировочным данным, объемы изготовляемого самогона достигли уровня, равного 8 литрам нв душу каждого из нас, что благополучно восполнило сокращение продажи вина и водки в магазинах.

Характерно, что самогоноварение оказалось совершенно новым, ранее не имевшим места промыслом для большинства городского населения, широких масс людей, проживающих в Сибири, на Дальнем Востоке, на Севере, во многих национальных республиках. «Самодеятельный напиток» быстро обрел популярность буквально во всех слоях населения, в том числе и срвди интвллигенции. На противопрввный путь встали новые значительные группы населвния. В 1987 году к отввтственности было привлвчвно полмиллиона самогонщиков — это в 5 рвз больше, чем в 1985-м. За 1988 год их число увеличилось еще нв 12,3 процента. Ствли шириться и другив виды правонарушений. Только зв хулиганство в очередях у винных магазинов в 1987 году призвано к административной ответствнности 250 тысяч человек, за спекуляцию спиртными напитками — 31 тысяча, за хищение сырья и непосредственно продукции с ликеро-водочных заводов — более 11 тысяч человек.

Социологические исследования, проведенные в концв 1987 года и начале 1988 года в 19 регионах страны, обнаружили, что около 85 процентов опрошенных не поддерживают меры по резкому ограничению доступности алкогольных напитков, а в общвственном сознании растет неверие в возможность преодоления пьянства и алкоголизма. В 1988 году число тех, кто считавт, что проблему искоренения пьянства вряд ли удастся решить вообщв, увеличилось почти в два раза по сравнению с годом предыдущим.

Вот чем, оказывается, обернулись «мелкие неточности» исполнителей, когда выдвинутая партией конечная цель — полное вытесненив пьянства из жизни общества — фактичвски была подменена задачей **полного искоренения** алкогольного потребления.

Такие извращения «оригинала» нанесли антиалкогольной борьбе весьма ощутимый урон. И более тяжелыми последствия оказались там, где были развернуты особенно активные действия по сокращению продажи спиртных напитков.

Убедиться в этом можно на примере

Волгоградской области. Расстарались здесь отчаянно, сократив за три года число винных магазинов в 11 раз. Таким образом, легализованная продажа алкоголя в расчете на каждого жителя области уменьшилась с 9,3 литра абсолютного алкоголя до 3,4 литра. Зато сахара тот же человек стал покупать почему-то почти на 12 килограммов больше, увеличилось «странным образом» и количество ответчиков за самогоноварение — почти в 12 раз. Число же преступлений, совершенных в нетрезвом состоянии, выросло на 18,3 процента.

Аналогичная картина наблюдалась в Калмыцкой АССР, Астраханской, Куйбышевской, Оренбургской и многих других областях.

ЦК КПСС в своем постановлении «О ходе выполнения постановлений ЦК КПСС по вопросам усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом» от 12 октября 1988 года резко осудил практику административно-волевого подхода к решению столь сложной социальной проблемы. Предпринятые недавно меры по ослаблению жестких ограничений в продаже спиртных напитков, конечно же, будут способствовать устранению ряда неблаговидных моментов в сложившейся к концу 1988 года противоречивой алкогольной ситуации. Расширение количества торговых точек, заметное увеличение продажи сухих вин, шампанского, пива, открытие новых кафе, пивных баров, естественно, вызовет некоторое увеличение потребления алкогольных напитков, реализуемых государственной торговлей. Но эти же меры, будем надеяться, позволят постепенно устранить позорящие советскую действительность огромные очереди у винных магазинов, сбить волну спекуляции, ослабить морально-психологическую напряженность вокруг реализации винно-водочной продукции.

И все-таки эти «поправки» не смогут, на мой взгляд, обеспечить радикальных изменений в алкогольной ситуации. Во-первых, потому, что какой бы совершенной ни была политика в области производства и продажи спиртных напитков, она не составляет главного содержания общей борьбы с пьянством и алкоголизмом и не определяет конечного ее исхода. И, во-вторых, все меры по ослаблению необоснованно жестких ограничений в производстве и торговле алкоголем очень слабо затрагивают главную причину роста самогоноварения. Речь идет о резком, более чем в два раза, повышении цен на крепкие спиртные напитки, что сделало их малодоступными для значительной части населения, побудило многих к поискам других возможностей удовлетворения потребности в алкоголе.

Девять из десяти опрошенных нами лиц, занимающихся вопросами борьбы с пьянством, связывают рост самогоноварения прежде всего с рекордным скачком цен на спиртное. И только каждый десятый указал на слабую работу правоохранительных органов по пресечению самогоноварения.

В особо затруднительное положение стремительный взлет цен поставил малообеспеченные группы населения — пенсионеров, инвалидов, одиноких женщин.

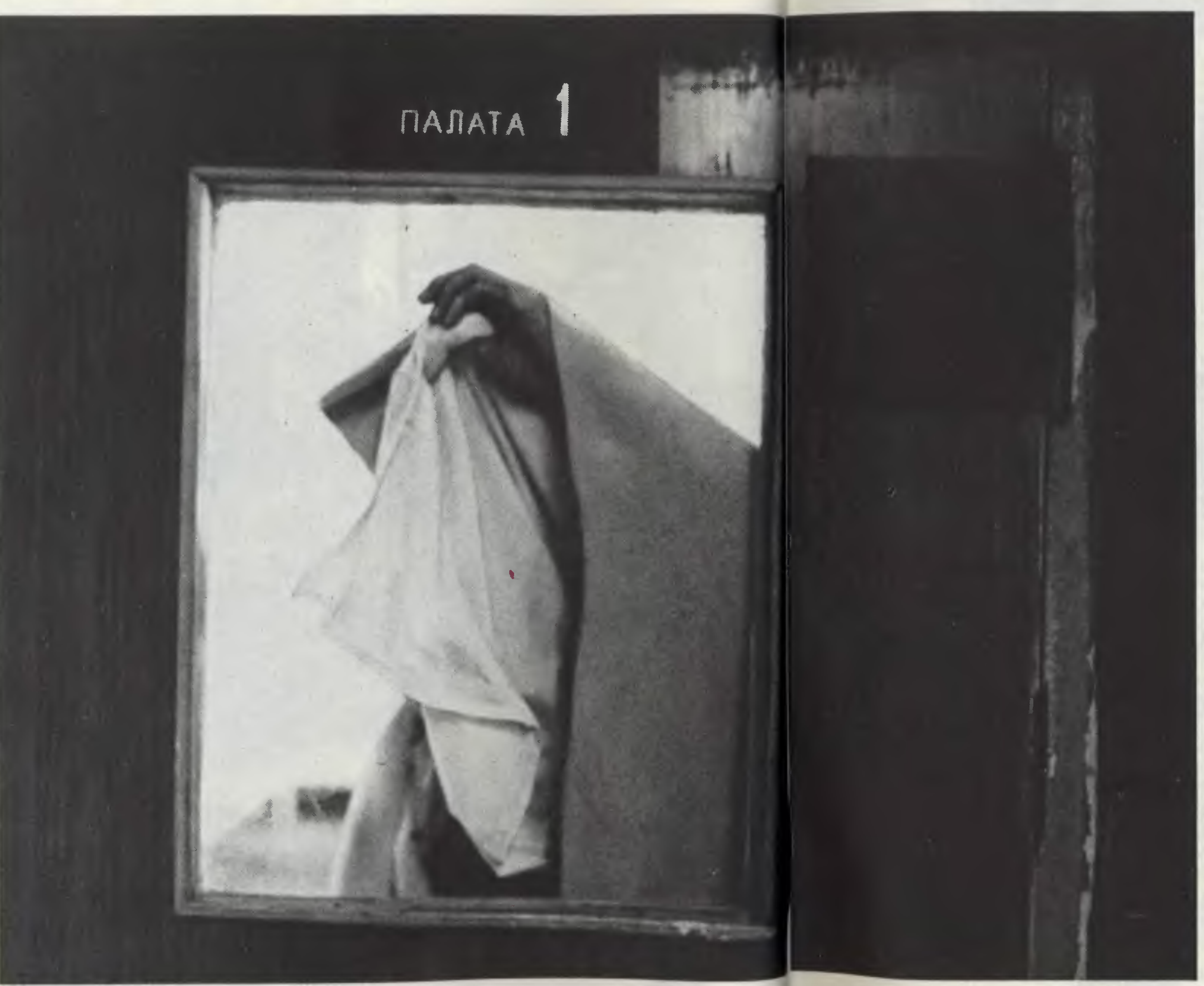
В условиях крайне слабо развитой, особенно в сельской местности, сферы бытовых, хозяйственных услуг за многие годы в деревне сложилась практика, при которой основной мерой оплаты за оказанные услуги (подвозка топлива, ремонт помещения, вспашка приусадебного участка) стала «свободно конвертируемая» бутылка. По мере роста цен на водку соответственно поднималась и стоимость услуг. Сегодня за ту же «подмогу» пенсионер (при той же пенсии) вынужден платить в 2—3 раза больше, чем десять лет назад. Оттого и варит иной ветеран, греха не стыдясь, рисковое зелье, что стал он невольным заложником жизненной нашей неразберихи. А всего, как показывает анализ состава нескольких тысяч лиц, привлеченных к ответственности за самогоноварение, доля тех, кто вынужден заниматься этим для расчета за различные услуги по хозяйству, составляет по разным регионам от 10 до 20 процентов.

Отчуждение людей от результатов собственного труда, сферы его приложения, потеря общественной активности, нарушение принципов социализма, нарастание в общественном сознании чувства неуверенности, социальной неустроенности и апатии — все это создавало объективные условия для распространения массового пьянства, которое на рубеже 70—80-х годов охватило практически все слои населения. За период с 1960 по 1980 год душевое потребление абсолютного алкоголя выросло с 3,9 до 8,7 литра. Почти в два с половиной раза!

Оборачиваясь на то, что сделано, глядя на то, что делается, прихожу к выводу: только решительные и качественные обновления во всех сферах жизни нашего общества — будь то политика, культура или экономика — в сочетании с дальнейшим расширением демократии в стране помогут нам в бескомпромиссной борьбе с алкоголизмом и пьянством.

Григорий ЗАИГРАЕВ,
начальник проблемной лаборатории ВНИИ МВД,
кандидат философских наук

Фото Александра БОМЗЫ



ОНИ О НАС

В новой рубрике мы предлагаем нашим читателям срез советской действительности, какой она предстает на страницах зарубежной периодики. Наша жизнь, увиденная их глазами, равно говорит и о нас, и о них. Здесь вы найдете и дайджесты серьезных аналитических статей, и маленькие курьезные заметки. Отбор материала — дело редакции. Ответственность же за правдивость, точность и тон ложится на зарубежные источники.

«ЗЕЛЕНЫЙ» ЖУРНАЛ

Новый журнал — «зеленый» и консервативный — производит в Москве фурор. Тираж в 300 000 экземпляров был раскуплен в мгновение ока. Зачастую журнал перепродают на «черном рынке» за 100 рублей — это средняя месячная зарплата рабочего.

Никому не пришла бы в голову мысль охарактеризовать московскую «Правду» (центральный орган КПСС) как «правую» газету. И все же с января 1989 года в издательстве «Правда» выходит журнал, который можно назвать каким угодно, но не «левым». Уже самое название является программой: «Родина» — это дословно «страна, которая нас родила». Вероятно, в «Правде» забыли о тех временах, когда и русские коммунисты говорили, что у рабочего класса нет отечества. Сам журнал представляет себя так: «Родина» — «это 96 страниц чтения для тех, кому интересна история Отечества». Журнал действует по методам «исследовательской журналистики» и приводит «скрывавшиеся от нас факты».

Пожалуй, самая интересная и актуальная статья майского номера «Родины» посвящена судьбе последнего царя и его семьи. Всего за несколько дней до этого в московском Донском монастыре впервые на русской земле со времени захвата власти коммунистами была отслужена панихида по Николаю II и его близким, и при этом (также впервые открыто в Москве) прозвучал царский гимн. Его текст начинается словами: «Боже, царя храни...»

То, что «Родина» столь подробно обращается к судьбе царской семьи, говорит о том, насколько в подсознании русских людей начинает оживать неподновленная история. Виктор Астафьев пишет в своей статье о великом русском писателе XIX века Николае Гоголе и приходит к выводу: «Действительно, мы не раз уже и очень громко объявляли себя и общество свое самыми лучшими, самыми передовыми... Но отрыв от отеческих корней, искусственное осеменение с помощью химических впрыскиваний, быстрый рост и бегство к «идеям» лишь остановили нормальное движение и рост, исказили общество и человека».

На страницах «Родины» то и дело встречается странная и интересная смесь русско-национальных, частично даже консервативных, взглядов с «зелеными» аргументами. В передовой статье Михаил Ульянов пишет о разрушении природного памятника, связанного с писателем Островским: «Сколько десятилетий мы вторгаемся в святая святых даже не со скальпелем хирурга, а с топором мясника, ломая веками складывавшиеся формы сосуществования человека и природы».

В одной из прочих достойных внимания статей рабочий по имени Виктор Ивашкевич предсказывает срастание нового русского «рабочего движения», возникающего из стачек и протестов, с интеллигенцией в мощную политическую силу. А эксперт по экономическим вопросам Лариса Пияшева с величайшим скепсисом пишет о реформах Горбачева: «Не пора ли бить в набат и кричать о том, что реформа на глазах уходит в небытие?»

«Вельт», ФРГ

СКОЛЬКО ЖИТЬ АНОНИМКАМ?

Анонимки все еще составляют значительную долю корреспонденции, поступающей в партийные и государственные органы, хотя в прошлом году Верховный Совет СССР отменил рассмотрение безымянных «сигналов» и жалоб. Было бы интересно знать, как за это время изменился удельный вес анонимок в общем объеме такого рода почты. Это было бы существенным индикатором изменения социальных настроений.

Но это щекотливый вопрос, и, несмотря на атмосферу гласности, такая информация пока недоступна. Новое отношение к анонимкам может, с одной стороны, быть оружием во внутренней борьбе в рядах советской бюрократии, а с другой — свидетельствует о сдвиге общественного мнения в пользу правовой защиты личности и отходе от ситуации «презумпции виновности» каждого индивидуума.

«Совьет стадиз», Великобритания

СЛАВЯНОФИЛЫ И ЗАПАДНИКИ

Возрождение реакционного русского национализма с его традиционной ксенофобией и антисемитизмом — это субпродукт распада марксистской идеологии и шока, вызванного переменами при Горбачеве. Развитие перестройки и гласности оживило спор XIX века между славянофилами и западниками. Современных писателей-националистов стоит сопоставить с одним из самых красноречивых из великих русских славянофилов — Достоевским. В 1881 году он призвал Россию обратиться внутрь себя, к огромным нетронутым пространствам северо-востока: Сибирь как спасение России.

Этой старой школе противостоят сторонники Горбачева, которые видят в национализме угрозу для модернизации страны.

«Нью рипаблик», США

ЕЛЬЦИН — СУПЕРЗВЕЗДА

«Правда» говорит о нем как о «человеке, пользующемся мощной поддержкой народа». «Московские новости» называют «циклоном», который сопротивляется «наглой силе». Он, Борис Николаевич Ельцин, 1931 года рождения, бесспорный лидер тех, кто ратует за развитие перестройки и, последовательно сражаясь со своими противниками на широком фронте, двигается вперед.

Киноленте — работа группы свердловских операторов — названа «Три дня из жизни Бориса Ельцина». (Не ищите никакой связи с героем Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича».) Это документальная история о человеке перед выборами, во время предвыборной кампании и после голосования, то есть показан полностью процесс выборов от формирования образа кандидата до его одобрения у избирательных урн.

Другой фильм называется «Встреча с Борисом Ельциным». Его основа — беседы, прямой разговор с главным героем фильма.

Наконец, снят еще один короткометражный фильм, где показана ожесточенная предвыборная полемика в Свердловске,- фильм, на который наложили вето местные партийные органы.

Лента «Тайна голосования» также посвящена Ельцину и другим кандидатам. В ней объясняются система выборов и способы, с помощью которых партийному аппарату удается навязывать своих кандидатов. Пока он находится на видеокассетах, запрет, наложенный властями в Свердловске, может быть снят руководством в Москве. «Может быть, — сказал «Панораме» представитель КПСС, — это подходящий случай для демонстрации Ельцина, как члена партии, наиболее близко стоящего к Горбачеву, поддерживающего и укрепляющего его позиции».

«Панорама», Италия

АМЕРИКАНЦЫ ИГРАЮТ В ГЛАСНОСТЬ

Хотите появиться в чем-то экстрамодном в своем спортклубе? Тогда как насчет сделанной в СССР рубашки с надписью по-русски: «Сибирь — страна больших возможностей»? Несколько сот американцев уже выложили по 14 долларов за такую вот трикотажную вещь, сделанную одним подмосковным кооперативом.

Кроме этого, компания «Рашндрессинг», созданная в декабре прошлого года двумя торговыми фирмами — «Нью-Йоркес Дуг Плаг» и «Сидней Хармен», продает около сотни предметов, поступающих из Советского Союза. Лучше всего продаются игрушечный лимузин «ЗИЛ», сборный макет собора Василия Блаженного и настольная игра под названием (ну каким же еще?!) «Гласность».

Импортеры советских товаров должны преодолеть неэффективность системы. В ноябре прошлого года несколько американских предпринимателей создали совместно с советскими экспортерами предприятие, чтобы ввозить в США жигулевское пиво и грузинские минеральные воды. Первая партия пива прибыла в только наполовину наполненных бутылках, а затем русские не смогли выдержать согласованные сроки поставок.

Но, несмотря на досадные срывы, русские товары идут в США. Сеть нью-йоркских булочных «Заро бредбаскет» начала продавать выпечённый в Москве хлеб и собирается получать самолетом две тысячи батонов в неделю.

«Ньюсуик», США

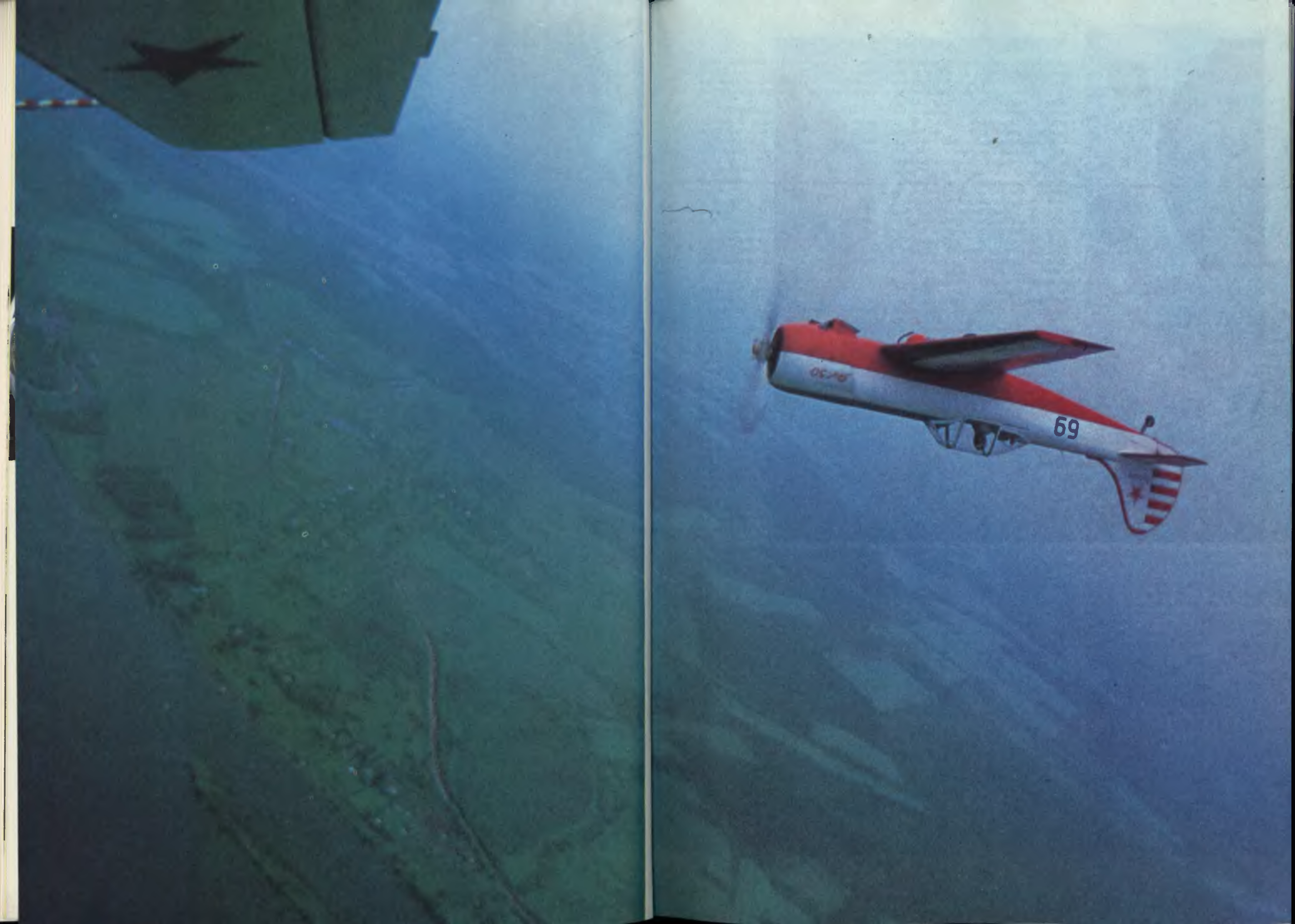
АВИАЦИОННАЯ ЭЛИТА СТРАНЫ

Борис УТЕХИН

Фото Александра ДЖУСА

В 1783 году лейтенант военных инженеров Мёнье представил Французской академии наук сочинение «О применвнии аэростата для военных целей». Идея «достать» противника с неба многих заинтересовала. С этого, пожалуй, момента идеи безумных одиночек, ведущих свой род от мифического Икара и рисковавших жизнью исключительно ради личного удовольствия, получили солидную государственную основу. Сумасбродные изобретатели еще клеили где-то свои единоличные шары, а первый военный отряд воздухоплавателей уже принимал участие в осаде Валенсии в 1793 году. Правда, без особого успеха. Однако государственные головы понимали, что лиха беда начало, и 2 апреля 1794 года французское правительство поручило капитану инженерного корпуса Кутеллю устроить воздухоплавательную школу. Образовались два отряда аэротьеров, которые уже сражались в том же, 1794 году при осаде Мебежа, Шарлеруа...

В 1812 году в России тоже начали строить большие шары, с помощью которых предполагалось бросать бомбы на неприятеля. Применить на практике новое оружие не удалось, но зато идея была реализована австрийскими войсками, которые во время осады Венеции пустили на город бумажные шары с бомбами. Во время атаки шары, правда, неожиданно изменили направление,


69

и бомбы упали на австрийский лагерь, но сам принцип был успешно подтвержден.

В России, кроме военного воздухоплавательного отряда на Волковом поле, где регулярно совершались полеты и проводились новые опыты, при Техническом обществе был образован новый, VII воздухоплавательный отдел. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона объясняла тогда своим читателям: «Воздухоплавание имеет два направления: 1) Воздухоплавание с помощью аэростатов или шаров, которые удельно легче аоздуха, и 2) так называемую авиацию, т.е. подражание полету птиц... К сторонникам пврвого направления принадлежат нынешние практики-воздухоплаватели. Сторонниками авиации или авиаторами являются все теоретики-воздухоплаватели, главным образом матаматики, инженеры, физиологи и технологи... Профессор Д. Менделеев в своем сочинении «О сопротивлении жидкостей и воздухоплавании»... склоняется к мнению, что аэростат надежнее, ближе к цели, чем летательные машины».

Несмотря на столь авторитетное утверждение, уже в 1909 году во Франции в городке По у подножия Пирвнеев Уилбером Райтом создается первая авиационная школа. Затем подобные школы организуют известные авиаторы Фарман, Блерио, перелетевший в 1909 году на самолете собственной конструкции Ла-Манш... В России в 1910 году отделом воздушного флота комитета по созданию флота на добровольные пожертвования тоже основывается подобная школа. С этого времени и в области «подражания полету птиц» начинается соревнование между спортивными и военными полетами. С одной стороны, эксплуатация нвсовершенных моделей самолетов была связана с огромным риском; мало того, что за обучение выплачивалась немалая сумма, но будущий летчик нес еще и материальную ответственность за поломку самолета. По сути, авиация, в том числе и военная, была спортом аристократии, со своими строгими уставами, этикетом, особыми знаками отличия...

В нашвй стране в первые годы Советской власти был взят курс на лишение авиации подобных привилегий. Советская Россия строила свой собственный воздушный флот. Для этого необходимы были средства и новые кадры летчиков. Существовавшее Общество друзей Воздушного Флота было затем

преобразовано в Авиахим, а XIII съезд РКП(б) дал этому обществу задание довести число членов до трех миллионоа. К 1925 году задание было уже выполнено.

Два с половиной десятилетия между первой и второй мировыми войнами были для авиации временем рекордов. Выше, дальше, быстрее! В Соввтском Союзе видели в рекордах один из лучших путей утверждения социализма. Отечественная авиация блистала достижениями, но... в единичном исполнении.

В 50-е годы высший пилотаж в СССР снова аозродился как спорт. Спортсмены — бывшие военные летчики, учившиеся пилотажу в бою. Они и выступали на первых соревнованиях, где были очень популярны полеты группой, рисовавшей в небе слово «Сталин», другие суперпилотажные фигуры. В 1962 году команда нашей страны выступила на втором чемпионате мира по пилотажу.

Взлеты и падения авиационного спорта в СССР всвгда были связаны с качеством самолетов. Специализировалось же на выпуске таких самолетов лишь одно конструкторское бюро — Яковлвва. Сделает фирма хороший самолет, говорят пилоты, наша команда выиграет. Начнет отставать от мирового стандарта — проиграет.

— В 1976 году, — рассказывает В. Смолин, капитан сборной СССР по высшему пилотажу, — предложили нам новый самолет — Як-50. Сначала асе шло хорошо, даже выигрывали на нем крупные соревнования. Но вскоре чемпион Виктор Лецко погиб на том же Як-50, на котором он выиграл соревнования. После него разбились еще три летчика, тожв на Яках. Самолеты разрушались в воздухе, не выдерживали тех нагрузок, которые давал пилот, чтобы быть на уровне требований чемпионата. Это понятно. Спортивные самолеты не выгодны для производства, все внимание КБ уделяет военным да транспорту. Раз не выгодно, нет денег, нет специалистов, наша команда будет всегда с плохими самолетами. Правда, в последние годы повезло: нашелся в КБ Сухого энтузиаст, Вячеслав Кондратьев, который вместе с командой — что было проделано впервые! — разработал прекрасный самолет, Су-28. Конечно, выпускается таких самолетов миэер. Сегодня у нас всего три машины, на которых можно выступать. Три — на 25 человек сборной. Это при том, что западные спортсмены выступают каждый на своем самолете!

Борис Владимирович Ракитин, генеральный конструктор КБ Сухого, праада, утверждает, что все изменится к лучшему. 2 июня 1989 года фирма выпустила первый серийный Су-26М. И запланировала сделать еще 15. Правда, не удержались, и 6 самолетов решили продать в США, — впервые в истории спортивного самолвтостроения западная фирма предложила выгодный контракт на покупку.

— Сокращение вооружений, — говорит Борис Владимирович, — поставило авиационныв заводы перед проблемой загрузки. Почему бы нам не выпускать спортивные самолеты? (Кстати, наш заказчик — Министерство обороны, так что и эти самолеты пока фигурируют в расходах на оборону.) При нашем заводе создан коопвратив «Аэроспорт», туда ушли многие квалифицированные специалисты. Мы не облагаем кооператив налогом, предоставляем ему нвобходимые материалы — результат, как видите, есть.

Мастера высшего пилотажа — авиационная элита страны. Я разговаривал с этими рсбятами, и мнв казалось, что страсть к небу делает человека чище и яснее. Посмотрите на небо! Какое оно прекрасное, хотя украшают его пока не наши воздушные шары!

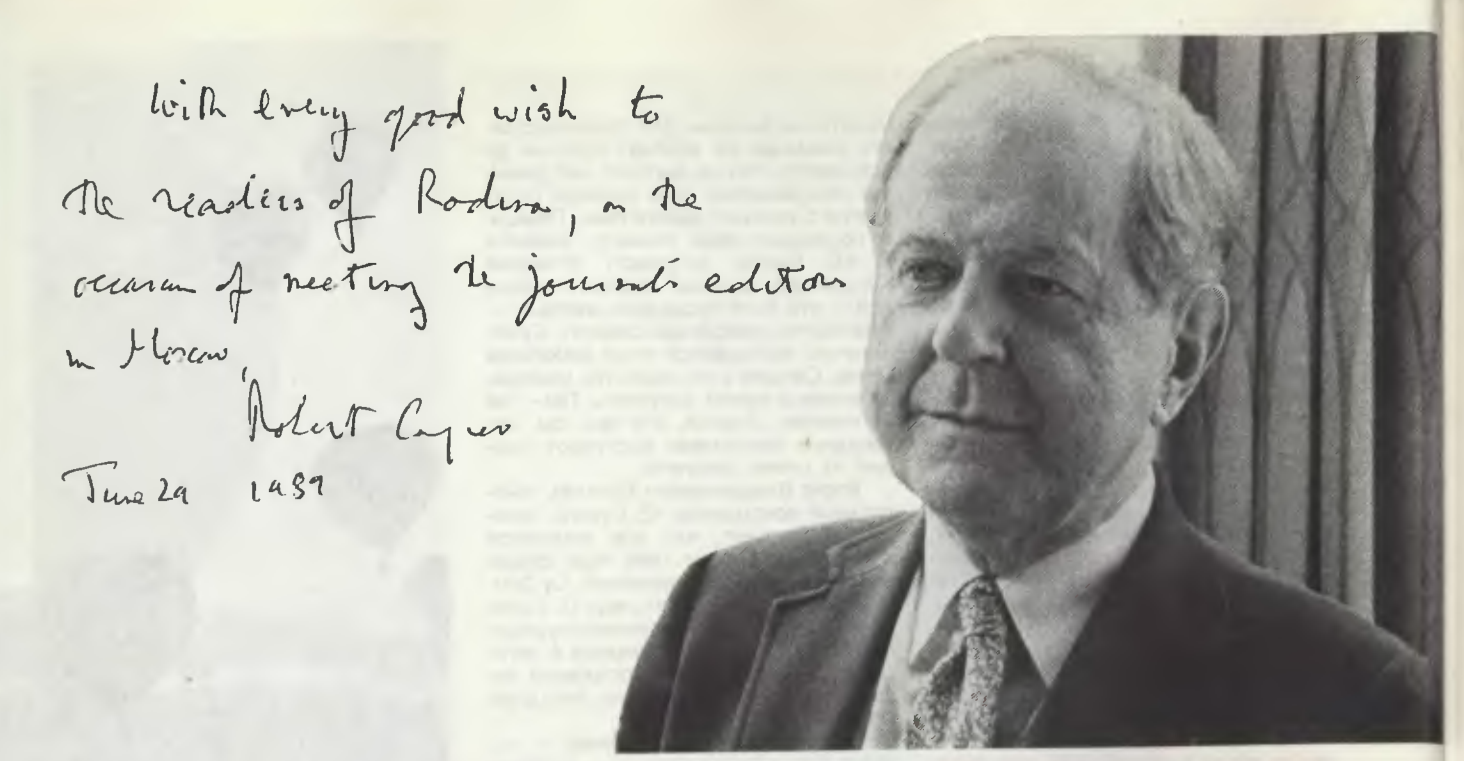


Фото Вадима СИТНИКОВА

ПОЛЬЗУЮСЬ ВСТРЕЧЕЙ С СОТРУДНИКАМИ ЖУРНАЛА «РОДИНА», ЧТОБЫ ПЕРЕДАТЬ НАИЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ ЕГО ЧИТАТЕЛЯМ.

Новую книгу англо-американского историка и писателя Р. Конквеста, посвященную коллективизации в СССР и голоду 1932—1933 годов, читать нелегко. Хотя автор нигде не отступает от документальной основы (о добросовестности ученого и громадной работе, им продвланной, говорит обширный справочный аппарат книги), но он вовсе не старается сгустить краски: сама реальность, которая здесь воссоздается, действует на чувства сильнее самой изощренной писательской фантазии. Приведем два небольших отрывка, чтобы читатель составил представление о том, какими картинами наполнена эта книга:

«В селе Харсин Полтавской области женщину на седьмом месяце беременности избили доской за то, что она рвала в поле озимую пшеницу. Вскоре после зтого она умерла. В Бильске той же области вооруженный часовой застрелил Настю Слипенко, мать троих детей, жену арестованного, за то, что она ночью выкапывала колхозную картошку. Трое ее детей умерли с голоду».

«Жуткие, внушающие суеверный страх картины можно было видеть в городах. Люди, как обычно, спешили по домам, «а между ними, на четвереньках, ползли голодные дети, старики и девушки», у которых уже не было сил просить, и никто не замечал их.

Но так было не всегда. Есть много саидетельств того, что жители Киева прятали крестьян от милиции. В Харькове крестьянам тоже давали хлеб. В Харькове же «я видел на Конском рынке (автор цитирует свидетельство Ю. Семенко.— **С. Я.**) ... женщину, опухшую от голода. Черви буквально ели ее заживо. Прохожие клали рядом с ней кусочки хлеба, но женщина уже слишком была близка к смерти, чтобы есть их. Она плакала и просила медицинской помощи, но никто не оказал ее». (Один из врачей рассказывает, что на собрании медперсонала Киева был зачитан приказ, строжайше запрещающий медицинскую помощь всем крестьянам, нелегально проживающим в городе.)»

Глава из книги Р. Конквеста, которую мы (с разрешения автора) публикуем в этом номере, выдержана в более строгом, «академическом» тоне. И все же она, хочвтся надеяться, привлечет внимание самой широкой читательской аудитории. Особая ценность этой главы видится нам, во-первых, в том, что в нвй рассказывается о событиях малоизвестных, почти не затронутых нашей наукой да и исторической публицистикой последних лет. Во-вторых, повествование Р. Конквеста приближает нас к пониманию, говоря словами автора, «человеческих культур в широчайшем смысле слова».

☆ ☆ ☆

В июне зтого года Р. Конквест впервые за многие десятилетия посетил нашу страну. По просьбе журнала он встретился с нашим корреспондентом и ответил на вопросы.

— Мне очень приятно,— сказал, в частности, Р. Конквест во время беседы,— что выбор журнала «Родина» пал именно на главу о коллективизации в Средней Азии. Я собрал весь имеющийся на Западе материал по этому вопросу — бо́льшим мы, к сожалению, пока не располагаем. История и современность ваших среднеазиатских республик вызывает интерес во всем мире. Когда мой приятель, американский дипломат, был в Казахстане, его спрашивали: почему Конквест не пишет о казахах? Почвму не рассказывает о южных окраинах Советского Союза? Теперь все в вашей стране смогут убедиться, что я об этом пишу.

— Как вам кажется, поддается ли наше прошлое исчерпывающему осмыслению с точки зрения свободного, независимого историка?

— Я не теоретик, я против теорий в истории. Это не значит, что я пишу только факты, факты, факты. Просто все теории, что я знаю, кажутся мне недостаточно широкими, они не могут объяснить все. Фактов бесчисленнов множество, из них важно уметь выбирать, выстраивать их...

— Но в «Кратком курсе истории ВКП(б)» факты тоже отбирались и выстраивались, не так ли?

— Выбор не должен быть ложным, факты должны выстраиваться таким образом, чтобы создавать цельную картину. Историк — человек, а не робот, он пишет не только умом, но и чувством. Читателю должны быть ясно видны его идеи. Абсолютно объективно писать просто невозможно. Факты святы, идеи свободны... На Западе есть историки, претендующие на объективность, но это, по-моему, лишь попытки скрыть неизбежную для каждого историка пристрастность.

— Каковы ваши прогнозы относительно ближайшего будущего нашей страны?

— Я не скажу обо всех, но очень многие в вашей стране, мне кажется, устали от утопий. Именно у вас, от ваших сограждан я уже несколько раз слышал примечательное пожелание: страна должна стать нормальной. Я считаю, что жертвы, понесенные страной, весь ваш трагичный исторический опыт — все это сказывается на нынешнем самочувствии народа.

— Какая сторона нашей жизни представляется вам сейчас наиболее тревожной?

— Экономика. Это мнение разделяют и ваши специалисты. Я как-то уже писал, что большой корабль не может сразу — скажем, в течение нескольких месяцев — круто изменить свой курс. Это первое. Второе — психологическая сторона дела. За последние годы вы сделали очень важный, решительный шаг — первый шаг. Но перемены, повторяю, связаны с очень сложными историко-психологическими проблемами... Наши собственные сталинисты (они есть и в Соединенных Штатах) считают, например, что Сталин не мог уморить голодом миллионы людей,— это **непродуктивно** и, следовательно, невозможно. Другие соглашаются с очевидными фактами, но при этом утверждают, что уничтожение людей было по тем или иным причинам необходимо, скажем, для обновления кадров... Ужасно, конечно, но кое-кто так думает. У всех этих людей нет воображения. Они не обладают пониманием чужих культур. Поэт Иосиф Бродский сказал о них примерно так: они не желают знать, что эти ужасы возможны, они предпочитают обличать «усатых полковников». Не задумываясь, что по сравнению со Сталиным полковники эти кажутся ангелами...

— Как вы оцениваете позицию Запада по отношению к тому, что происходило в СССР? Всегда ли западные политики осознавали реальный трагизм, в котором жили народы нашей страны?

— Западная политика сложна, ее история знает и ошибки, и неверные концепции, в том числе и в отношении Советского Союза. Совершенной политики не существует. Я бы сказал, что политика бывает интеллигентная и неинтеллигентная.

— Как в этой связи вы оцениваете деятельность М. С. Горбачева?

— Он ищет выхода из очень трудного положения. Но я не могу что-либо советовать политику, так же как, скажем, не могу учить пилота, как летать, если сам ни разу не садился за штурвал.

— Не хотите углубляться в профессиональную сферу?

— Это не только профессиональная, но и личностная проблема. Могу сказать, что политика Горбачева — широкая политика. В отличие, скажем, от политики Брежнева, сводившейся к интригам в узком кругу правящих лиц. Безупречный политик, отдающий себе отчет о всех без исключения существующих проблемах, знающий, как эти проблемы решать, и умеющий провести свои решения в жизнь,— такой политик нигде и никогда не существовал. Так же как не может быть и безупречных комментаторов исторических событий...

Беседу вел Сергей ЯКОВЛЕВ.

Роберт КОНКВЕСТ

ЖАТВА СКОРБИ

(Глава из книги *)

Старое правительство, помещики и капиталисты оставили нам в наследство такие забитые народы... эти народы были обречены на неописуемые страдания.

И. Сталин

Советская Средняя Азия, состоящая из Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии и Казахстана,— это мусульманская земля, присоединенная к России царскими армиями в XVIII—XIX веках. Коллективизация происходила здесь в основном так же, как в европейской части СССР, однако с некоторыми специфическими особенностями.

В Узбекистане политика «ликвидации кулака» была провозглашена в хлопкосеющих зонах, а в скотоводческих районах — только политика «ограничения кулака» [1]. По данным опубликованной в СССР работы, в 1930—1933 гг. здесь было раскулачено 40 000 крестьянских хозяйств, то есть пять процентов от их общего числа [2]. В Туркменистане (по официальным данным) было выселено 2211 кулацких семей только за 1930—1931 гг.[3]. В Казахстане было раскулачено 40 000 семей, а еще 15 000, если не больше, «самораскулачились», то есть скрылись [4]. Можно считать, что в целом по Средней Азии раскулачивание коснулось около полумиллиона человек — сопротивление было ожесточенным.

В недавнем советском исследовании отмечается, что в 1929—1931 гг. снова поднялось национальное повстанческое движение — басмачество. Чаще всего басмачи нападали на колхозы. Из Афганистана в Таджикистан проникали «банды» численностью до 500 человек, они разрастались по пути. В Туркмении, где басмачи «уже были почти ликвидированы в предшествующий период», они снова усиливались, «в республике сложилась сложная политическая обстановка» [5]. В число повстанцев «входили не только явно контрреволюционные злементы», но и известная часть «трудящегося населения» [6], а их политическими целями была борьба с Советами и коллективизацией [7].

По словам Икрамова, секретаря Компартии Узбекистана, даже в 1931—1932 гг. в республике насчитывалось 350 банд басмачей, было 164 попытки организовать массовые восстания, в которых участвовало около 13 000 человек, и 77 000 «антиколхозных инцидентов». Одно такое восстание в районе Сыр-Дарьи продолжалось три недели [8]. Бауман, присланный Москвой в качестве правителя всей Средней Азии (известно о покушении на Баумана, в результате покушения была ранена его жена), говорил на пленуме Компартии Узбекистана, состоявшемся в сентябре 1934 года, что в 1931 году восстания произошли также в туркменских степях, в скотоводческом районе Киргизии и в Таджикистане.

Как и повсюду, в Средней Азии сопротивление крестьян проявлялось также в массовом забое скота. На сентябрьском пленуме Компартии Узбекистана Бауман признал, что

* Роберт Конквест. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. (Overseas Publication Interchange Ltd. London, 1988.) Вся книга, за исключением этой и некоторых других глав, будет напечатана в журнале «Вопросы истории».

в Средней Азии (не считая Казахстана) поголовье лошадей сократилось на треть, крупного рогатого скота наполовину, а овец и коз — на две трети.

В Киргизии сопротивление приняло форму «массового уничтожения скота», а также «миграции за границу», причем часть пограничного населения ушла в Китай, «уведя с собой 30 000 овец и 15 000 голов крупного рогатого скота» [9].

Но все эти факты, достаточно печальные сами по себе, блекнут перед колоссальной человеческой трагедией казахов.

По переписи 1926 года в СССР насчитывалось 3 963 000 казахов, а по данным переписи 1939 года (весьма раздутым) — лишь 3 100 900. Если учесть естественный прирост населения, то можно определить, что убыль населения

вследствие голода и репрессий составила около полутора миллионов при исходной численности населения в 1930 году значительно более 4 миллионов, так что реальная смертность (за вычетом неродившихся и бежавших в Китай) должна была составить не менее миллиона человек. Данные недавно опубликованного исследования говорят о том, что потери были даже больше. Число крестьянских хозяйств в Казахстане снизилось с 1 233 000 в 1929 году до 565 000 в 1936 году [10]. Этим жутким цифрам соответствовало катастрофическое сокращение поголовья скота (во многом вызвавшее людскую смертность). В 1929 году поголовье крупного рогатого скота исчислялось в 7 442 000, а в 1933 году упало до 1 600 000; поголовье овец снизилось соответственно с 21 943 000 до 1 727 000 [11].

Причины и обстоятельства этой небывалой человеческой и экономической катастрофы, не находящей себе равных в истории какой-либо другой колониальной державы, заслуживают большего внимания со стороны западных специалистов, чем уделялось этой проблеме до сих пор.

* * *

Во время Октябрьской революции в Казахстане возникло собственное правительство, сформированное националистической партией Алаш-Орда. Это правительство не устояло перед натиском Красной Армии, однако база коммунистического движения в регионе была столь ограниченной, что многие ветераны партии Алаш-Орда принимались в новую администрацию.

Поскольку земли казахов лежали на самом севере Средней Азии, присоединенной к России в царские времена, они оказались на пути русской колонизации Сибири и Дальнего Востока. Поэтому территория Казахстана делилась грубо на две части: в северной его части, где осело много русских (более миллиона семей между 1896 и 1916 гг.), развивалось преимущественно земледелие; на юге же все еще простирались невозделанные степи, где большинство казахов пасло свои стада и табуны.

Вследствие именно этих особенностей Казахстана большевики столкнулись здесь со специфическими трудностями. В 1926 году лишь менее четверти населения Казахстана занималось исключительно земледелием, 38,5 процента занималось только скотоводством, 33,2 процента — животноводством и земледелием вместе. Менее 10 процентов населения республики вело полностью кочевой образ жизни, но две трети его являлось «полукочевниками» — кочевало только летом вместе со своими стадами [12].

Советское правительство решило за несколько лет превратить этих кочевников и полукочевников, с их особыми культурными традициями, уходящими в глубь столетий, в оседлых земледельцев (да еще коллективизированных); нечего и говорить, что такое решение шло вразрез с исконными устремлениями народа.

Эти планы обсуждались еще за несколько лет до начала кампании коллективизации. Практически все специалисты были того мнения, что казахи абсолютно не подготовлены для какой бы то ни было коллективизации. Большинство агрономов подчеркивали, что казахское скотоводческое хозяйство регулируется клановыми отношениями и поэтому разрушение клановых рамок опасно с экономической точки зрения. Знатоки местных условий объясняли также, что скотоводческие районы страны непригодны для выращивания зерна.

И хотя вышедшая после смерти Сталина работа советского историка [13], где утверждалось, что казахи были совершенно не готовы к коллективизации, подверглась в СССР резкой критике, в настоящее время большинство советских исследователей признает, по крайней мере, что казахи не были подготовлены к массовой принудительной коллективизации или (что почти то же самое) к «коллективизации ударными темпами».

Трудность состояла в том, что требовалось перевести кочевников на оседлый образ жизни — именно такой переход предусматривался партийной доктриной в целях «искоренения экономической и культурной отсталости» кочевых народов. Более конкретно эта же задача формулировалась так: «Переход к оседлости означает ликвидацию байского полуфеодализма, разрушение племенных отношений...» [14]

В пересмотренный вариант пятилетнего плана была включена задача перехода кочевых народов к оседлому образу жизни, и в Алма-Ате была создана специальная «комиссия по оседлости».

С экономической точки зрения территория Казахстана представлялась потенциальным источником продовольственных резервов для всей советской Сибири и Дальнего Востока, а перевод кочевников к оседлости был задуман с целью получения огромного количества хлеба с земель Южного Казахстана.

На состоявшемся в ноябре 1929 года пленуме ЦК ВКП(б) было принято постановление о конфискации земель казахских кочевников и создании на этих землях гигантских зерновых хозяйств. В 1932 году эти «зерногиганты» должны были дать 1,6 миллиона тонн зерна [15]. Экономист не мог бы назвать такую идею иначе как сумасбродством: данная территория для производства зерна не годилась. Даже сегодня валовая продукция животноводства в этих районах в четыре раза выше валовой продукции здешнего земледелия [16].

* * *

При нэпе казахи жили своим традиционным укладом и под руководством традиционных лидеров, но Советская власть была этим недовольна. Кампания «советизации казахского аула», проводившаяся в 1925—1928 годах, провалилась, так как сформированные в аулах Советы спокойно и без шума возглавили местные главы кланов — баи. И клановая организация казахского общества, и мусульманский кодекс верности мешали какому-либо проникновению в их жизнь влияния партийных работников. Троцкий отмечал, что руководитель Компартии Казахстана Голощекин «проповедует гражданский мир в русской деревне и гражданскую войну в ауле». На Пятнадцатом съезде партии Молотов заявил, что баи сумели очень успешно «лишить государство» казахского хлеба.

В январе 1929 года численность коммунистов в Казахстане составляла всего 16 551 человек, а к 1931 году во всех сельских районах Казахстана было 17 500 коммунистов, русских и казахов, причем лишь четверть из них проживала в районах с преимущественно казахским населением [17].

Указ от 27 августа 1928 года, принятый по «предложению» ЦК ВКП(б), предписывал конфискацию земельной собственности у тех «богатых скотовладельцев из местного населения, которые своим влиянием препятствуют советизации аулов», а также выселение «байских и полуфеодальных» семейств (на этом этапе их число ограничивалось 696) с конфискацией принадлежавшего им полумиллионного поголовья крупного рогатого скота [18]. Но даже это мероприятие оказало на казахское общество незначительное воздействие. Когда в 1930 году дело дошло до полного раскулачивания, «байскими» было объявлено 55 000 — 60 000 хозяйств; 40 000 из них было раскулачено, владельцы остальных скрылись, бросив свое имущество.

* * *

С 11 по 16 декабря 1929 года проходил пленум ЦК Компартии Казахстана. Он обсудил пути выполнения решений Пленума ЦК ВКП(б), состоявшегося месяцем раньше, и постановил, что необходимым условием проведения генеральной линии на коллективизацию является переход кочевников к оседлому образу жизни (хотя официальный указ, предписывающий постоянное расселение всех кочевых племен на территории РСФСР *,— был принят лишь 6 сентября 1930 года). Решив начать подготовку к переходу на оседлый образ жизни, ЦК Компартии Казахстана постановил в январе 1930 года, что к концу первой пятилетки 544 000 кочевых и полукочевых семей (из общего числа 566 000) должны перейти к оседлости [19].

В отношении перехода кочевников к оседлой жизни партия не пыталась соблюдать даже видимость «добровольности» в отличие от якобы добровольного решения крестьянства о вступлении в колхозы. Руководящие партийные работники Казахстана постановили, что насильно проводить коллективизацию неверно, но насильно переводить население на оседлый образ жизни правильно [20]. Разумеется, коллективизацию тоже проводили изо всех сил и не считаясь с принципом добровольности. Указом от 5 января 1930 года скотоводческие районы Казахстана были включены в категорию, где предусматривалось провести полную коллективизацию к концу 1933 года. Что же касается скота, то в отношении его обобществления, видимо, не было принято каких-либо определенных решений. В некоторых колхозах скот сперва конфисковали, а потом вернули владельцам. Часто отдавали приказ о конфискации, а когда казахи резали скот, лишь бы не отдавать его властям, последние, в свою очередь, извинялись и приказ отменяли [21].

К 10 марта 1930 года 56,6 процента населения Казахстана было коллективизировано, но в кочевых районах республики процент коллективизации был куда ниже — 20 процентов или менее. Раздавшийся 2 марта 1930 года призыв Сталина ослабить давление на крестьян возымел некоторое воздействие во многих местах не раньше конца апреля — начала мая [22].

Все советские отчеты не оставляют сомнения в том, что в колхозах, созданных весной 1930 года, царил полный хаос. Не хватало домов, амбаров, сельскохозяйственного инвентаря, и, что еще хуже, мало было пригодных для земледелия земель: многие колхозы находились в пустынных и полупустынных районах, без достаточных источников воды, так что нельзя было заниматься стойловым животноводством тоже. К тому же кормов для скота не завезли, а отгон его на пастбища «был запрещен» [23]. У некоторых колхозов не было ни семян, ни скота, то есть никакой материальной базы для трудовой деятельности. По плану предусматривалось построить 1915 жилых домов и 70 амбаров, но построено было лишь 15 процентов запланированного жилья и только 32 процента амбаров! Для 320 000 человек, переведенных в 1930—1932 годах на оседлый образ жизни, было выстроено всего лишь 24 106 домов и 108 бань [24].

Созданные в этот период колхозы обычно охватывали по 10—20 аулов, в каждом из которых проживало 10—15 семей; аулы находились на расстоянии в несколько километров друг от друга, и территория одного колхоза доходила порой до 200 квадратных километров [25]. Теперь об организационной стороне вопроса: в некоторых районах один счетовод обслуживал в среднем 12 колхозов, один техник — 50. В июне 1930 года во всей республике имелось лишь 416 агрономов и других специалистов сельского хозяйства, четверо из них — казахи [26]. У большинства колхозов не было никакого плана, вся их задача состояла в том, чтобы как-то выжить.

В отличие от большинства советских работ в одном исследовании казахского историка [27] содержатся данные о широком сопротивлении казахов коллективизации. Партработники сталкивались с вооруженным сопротивлением, многие из них были убиты (вообще же из 1200 направленных в Казахстан весной 1930 года двадцатипятитысячников только 400 было послано в скотоводческие районы) [28]. По республике носились «банды разбойников», они нападали на колхозы, уводили или резали скот. Целые группы аулов сговаривались между собой и согласованно выступали против властей. Особые гонцы разъезжали по аулам и предупреждали казахов, чтобы те не вступали в колхозы. Банды басмачей заметно усилились, они вступали в бои с отрядами ОГПУ. Множество казахов бежало в другие республики или в Китай. 44 000 семей ушло в Туркмению, где многие примкнули к басмачам [29].

Вину за трудности проведения коллективизации в Казахстане свалили на местную националистическую партию Алаш-Орда. В начале 1930 года был раскрыт «заговор», в котором якобы участвовали виднейшие националистические лидеры; в тех аулах, где коллективизация столкнулась с ожесточенным сопротивлением, были «вскрыты центры» бунтовщиков.

Официальное отношение к повстанческому движению в Казахстане не изменилось за истекшие пятьдесят с лишним

* До 1936 года Казахстан входил в РСФСР на правах автономной республики.

лет. Недавно появилась статья, где восхваляется участие покойного Константина Черненко в пограничных отрядах ОГПУ Восточного пограничного округа Казахстана и Киргизии, ведших в 1930—1933 годах «самоотверженную борьбу» с басмачами (это боевое прошлое, вероятно, особенно актуально в свете войны с мусульманскими повстанцами в Афганистане) [30].

Сопротивляясь коллективизации, казахи резали скот, как это делали крестьяне в других республиках СССР. Уже за первые недели коллективизации во многих районах Казахстана было истреблено 50 процентов поголовья скота. В исследовании советского ученого говорится о потере за 1930 год 2,3 миллиона голов крупного рогатого скота и 10 миллионов овец, в другой работе упоминается, что в 1929—1930 годах погибло 35 процентов всего скота [31].

Большая часть уцелевшего обобществленного скота попала в огромные совхозы, где скоту не были обеспечены надлежащие зимние помещения, и, согласно одному отчету, из 117 000 голов скота, находившегося в таком гигантском совхозе, выжило за зиму только 13 000 [32].

Если не человеческая, то экономическая сторона этой катастрофы была встречена в Москве с гневом. Последовали крупномасштабные чистки местных кадров: к середине 1930 года только в двух областях Казахстана было распущено пять райкомов партии и арестована сотня партработников [33]. К концу 1932 года чистка захватила большинство республиканского руководства.

В начале коллективизации кочевников обычно загоняли в колхозы артельного типа, но на Шестнадцатом съезде ВКП(б), состоявшемся в июне—июле 1930 года, было принято запоздалое решение о том, что для полукочевых районов более приемлема относительно либеральная форма ТОЗов [34]. К 1 апреля в Казахстане было коллективизировано 52,1 процента сельского населения. К 1 августа эта цифра понизилась до 29,1 процента, но к 1 сентября 1931 года снова возросла до 60,8 процента [35]; эта динамика приблизительно соответствует общесоюзному процессу.

В июне 1930 года местное руководство решило в кочевых и полукочевых районах возвратить сельскохозяйственный инвентарь и скот их бывшим владельцам; но в ноябре 1930 года весь инвентарь снова был обобществлен, а в июне 1931 года дано указание о повторном обобществлении скота, после чего по республике опять прокатилась волна истребления коров и овец [36].

Зимой 1931 года было признано, что грандиозные планы 1928 года по превращению Казахстана в хлебную житницу провалились. Обрабатывалась лишь четверть запланированных площадей, причем крайне неэффективно. Официальные документы свидетельствуют о дефиците скота, семян, инвентаря, стройматериалов. Людей переводили из колхоза в колхоз обычно в тщетной надежде, что на новом месте их удастся лучше обеспечить скотом или зерном. К февралю 1932 года около 87 процентов всех колхозов Казахстана и 51,5 процента единоличных хозяйств (последние почти поголовно состояли из пастухов-кочевников) остались без скота. В 1926 году почти 80 процентов казахского населения республики жило скотоводством; к лету 1930 года его доля понизилась до 27,4 процента. Однако земледелие не могло стать альтернативой животноводству, так как площадь обрабатываемых земель возросла за тот же период всего лишь на 17 процентов [37]. Эти цифры дают некоторое представление о масштабах искусственно созданной катастрофы.

Насколько им разрешалось, в середине 1930 года казахи забрали свой скот из колхозов, а когда в 1931 году началась новая волна коллективизации, отогнали скот на отдаленные пастбища и в леса. Зимой пришлось резать скот, морозить и прятать мясо так, чтобы хватило еды, пока не наступит оттепель. Но к весне 1932 года голод уже свирепствовал в Казахстане [38]. В конце 1932 года ограниченное восстановление частных стад лишь немного смягчило голод: оно коснулось 123 600 голов крупного рогатого скота, а также 211 400 овец и коз [39]— это были жалкие остатки обширных стад, существовавших до 1930 года.

* * *

Проживавшее в аулах население, питавшееся раньше молоком и мясом, теперь осталось ни с чем. Многие сдались и вступили в колхозы и совхозы. Но и там есть было почти нечего. В одном совхозе «в течение шести месяцев не было никакого мяса, кроме верблюжьего вымени» [40].

Другие попытались откочевать в новые места, но и среди них голодная смерть косила множество жертв. Во время хрущевской оттепели советский историк писал, что в республике были «страшно подорваны производительные силы, и в аулах умерло много людей» [41].

Катастрофа разразилась из-за экономических и политических просчетов в узком смысле, но корни ее уходили в непонимание человеческих культур в широчайшем смысле слова. В Казахстане с предельной наглядностью проявилась поразительная механистичность и поверхностность партийного мышления. (Неудивительно, что, по сообщениям официальных источников, ислам окреп за эти годы в Южном Казахстане, как никогда [42].)

Голод в Казахстане в эти годы был вызван искусственно, тем же способом, как и в 1921 году, то есть он возник в результате безрассудного проведения политики, продиктованной чисто идеологическими соображениями. Но в отличие от голода на Украине голод в Казахстане не был организован преднамеренно. В конце 1932 года для оказания помощи Казахстану выделили два миллиона фунтов зерна [43]— меньше, чем полфунта (200 г) на человека, но больше, чем впоследствии получила Украина.

Высказывалось, однако, предположение, что, увидев, как эффективно не запланированный никем казахстанский голод подавил сопротивление местного населения политике Советской власти, Сталин воспользовался этим средством, чтобы расправиться потом с Украиной.

* * *

В официальном отчете Компартии и правительства Казахстана (в то время не опубликованном), направленном в ЦК ВКП(б) 19 ноября 1934 года, говорится: «Голод в скотоводческих районах, принявший большие размеры в 1932-м и в начале 1933 года, в настоящее время ликвидирован», а также указывается, что миграция за границу и «бродяжничество казахов-скотоводов» прекратились [44].

Что касается «бродяжничества», то лишь 30 процентов полумиллионного населения, которое было насильно переведено на оседлый образ жизни в 1930—1932 годах, считалось полностью оседлым, имеющим землю, амбары, орудия труда. Около 25 процентов тех, кого заставили осесть в 1930—1932 годах, снова стали кочевать, правда, теперь уже без скота, уже к концу 1932 года [45]. Эта миграция была обусловлена отчаянием, полным разрушением общественных и экономических основ жизни. В конце 1933 года новые, не имеющие собственности кочевники все еще составляли 22 процента казахского населения [46]. Согласно расчетам, в 1930—1931 годах 15—20 процентов казахского населения покинуло республику: 300 000 ушло в Узбекистан, остальные — в другие республики советской Средней Азии или в Китай. В официальных источниках говорится о «массовой миграции» [47]. Тех, кто ушел в соседние среднеазиатские республики, ждала та же судьба, что и тех, кто остался дома; многие из них, отчаявшись, действительно вернулись на старые места [48].

На Семнадцатой партконференции, состоявшейся в феврале 1932 года, трудности коллективизации в Казахстане были объяснены в основном тем, что не удалось, мол, как следует перевести кочевников на оседлый образ жизни. Но тем или иным способом, а к 1936 году 400 000 семейств все же «осели» (хотя для них было построено всего 38 000 новых жилищ!) [49].

После этой победы уступка местным условиям была отменена, и в 1935 году ТОЗы превратили в обычные артели. К 1938 году в Казахстане была завершена коллективизация в своей классической форме.

* * *

Голод, вызванный переходом кочевников к оседлости, собрал обильную дань также в Киргизии (из общего числа сельских хозяйств в 167 000 кочевыми там было 82 000; на оседлый образ жизни перешло 44 000 хозяйств, для них было выстроено 7895 домов и три бани) [50] и среди татарского и башкирского населения Западной Сибири. Крупный челябинский партработник [51] рассказывал иностранному коммунисту: «Голод сослужил нам хорошую службу на Урале, в Западной Сибири и в Заволжье. В этих районах потери в результате голода коснулись в основном враждебных нам народностей. Их место заняли русские, бежавшие из центральных областей. Мы, конечно, не националисты, но не стоит недооценивать этого благоприятного факта». (Следующий год показал, что Сталин разделял эту точку зрения, причем не только по отношению к данным национальным меньшинствам, но — и еще в большей степени — по отношению к украинцам.) Высокую смертность башкир и других мусульманских азиатских народов челябинский партработник объяснял в значительной степени их неспособностью перейти от кочевой жизни к оседлой, согласно установкам пятилетки.

Хрущев рассказывает в своих мемуарах, как в 1930 году он поехал в колхоз возле Самары, где жили в основном чуваши; там царил голод [52]. Еще восточнее не менее 50 тысяч бурятов и хакасцев бежало в Китай и Монголию [53]. В Калмыкии, обладавшей сходной с Казахстаном структурой экономики, погибло (по расчетам) около 20 000 человек, то есть примерно 10 процентов населения, причем между 1926 и 1939 годом количество калмыков-кочевников возросло на один процент (даже по сомнительным данным «переписи» 1939 года). В апреле 1933 года калмыцкий коммунист Араш Чапчаев с болью говорил на съезде местных Советов, что процветавшие прежде деревни опустели, а оставшиеся в них жители голодают. Он призвал к роспуску колхозов, вскоре Чапчаев исчез. Сообщается о большом числе калмыцких «кулаков», например, в лагере «Северный» на Урале в начале 30-х годов, но к середине лета 1933 года большинство их погибло [54]. Бывшие кочевники, «не совершившие особых преступлений», были выселены и отправлены на работу в шахты и на лесозаготовки. Им было очень тяжело привыкать к новой, немясной пище и еще труднее, чем русским крестьянам, осваивать непривычные орудия труда [55].

В Монголии, являвшейся формально независимым государством — не «социалистической», а «народной» республикой,— но фактически находившейся под полным контролем Москвы, тоже была объявлена коллективизация. К началу 1932 года монголы потеряли 8 миллионов голов скота, то есть треть всего поголовья. В мае 1932 года им дали команду изменить курс и прекратить коллективизацию [56].

Рассматривая советские азиатские территории, стоит остановиться на судьбе казаков, издавна поселившихся вдоль пограничных рек Амура и Уссури, подобно тому, как еще раньше они расселились по Кубани и Дону. В 1932 году посланный в казачьи деревни партработник нашел их дома брошенными буквально накануне, причем жители явно уходили впопыхах, кое-где остались домашние животные и вещи. Было выдвинуто объяснение, что все казачье население en masse * перешло замерзшие пограничные реки вместе с большей частью собственности, спасаясь от раскулачивания и надвигающегося голода. По другому берегу реки были поселения казаков, бежавших раньше за границу, и казаки, ушедшие с советской территории, теперь присоединились к их, как им казалось, привлекательной жизни [57].

Судьба азиатского населения СССР в период проведения коллективизации и раскулачивания частично совпадает с судьбой крестьян европейской части. Однако здесь имеется ряд особых черт, обусловленных географическими и культурными различиями. В сфере экономики применение теоретических построений партии к казахскому народу, а в меньшей степени к другим кочевым народам привело к навязыванию нормально функционирующему социальному организму новых, чуждых ему стереотипов и имело катастрофические последствия. С чисто человеческой точки зрения оно принесло гибель и чудовищные страдания пропорционально даже большей части народа, чем на Украине.

* Все вместе, целиком (франц.).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. П. Данилов (ред.). Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М., 1963, с. 245. (Далее «В. Данилов...»)
[2] Там же, с. 252.
[3] Там же, с. 492.
[4] Б. Ф. Тулепбаев. Торжество ленинской идеи социалистического преобразования сельского хозяйства в Средней Азии и Казахстане. М., 1971, с. 199. (Далее «Б. Тулепбаев...»)
[5] Ю. А. Поляков и А. И. Чугунов. Конец басмачества. М., 1976, с. 144—151. (Далее «Ю. Поляков и А. Чугунов...»)

[6] Ю. Поляков и А. Чугунов, с. 156.
[7] Там же.
[8] Там же; Виктор Серж. От Ленина к Сталину, с. 61.
[9] В. Данилов, с. 408.
[10] Марта Олкут. Процесс коллективизации в Казахстане. «Русское ревю», 40, апрель 1981, с. 136. (Далее «М. Олкут...»)
[11] М. Олкут, с. 123.
[12] Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. Т. 2. Алма-Ата, 1967, с. 222.
[13] А. Кучкин. Советизация казахского аула. М., 1962.
[14] «Революция и национальности», № 5, 1932, с. 59; Олкут, с. 132.
[15] «Вопросы истории», 1960, № 2, с. 36.
[16] М. Олкут, с. 142.
[17] Там же, с. 140.
[18] «Большевик Казахстана», № 12, 1938; Торжество ленинских идей, с. 136—137.
[19] Б. Тулепбаев, с. 202.
[20] М. Олкут, с. 133.
[21] Коллективизация сельского хозяйства Казахстана, т. 2, с. 287.
[22] М. Олкут, с. 129.
[23] Б. Тулепбаев, с. 206.
[24] Там же, с. 203, 206; Олкут, с. 129—130.
[25] А. Б. Турсунбаев. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957, с. 149. (Далее «А. Турсунбаев...»)
[26] М. Олкут, с. 130.
[27] А. Турсунбаев, с. 144—148.
[28] М. Олкут, с. 127.
[29] Ю. Поляков и А. Чугунов, с. 154.
[30] «Красная звезда» от 10 апреля 1984.
[31] См.: М. Олкут, с. 138.
[32] С. О. Пидхайни. Черные дела Кремля. Т. 2. Детройт, 1955, с. 243. (Далее «С. Пидхайни...»).
[33] «Большевик Казахстана», № 1, 1939, с. 87.
[34] Коллективизация сельского хозяйства Казахстана, т. 2, с. 306.
[35] М. Олкут, с. 137.
[36] Там же, с. 131.
[37] М. Олкут, с. 133—134.
[38] С. Пидхайни, т. 2, с. 243.
[39] «Большевик Казахстана», № 12, 1932, с. 13.
[40] Пережитое в России, 1931. Питсбург, 1932, с. 197 (анонимное).
[41] В. Данилов, с. 293—294.
[42] «Большевик Казахстана», № 9—10, 1937, с. 47.
[43] М. Олкут, с. 134.
[44] Коллективизация сельского хозяйства Казахстана, т. 2, с. 142.
[45] М. Олкут, с. 133.
[46] Там же, с. 135.
[47] В. Данилов, с. 293.
[48] М. Олкут, с. 128.
[49] Там же, с. 139.
[50] Б. Тулепбаев, с. 203.
[51] Ловин, директор Челябинского тракторного завода. Цитируется по: А. Дж. Тавдул в «Нью-Йорк Америкэн», 19 и 20 августа 1935.
[52] Хрущев вспоминает: последнее завещание. Нью-Йорк, 1976, с. 72.
[53] Роберт Рупен. Как в действительности управляется Монголия. Стэнфорд, 1979, с. 55. (Далее «Р. Рупен...»)
[54] С. Пидхайни, 2 ноября 1935.
[55] Дж. Литлпвйдж, с. 109—111.
[56] Р. Рупен, с. 55.
[57] Петро Григоренко. Мемуары. Лондон, 1983, с. 48.

От редакции. К сожалению, перевод книги Р. Конквеста «Жатва скорби», которым мы располагаем, оставляет желать лучшего. Редакция приносит читателям извинения за стилистические погрешности и неточности в тексте. Хотелось бы подчеркнуть, что этой публикацией мы отнюдь не собираемся ставить точку в освещении трагических событий 1932—1933 годов, в том числе и голода в Средней Азии. Отечественные историки и писатели наконец-то получили возможность открыто заняться этой еще недавно запретной темой. Многие из них ведут сегодня серьезные изыскания, которым, видимо, суждено в чем-то подкрепить, а в чем-то и опровергнуть зарубежные исследования.

ЛЮДИ И ВРЕМЯ: ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О СОБРАНИЯХ И СОЮЗАХ

В отмену, изменение и дополнение подлежащих узаконений постановить:

1. Все без исключения российские граждане имеют право, без особого на то разрешения, устраивать собрания как в закрытом помещении, так и под открытым небом.

2. Собрания на рельсовых путях возбраняются, собрания же на прочих путях сообщения, улицах и площадях допускаются, поскольку они не препятствуют свободному движению.

3. На собрания не вправе иметь доступ лица вооруженные, за исключением тех, коим ношение оружия присвоено законом.

4. Все без исключения российские граждане имеют право, без особого на то разрешения, образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам.

5. Общества и союзы вправе объединяться с другими обществами и союзами и устанавливать постоянные сношения с общественными и иными организациями, а равно заключать соглашения с образованными за границею союзами или обществами.

6. Право приобретать и отчуждать недвижимые имущества, образовывать капиталы, вступать в обязательства, искать и отвечать на суде предоставляется лишь тем обществам и союзам, уставы которых зарегистрированы судебною властью. Порядок регистрации обществ и союзов имеет быть определен особым постановлением.

7. Принудительное закрытие общества или союза может последовать не иначе, как по суду, и притом лишь в том случае, если деятельность его оказалась направленною к достижению целей, воспрещенных уголовными законами.

8. Настоящее постановление не распространяется на общества и союзы, имеющие своею целью извлечение прибыли.

Подписали:

Министр-Председатель Князь Львов
Министр Юстиции А. Керенский
Министр Иностранных дел П. Милюков
Министр Путей Сообщения Н. Некрасов
Министр Военный и Морской А. Гучков
Министр Торговли и Промышленности А. Коновалов
Министр Народного Просвещения А. Мануйлов
Министр Земледелия А. Шингарев
Министр Финансов М. Терещенко
Обер-Прокурор Святейшего Синода В. Львов
Государственный Контролер Ив. Годнев
Управляющий делами Временного Правительства Влад. Набоков

12 апреля 1917 года

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

«РЕВНИТЕЛИ» ЧИСТОЙ НАУКИ

Александр КРАЙКО, начальник отдела Центрального института авиационного моторостроения, профессор, народный депутат СССР

Был у нас некогда в ходу такой лозунг: «Задачи ясны, цели намечены, за работу, товарищи!» Прошло много лет, и он, в несколько иной редакции, зазвучал на первом Съезде народных депутатов СССР. Время от времени на трибуну выходили люди, призывавшие прекратить разговоры и заняться «конкретным делом». Предлагалось то направить виднейшего экономиста на завод, то каждому коммунисту взять на себя организацию передового колхоза. Но даже с улыбкой относясь к подобным идеям, нельзя не принять всерьез несмолкающий хор голосов: «За работу, товарищи!». А если внять ему, то мне как ученому следует заниматься исключительно наукой, так же, как рабочему — производством, крестьянину — сельским хозяйством (причем каждому «в масштабе» своего рабочего места) и только государственным деятелям — государственными проблемами.

Но вот я, ученый, сознательно избрал занятие, которое не позволяет полностью сосредоточиться на науке,— стал народным депутатом. Почему? Дело в том, что я не верю в блистательные научные горизонты без экономической и политической реформы нашего общества.

Приведу несколько примеров. На Съезде немало говорилось об экологии. Выступал Сергей Залыгин в защиту Арала. Знаю я об этой проблеме, в том числе и от своих учеников из Узбекистана. На словах все заинтересованы в том, чтобы при орошении и воду экономить, и почвы не засолять — не губить природу. Но на одном, отдельно взятом поле этих вопросов не решить, так как не существует экономического механизма, который заставил бы экономить воду. Как бы ни бились за Арал ученые и публицисты, пока цена на воду остается чисто символической, их деятельность будет малоэффективной. Решение этой проблемы — задача уровня Верховного Совета.

Другой пример. Думаю, что немного найдется ученых, не заинтересованных в использовании своих разработок. Как с этим обстоит дело — общеизвестно. По-настоящему наука нужна производству только в условиях конкуренции, борьбы за покупателя. У нас если и есть элементы такой заинтересованности, то исключительно в оборонных отраслях, поскольку военным хотя бы теоретически приходится конкурировать с «вероятным противником». В других же областях внедрить что-либо удается с большим трудом, продираясь через могучее сопротивление.

Кстати, в экономически развитых странах основная часть изобретений реализуется первоначально не промышленными гигантами, а мелкими фирмами. Завоевавшие весь мир персональные компьютеры называли сначала «гаражными», потому что их, условно говоря, придумали в гараже, причем в первую очередь не для работы, а для игры. Маленькая фирма ставит на себе своего рода эксперимент. Найдется рынок для новой продукции — начнется широкое производство. Практически у любого изобретателя есть возможность предложить идею и, если экспертный совет банка заинтересуется, получить рисковый капитал. А кто будет в наших условиях делать ставку на изобретателя? Кооператор? Но он слишком незащищен, чувствует себя неуверенно и на подобный риск не пойдет.

Изменить положение можно, но не на уровне одного завода или научно-исследовательского института. Чтобы внедрение стало реальностью, необходимы экономическая самостоятельность предприятий, социалистический рынок и антимонопольное законодательство. Что же делать ученому, который это сознает? Неужели хранить спокойствие и не отвлекаться от научных изысканий?

Еще один вопрос, требующий общегосударственного решения. Меняется международная обстановка, сокращаются расходы на оборону. Конверсия (перевод части предприятий на мирную продукцию) идет небезболезненно. Возникает опасность деградации целых научных и конструкторских коллективов. Понимая это, я должен приложить все усилия, чтобы убедить правительство: сокращать надо расходы на серийное производство, а не на разработки. Высвобождающиеся интеллектуальные силы лучше направить в новое русло. Скажем, авиаконструкторы примут участие в проектировании пассажирских и транспортных самолетов, конкурентоспособных на мировом рынке. Сделать это реально, объединив усилия с западными фирмами — производителями новых материалов, особенно с японскими, учитывая их достижения в электронике. Продажу и обслуживание самолетов могла бы взять на себя, например, финская или шведская компания. Это стало бы серьезным источником валюты для нашей страны, причем мы заработали бы ее не на продаже сырья, а наукоемкой продукции. Но где выступать с этим предложением, как не в высшем органе власти или его комиссиях?

Конечно, все ученые не могут да и не должны непосредственно включаться в государственную деятельность, но тем важнее роль тех из них, кто избран депутатом. Я чувствую ответственность перед всеми работниками науки, потому что буду представлять их на самом высоком уровне.

Ревнителям «чистой науки» легко упрекнуть меня в измене ее интересам. Они скажут: что бы ни происходило в стране, наше дело — мыслить, мыслить и мыслить. Согласиться с такой установкой я не могу. Начать с того, что самому ученому нельзя существовать в условиях информационной изоляции, а ее не преодолеть, пока не будет оздоровлена экономика. Случаи, когда ученый может творить в полной оторванности от современной науки, очень редки. Но и такой исключительный мыслитель-одиночка в условиях ущербного хазяйства и неразвитой политической системы становится никому не нужен.

И если мы не примемся сегодня, даже в ущерб научному поиску, за государственные дела, если мы так и останемся по многим показателям на уровне слаборазвитой страны, то просто не будет смысла заниматься наукой — ни мне, ни моим ученикам.

БОЯН "РУССКОЙ СТАРИНЫ"

Всем, кто хоть раз обращался к материалам, напечатанным в журнале «Русская старина», хорошо известно имя Михаила Ивановича Семевского (1837—1892). В 267 книгах журнала, редактированных, комментированных и изданных Семевским, собрано такое обилие материалов по истории XVIII и XIX веков, что и теперь, спустя сто лет, историку-исследователю трудно обойтись без этого «живого, всем доступного архива».

«Со времени появления «Истории государства Российского» Карамзина никакое сочинение не имело такого распространения, не подымало общий интерес к знанию своего прошлого, как «Русская старина». Она не только знакомила нас с прошедшим, но давала уроки и для будущего, и какие смелые, хорошие уроки!» — отмечал современник. Архив журнала, собранный неутомимым исследователем, уже заслуга его редактора перед исторической наукой. Но архив и журнал — венец жизни и деятельности М. И. Семевского. Он пришел к ним автором около 130 работ — исторических повестей, статей, заметок.

Образование будущий историк получил в Полоцком кадетском корпусе, где, по его словам, «царила суровая, более сказать, жестокая и зачастую лишенная всякого смысла, муштровка». Рано пристрастившись к чтению, юноша предпочитал исторические романы В. Скотта, жизнеописания великих полководцев и государственных деятелей. Желание писать появилось и у него самого. Еще в годы учебы он собирает материалы для «Истории дома Семевских», прося отца Ивана Егоровича сообщать сведения о родственниках и предках, присылать документы и письма.

«Отечественную историю я стал изучать с весьма раяних лет... Мне было 16, много 17 лет, когда я... выступил на поприще составления, будто бы, самостоятельных очерков».

Первым опытом этого рода, увидевшим свет, было исследование «Несколько слов о фамилии Грибоедовых», напечатанное в 1856 году в журнале «Москвитянин». Оно явилось результатом поездки молодого Семевского в село Хмелиты Смоленской губернии, где служил управляющим его отец, и целиком составлено по материалам семейного архива Грибоедова.

В 1857 году в «Общезанимательном вестнике» напечатана статья «Ледяной дом, шуты и забавы при дворе Анны Иоанновны 1740 г.», получившая одобрение старика Лажечникова. Затем последовали исторические повести «Елизавета Петровна до восшествия своего на престол» (1859), «Авдотья Федоровна Лопухина» (1859), «Фрейлина Гамильтон» (1860), «Наталья Федоровна Лопухина» (1860), «Царица Прасковья» (1861), «Шесть месяцев из истории XVIII века: очерк царствования Петра III» (1867) и многие другие. Те материалы, которые по цензурным соображениям не могли быть напечатаны в России, Семевский анонимно помещал в Вольной русской типографии А. И. Герцена. Среди них — заметки по истории декабристов, очерки о восстании военных поселян.

Свои интересы Семевский сосредоточил в основном на проблемах русской истории XVIII столетия. Преобразовательная деятельность Петра I и его последователей переосмысливается исследователем в период «великой реформы» 1861 года, в период больших надежд русского общества.

«Оживление, с которым я трудился, роясь в архивах, засиживаясь в библиотеках и держа корректуру своих длинных монографий в том или другом журнале,— это оживление было не во мне одном, оно было во всем русском обществе, жившем не физическою, но и духовною жизнью... Нельзя себе представить, как интересны, шумны, как увлекательны были сходки подвижников русской литературы, русской журналистики накануне, так сказать, освобождения России!» — писал он об этом времени.

Впоследствии Семевский сам признавал свои литературные опыты, за некоторым исключением, слабыми, и с ним трудно не согласиться, имея в виду их литературные достоинства. Что касается исторической документальной основы, здесь автор поражает скрупулезностью и приверженностью факту. В исторических повестях и заметках Семевский не дает исчерпывающей характеристики того или иного периода русской истории. Он как бы высвечивает отдельные эпизоды на большом историческом полотне. **«Мы убеждены,— писал он,— что для полной истории того времени, для ясного, отчетливого знакомства с обществом, духом той эпохи, с обстановкою Петра, необходимо более или менее близкое знакомство не только с государственными деятелями, сподручниками, птенцами Петра, но и с теми, мужскими и женскими, знатными и незнатными персонами, которым выдалась заметная роль в общественной жизни, которые, наконец, могут служить типическими представителями и представительницами своего времени и тогдашнего общества».**

Ирина ВРУБЕЛЬ

«Он носил... звание редактора «Русской старины» с таким чувством собственного достоинства, с каким редко носят самый громкий титул, самое высокое звание в служебной иерархии».
Н. К. ШИЛЬДЕР

НЕОБЫЧНЫЙ ПОКЛОН

Михаил СЕМЕВСКИЙ

27 июня 1721 года Петр праздновал годовщину полтавского боя. Троицкая площадь, на Петербургской стороне, служила местом празднества. В обширной палатке, с алтарем внутри, собралось знатнейшее духовенство: литургия шла торжественно, вся площадь внимала ей в гробовом молчании, и стройное пенье большого хора далеко разносилось по улицам да пустырям Петербургской стороны.

Шагах в пятидесяти от церкви стоял мужчина громадного роста — в старом зеленом кафтане, с небольшими красными отворотами, поверх которых была надета кожаная портупея; на ногах у него были зеленые чулки и старые, изношенные башмаки, в одной руке палка, в другой старая, поношенная шляпа. Гигант этот был полковник гвардии, царь Петр Алексеевич, в том самом костюме, в котором разгромил Карла XII на полях Полтавы.

Его окружали главные военачальники и офицеры гвардии; далее в строю, парадом, вытянуты были гвардейские полки. Государыня Екатерина Алексеевна, а также вдовствующая царица Прасковья Федоровна, царевны и весь двор присутствовали на площади, а там, за рядами гвардейцев, толпился народ...

Этот день для Петра был вдвойне радостен: к приятным воспоминаниям о славной победе присоединилось удовольствие встречи с герцогом голштинским (будущим мужем старшей его дочери); государь давно ждал герцога, и тот, чтоб доставить ему удовольствие, приехал как раз в годовщину полтавского боя.

После молебна, отпетого с коленопреклоненной площадью, при громе пушечной и ружейной пальбы, — государь пожелал похвалиться гвардией пред дорогим гостем, стал в ее главе и с музыкой, блестящим строем, повел ее по площади...

Заезжий гость был в восторге, народ теснился со всех сторон полюбоваться на бравую гвардию великого преобразователя.

Особенно приятное впечатление парад произвел на мужичка-работника Максима Антонова. Еще пред литургией, ради полтавской победы, завернул он с братом в «австерию», выпил винца денег на шесть, а по крепости и дешевизне пенника выпитого было достаточно, чтоб «учиниться шумным».

«Шумным» явился мужичок и на площадь; солнышко припекло его обнаженную голову, пальба ошеломила, хмель стал бродить да туманить голову, и Максим пришел в восторженное состояние.

Заиграла музыка, двинулись полки. Мужик глядел на Петра, глядел на телохранителей и до того умилился, что возжелал лично засвидетельствовать монарху свое искреннее к нему расположение. С этой целью, не слушая никого, ни на что не обращая внимания, Максим приблизился

к Петру — отвесил поклон «самый необычный», тем не менее от полноты души, затем другой и третий...

Телохранители скоро заметили человека, так странно выделившегося из толпы, а еще скорее обратили внимание на небольшой ножик с костяною ручкою, висевший у него на пояске. Человек с ножиком — подходит к государю, кланяется необычно, что это — не умысел ли какой? Слово и дело!

— Схвати, возьми мужика под караул, — закричал один из адъютантов преображенскому солдату Аракчееву.

Детина здоровый, Аракчеев отволок Максима; но мужичок заспорил, закричал и от «шумства» — ударил преображенца по уху до крови. Тот стал отымать нож, Максим и его отстаивал со всем пылом красноречия кулаков; их осилили гвардейцы. Максима связали и отдали под караул.

Два дня спустя мы его видим пред грозным судилищем Тайной Канцелярии.

Судилище поспешило познакомиться с прошлым и настоящим преступника. Максим Антонов оказался крепостным гвардии прапорщика князя Черкасского; приехал в Петербург на барках работником, ходил по заработкам у купецких людей и наконец нанялся в адмиралтейство чистить пеньку. Он рассказал, с кем и когда приехал, где и у кого работал, назвал хозяина той избы, где в настоящее время с другими работниками нанимает угол, и затем с такою же определенностью отдал отчет в пропитых деньгах ради полтавского праздника.

— Необычным же образом подходил я к царскому величеству, — говорил Максим, — без всякого умысла, токмо от единого моего шумства. И дурно учинить персоне его царского величества меня никто не научал. Нож у меня, — каялся чистосердечно Максим, — давно висит на поясе для употребления к пище во время работной поры, а дрался ли с кем, как брали меня под караул, того за пьянством не помню.

Дело, кажется, было просто, но не для суровых членов тайного трибунала: необычный поклон на площади, ножик на поясе, хоть бы и такой невинный, какой был у Максима, все-таки в некотором роде оружие опасное... Все это были обстоятельства *противные*... Не было ли тут умысла на *персону?* Не раскольник ли, не фанатик ли, не государственный ли это злодей? Для разрешения вопроса, действительно ли он был пьян, потребовали показания Аракчеева. Преображенец письменно засвидетельствовал, что пощечина Максима сокрушила его ухо до крови, а бил ли тот его спьяна или трезвый, того он не признал.

Привели к допросу трех поденщиков, живших вместе с арестованным. Козьмин, Сергеев и Иванов, один за другим, поведали о местах своей родины, роде занятий, времени переездов из города в город и прочих обстоятельствах, только по пустой формальности внесенных судьями в допросные листы. Что касается до Максима, то сожители его отозвались, что живут с ним около шести недель и в это время видели его «весьма пьяным» раза три; а в хмелю, свидетельствовали мужички, он *«здорлив,* бранит кого прилучится и нас бранивал; ножик при нем был постоянно и служил ему при употреблении пищи, но ни в каких *других случаях* тот ножик не бывал».

Показания работников, расспрашиваемых со всей осторожностью, порознь, не обличили однако ничего, что-бы могло обвинить Максима в том, в чем подозревали его неумытные судьи. Делать нечего — Козьмина, Сергеева и Иванова на другой же день освободили.

— А ты, Максим, — вновь допрашивали судьи, — под опасеньем истязания и потери живота, покажи все, что знаешь за собой, без утайки: ходишь ли в церковь, православия крепок ли, как крестишься, кто был у тебя отец духовный, знаешь ли ты грамоту?

Эти вопросы были не пустая формальность: затрагивалась религиозность Максима, с целью изведать, не фанатик ли и не раскольник ли он?

Ожидания судей не оправдались.

— Я ушел от своего барина из Козельского уезда, — отвечал Максим, — тому лет восемь, вместе с отцом, в Москву. Ходил с ним в бегах по заработкам. Крещусь с трехперстным сложением; в церковь хожу, расколу не имею; исповедовался и причащался в молодых летах, а после того лет с десять отца духовного не имел и грамоты не знаю.

Нет, все не то, не того нужно Петру Андреевичу Толстому с товарищи. Им непременно нужно открыть замысел, заговор, иначе для чего ж учреждена Тайная розыскных дел Канцелярия?

Привели помещика. Князь Егупов-Черкасский признал своего беглого крестьянина, но объявил, что расколу за ним не ведает.

Нечего делать, коли никто не ведает. так разыщем!

Максим в застенке, его раздели пред орудиями пытки.

— А за что у тебя спина бита кнутом и жжена огнем и тобой разыскивано? — спрашивали судьи, рассматривая сине-багровые рубцы и почернелые язвы на спине Максима.

В ожидании ответов — мужика подымают на дыбу: руки хрустят, вывертываются из суставов; кнут, по пословице: «кнут не Архангел, души не вынет», подновляет зажившие раны.

— Бит я в городе Почепе...— показывает между криками и стонами Максим, — в бытность на Украйне в бегах, бит кнутом и жжен с шестью бурлаками... разбил с ними попа Юскова... пытал нас комендант Павлов... А к царскому величеству подходил, конечно, спьяна, сам собою... без умыслу...

Дано 17 ударов.

Новые поиски и справки. Нужно спросить почепского коменданта: правду ли показал о первой пытке Максим? Кстати, комендант оказался в Петербурге — управляющим акцизной каморы.

Он объявил, что в бытность свою в Почепе перепытал такое множество всякого рода людей, преступных и оговоренных по разным делам, что о Максиме Антонове положительно ничего не помнит.

Желание судей добраться до нити небывалого заговора было так сильно, что необычно поклонившегося поденщика выдержали в крепостном каземате пять месяцев.

В течение этого времени — государь, по случаю Ништадтского мира, именным указом из Сената в Тайную Канцелярию (13-го сент. 1721 г.) повелел составить ведомость всем государственным преступникам для того, чтоб положить решения более снисходительные.

Не ранее, как через месяц Тайной Канцелярии удалось составить требуемую ведомость. За множеством нумеров труд был не легкий. Между прочим, был вписан сюда и Максим Антонов с экстрактом из его «важного и противного дела».

19-го октября 1721 г. государь, будучи в Сенате, толковал о необходимости составить милостивый манифест.

— Понеже всевышний, — говорил Петр, — во время прошедшей тяжкой и долгой протяжной войне, так многократно победами благословлять изволил и напослед такой славный, и всему государству полезный мир даровал; чего ради, я по достоинству мыслил: как бы Ему в показание своей благодарности, за толикую божию милость, какое милосердие к народу своему показать? Того ради, всемилостивейше рассудя, указал таким образом учинить: генеральное прощение и отпущение вин во всем государстве явить всем тем, которые в тяжких и других преступлениях, в наказание впали или к оным осуждены суть...

Генеральное прощение распространилось и на работника Максима. Правительствующий Сенат, обще с государем, рассматривая ведомость, отметил в ней: Максима Антонова в Сибирь.

На основании этой отметки, Тайная Канцелярия составила приговор: крестьянина Максима Антонова за то, что **«27-го июня 1721 г. к высокой особе его царского величества подходил необычно и он же в Малой России, в городе Почепе, был на разбое и пытан, в чем с розыску винился, послать в Сибирь и быть ему там при работах государевых до его смерти неотлучно».**

БИБЛИОГРАФИЯ

Семевский М. И. Очерки и рассказы из русской истории XVIII века:

кн. I — Царица Прасковья. Спб. 1883;

кн. II — «Слово и дело». Спб., 1884;

кн. III — Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс, Спб., 1884.

«Знакомые», альбом М. И. Семевского. Книга автобиографических собственноручных заметок. 850 известных лиц. Спб., 1888.

Тимощук В. С. М. И. Семевский. Его жизнь и деятельность 1837—1892. Спб., 1895.

ЗАПИСКИ НАРОДНОГО ДЕПУТАТА

Давлет ХУДОНАЗАРОВ

В ТРЕХ ШАГАХ ОТ НЕБА

Фото Юрия КОЗЫРЕВА

Здесь, на Памире, вблизи даух наших государственных границ — с Афганистаном и с Китаем — средняя высота обжитой территории — более трех тысяч метров.

По свидетельству дореволюционных исторических источников, «...владея Памиром уже 15 лет (с 1876 г. — **О. С.**), Россия, ввиду бедности и трудной доступности страны, ограничилась лишь снаряжением нескольких ученых экспедиций с целью исследования и изучения нагорья и фактически не занимала его до 1891 г., когда вынудили к тому обстоятельства. Дело в том, что, пользуясь таким положением дел на Памире, Англия приступила к исполнению своих давнишних намерений, посылая рекогносцировочные партии на Памир и побуждая афганцев и китайцев занять и разделить между собою нагорье...»

Человек, родившийся в этой «бедной и труднодоступной стране»,— член Верхоаного Совета, кинорежиссер Давлет Худоназаров, народный депутат от Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана, дополняет скупое знциклопедическое изложение:

— Насколько мне известно, это чуть ли не единственный, во всяком случае, один из немногих, район Востока, соединивший свою судьбу с Россией абсолютно добровольно. Подвергнутые зверскому геноциду со стороны захватчиков памирские горцы в 1891 году сами обратились за помощью к России. Представители ездили к русскому генерал-губернатору в Бухару, в Петербург шли послания... На Памир был отправлен сначала один русский отряд, затем — другой. В 1892 году захватчики были выдворены, но русские войска здесь остались, а в 1895 году был заключен русско-английский договор о Памире.

— И что же, горцы смирились сначала с вековым гнетом Бухарского эмирата, а затем — и с постоянным соседством русских отрядов?

— У жителей Памира совершенно иная психология. Слово «воинственность» к ним вообще не применимо. Ислам в этих краях очень далек от традиционного образа этой религии. Здесь, скорее, действовал принцип раннего христианстаа: любое убийство, вообще насилие, даже если речь шла о врагах, завоевателях, считалось грехом, предательством веры. Первое преднамеренное убийство на Памире произошло где-то в середине пятидесятых годов нашего века. Людей более мирных, неагрессивных трудно себе представить.

Но к русским, вообще к европейцам, отношение было действительно искренне доброжелательным — русские солдаты спасли от геноцида, русские офицеры защищали местное население от притеснений со стороны чиновников Бухарского змирата... Здесь и Советская власть была установлена быстро и практически бескровно: ни контрреволюционных выступлений, ни гражданской войны...

— Любопытно, что самая высокая горная вершина СССР на Памире (7495 м) была в свое время названа пиком Сталина (ныне пик Коммунизма). А остальные проявления той эпохи — смогли ли они добраться до жителей памирского высокогорья?

— Мне кажется, у многих сложилось впечатление, что на Памире культура, обычаи, ритм труда сохранились чуть ли не в первозданном виде. На самом деле зто не так. Мы разделили с другими народами все горести нашей общей отечественной истории. Культ личности, репрессии — притом не только по отношению к интеллигенции.

— Неужели даже там находили «кулаков» и «подкулачников»?

— А как же. Приезжали особисты, все время искали классовых врагов и... находили их, разумеется, высылали вместе с семьями, хотя, уж казалось бы, и на самом Памире условия жизни далеко не курортные. Но какие в горах могли быть классовые враги, если там почти нет основного «кулацкого» богатства — земли?

В 1937—1938 годах погибли почти все местные революционеры. Я снимал документальный фильм об установлении Советской власти на Памире. Смотрел старые фотографии, пытался выяснить, кто есть кто. Этого выслали, того посадили... Школы на национальных языках, открытые в двадцатые годы, ставились в вину репрессированным парт- и совработникам как проявление национализма.

Все зто, естественно, сказалось и на зкономике края. Люди стали утрачивать и важнейшие земледельческие навыки.

— Но, кажется, приоритет на Памире принадлежал издавна животноводству?

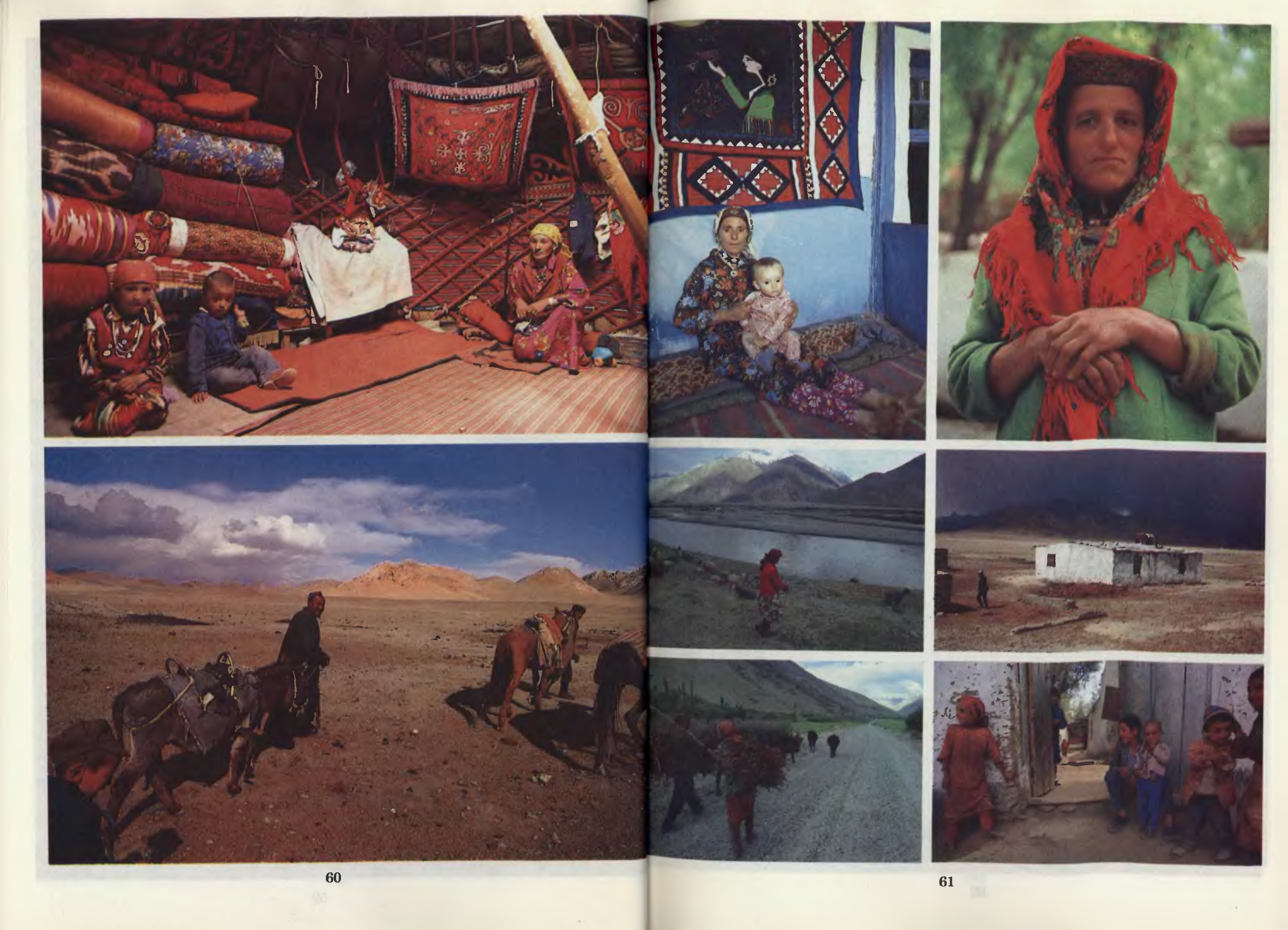
— В 1916 году Н. И. Вавилов пришел к выводу, что истоки иранской земледельческой культуры надо искать не в Персии, а в труднодоступных районах Памира — там, где народы веками боролись за выживание. Предварительно получив разрешение у властей в Бухаре, он провел здесь большую исследовательскую работу, которую потом, в 1924 году, продолжил на территории Афганистана. Здесь, на Памире, выращивали рожь, ячмень, особого сорта пшеницу, сейчас такой нет. Картофель был впервые завезен в горы русским отрядом, имевшим там свои огородные участки. До зтого в голодные времена моих предков спасала ягода тутовника. Сегодня трудно представить, но раньше люди умели выращивать в горах даже дыни и получать из их семян растительное масло.

— Одни культуры объявлялись ненужными, другие насильственно насаждались?

— С этим были связаны большие трагедии. После войны мы вернулись к нормам жизни тридцатых годов, если не хуже. В конце сороковых в целях развития хлопководства горцы из долин Бартанг и Язгулем выселялись на равнинные территории, ранее практически не обжитые. Люди были не приспособлены к новым условиям: жаре, отсутствию питьевой воды, многие, особенно дети, погибали. Я знал одного памирца, у него в семье было двенадцать человек, а вернулся обратно в горы он один...

Это было тем тяжелее, что попирались религиозные чувства. На Памире во многом сохранялись доисламские отношения: обожествление родника, из которого берешь воду, обожествление дерева — растущей посреди родного кишлака старой арчи. И — собственного дома. Выселяя насильно, людей отторгали от единственных и главных святынь, единственных храмов. А теперь в Хороге дом, где я родился и где прошло мое детство, готовится к сносу...

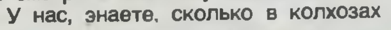
ДИГАР
ЛЕНИН



СЕЛЬСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
МУРГАБСКОГО РАЙОНА

— Сейчас много говорят о возведении ГЭС «Памир-1». Отразилась ли на этом строительстве дискуссия, которая идет а стране аокруг «аеликих» ГЭС?

— Да, это еще одна проблема сегодняшнего дня, которая грозит перекинуться в день грядущий. Нарушается экологический баланс, в горах это особенно опасно. Я не специалист в этой области, но считаю, что строительство малых электростанций (на две-три семьи, скажем) было бы и экономичнее, и вообще более применимо к нашим условиям. Каскад ГЭС (это уже доказано) приведет к затоплению местности, людей придется выселять в другие районы. Тогда для чьего же блага мы подвергаем тяжелым испытаниям и природу, и государственный карман? Например, «Памир-1» строят пока вахтенным методом, вахтенный персонал забрасывают в горы вертолетом. Ежегодно такие перевозки обходятся государству в 800 тысяч рублей. Рабочие, естественно, получают большие деньги — со всеми коэффициентами. Легко ли на это смотреть местному населению?



У нас, знаете, сколько в колхозах и совхозах семья зарабатывает? 800 рублей в год — считается неплохо. То есть по пятнадцать-двадцать рублей в месяц на каждого работающего. Хозяйства экономически нерентабельны. На такие деньги прожить невозможно, и мужчины ищут любую возможность приработка, а где ее взять, если нет никаких производств? И вот разворачивается грандиозная стройка, на нее отпускаются средства; строителям, которым тяжело в горных условиях, доплачивают надбавки, и никого не волнует, что в районе избыток своей рабочей силы или, попросту говоря, безработица.

— А как же воспетый а поэзии и прозе труд чабана?

— Работа у чабана тоже очень низкооплачиваемая, на нее любыми средствами загоняют. Просто жутко: коммуниста, если не хочет быть чабаном, грозят исключить из партии...

— Рынок дехкан не спасает?

— На Памире рынка как не было, так и нет. До революции и в двадцатых годах в Хороге торговали китайские и афганские купцы. Но местное население никогда продукт своего труда не продавало. У людей до сих пор в представлении не укладывается: как это — вырастил что-то и пошел продавать. Вот если заедет гость, его угостят и предложат с собой взять, сколько унесет. Но не дай бог соседи узнают, что у тебя в семье торгуют — позор несмываемый.

— Что же, и сегодня на Памире не родилась торгоаля?

— Не приживается тут рыночная форма отношений, хотя времена меняются, и сегодня без нее никуда. Города растут, там как раз не хватает фруктов, но горожанину стыдно идти кого-то просить, а крестьянин излишки вообще не собирает и не продает.

Я, когда выступал перед сельскими избирателями, всюду говорил: стыдиться нужно не рыночной торговли, стыдно оттого, что плод, выращенный такими усилиями, погибает. Думаю, рано или поздно люди это осознают.

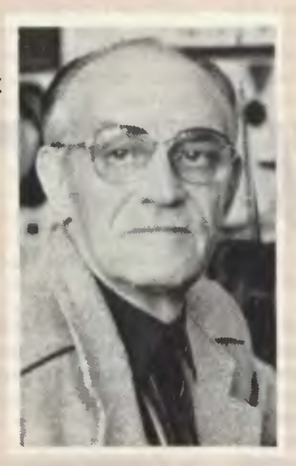
И все-таки главное сегодня в том, что отсутствует, как, впрочем, и на протяжении всей нашей истории, научная концепция с учетом национальных особенностей, развития региона. Лично я не считаю, что наилучшим спасением от безработицы стала бы индустриализация Памира: не для высокогорья крупные производства. Но ведь можно сделать этот край базой международного горного туризма. Мне кажется, узнать подробнее его уникальную историю, познакомиться с сохранившим древние обычаи народом будет интересно и полезно людям. И не только нашей страны.

Беседу вела
Ольга САВЕЛЬЕВА

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

НЕ ЖДУ СКОРЫХ ПЕРЕМЕН

Николай ГУРЕНКОВ, регулировщик радиоаппаратуры Всесоюзного НИИ медицинского приборостроения



Хорошо помню, как в феврале 1946 года, во время первых послевоенных выборов, Сталин заявил: «Я еще надеюсь пожить при коммунизме». Однако не довелось. Потом Хрущев обещал коммунизм нашему поколению. Много тогда об этом говорилось. Только от разговоров коммунизм опять не настал, хотя ученые изо всех сил старались обосновать эти заявления. А теперь от всех слышу: «перестройка!». Пятый год твердим. Но я, честно говоря, никак не могу понять, что это такое? Вот чтобы четко, по пунктам: перестройка — это то-то, то-то и то-то. Сейчас принято ругать коллективизацию. Наверное, правильно. Но чего не отнимешь у нее, так это ясной постановки задач. Всем тогда было понятно, что именно надо делать для создания колхозного строя.

Сейчас такого нет. Во время Съезда народных депутатов я внимательно слушал выступления, в том числе известных ученых, и сделал вывод — четкой программы преобразований не создали и они. Прошлое ругают здорово, о недостатках хорошо говорят. Я, правда, тоже это умею, а ответить, как нам дальше жить, ни я не могу, ни ученые.

Они, конечно, скажут, что им многое мешает. Согласен. Наша экономическая и политическая система успешно формирует человека инертного, цепляющегося за свое кресло. «Кресло» — в широком смысле. Я не хочу сказать, что им дорожит только руководящий работник или академик. Рабочий тоже может хорошо устроиться и ни к чему новому не стремиться. Но раз уж речь об ученых, посмотрим, с чего чаще всего начинается их путь. Какие планы они строят в молодости? Защитить диссертацию — потому что кандидату наук легче устроиться на хорошую должность, да и платят больше. Вступить в партию — чтобы с одной должности продвинуться на другую, повыше. Короче говоря, свить уютное гнездышко.

Чтобы всего этого скорее достичь, ученый с самого начала выбирает тему полегче, такую, с которой долго возиться не придется. Вроде бы научный руководитель должен заметить, что тема не тянет на диплом или на кандидатскую. Но ему-то хочется стать профессором и поэтому нужно набрать и выпустить побольше учеников. Может быть, халтуру остановит ученый совет? Вряд ли, ведь и там заинтересованы в том, чтобы увеличить число защит. Наш институт регулярно и гордо отчитывается: столько-то докторских, столько-то кандидатских. И ни с кого в конечном счете не спрашивают за качество работ. Не знаю, можно ли перевести ученый совет на хозрасчет, но если бы пропускать слабые диссертации стало материально невыгодно, народное хозяйство выиграло бы очень заметно.

Когда ученые порой сетуют на то, что им не дают свободы, мне хочется возразить: слишком много свободы и слишком мало контроля! В ситуации с ультразвукоеым оборудованием, которов медики закупают за границей, возьми государство на себя всю организационную сторону, объедини силы, разбросанные по стране (а тему эту так или иначе затрагивают в институтах Вильнюса, Махачкалы, Алма-Аты, других городов), дай оно денежные средства под конкретные программы, спроси в конце концов построже с исполнителя,— и разве мы сидели бы сейчас у Запада на задворках?

Знаю, такие рассуждения нынче не в моде. Меня скорее всего назовут сторонником административно-командной системы, а то и сталинистом. Я против беззаконий и жестокости. Но за крепкую власть. Мы со школы учим, что государство — это аппарат насилия. Что же тогда противиться насилию с его стороны? Я лично от давления со стороны государства никогда не страдал, даже в самые крутые времена. И объяснить это проще простого: я тогда, как и теперь, себя на работе не жалел. А сейчас мне, ей-богу, стыдно иногда за еласть. Объявляют сокращение аппарата, а потом начинают горевать, что он никак не хочет сокращаться. Контору закрыли, а она под новой вывеской в том же составе преспокойно существует. Сильное государство е таких случаях должно вешать замок на двери и в две недели — месяц все ликвидировать, без разговоров.

С наукой обхождение у нас слишком мягкое. Мне представляется такая картина: не очень большая группа настоящих ученых толкает ее вперед, а остальные плетутся сзади, да еще тормозят движение. Я сам в числе тех, кто всю жизнь толкает, и знаю, как это невыносимо тяжело, если кто-то очень мощный не подналяжет на этот воз.

У нас новый государственный аппарат еще только создается, и здесь роль ученых очень важна. Но они пока бродят, туда-сюда пересаживаются, размышляют кто о чем придется и, как мне кажется, в тайне надеются, что будущее опять спишет наши грехи на очередного козла отпущения из числа высшего руководства. Поэтому, наблюдая происходящее, я не жду скорых перемен.

Питирим СОРОКИН:

«ИСТОРИЯ НЕ ЖДЕТ, ОНА СТАВИТ УЛЬТИМАТУМ»

Осенью 1922 года из Петрограда а Штеттин отплыли два судна — «Пруссия» и «Обербургомистр Хакен», на которых, по рашению властей, были отправлены в изгнание десятки крупных русских ученых и общественных деятелей. Одним из пассажиров «Пруссии» был Питирим Сорокин.

Еще до революции, соасем молодым, Питирим Александрович Сорокин (1889—1968) успел выпустить ряд философских работ («Толстой как философ» и другие), а в революционные годы, после недолгого периода политической деятельности в партии эсеров, погрузился в активнейшую работу, и теоретическую и практическую, в области социологической науки. В 1919—1920 годах, тридцати лет, он — профессор социологии Петроградского университета, один из главных сотрудников Социологического общестаа имени М. М. Ковалевского и Социобиблиографического института. Сорокин руководит социологической комиссией по проблемам брака и семьи, проаодит социологические обследования профессиональных групп, а параллельно создает и капитальный теоретический труд — двухтомную «Систему социологии» (Пг, 1920), где есть уже многое из идей, прославивших его потом, в период работы а Америка.

Констатируя, что в новой России для всей интеллигенции, не разделяющей марксистских воззрений, «активное участие в государстаенно-политической жизни становится невозможным», он в то же аремя отаергал идею эмиграции, не только «внешней», но и «внутренней», означающей уход в духовную изоляцию и социальную пассианость. Он аерил, что даже в сложившейся ситуации для культурных сил страны может еще найтись пола плодотворной деятельности. И он сумел выработать конструктиаую позицию, названную им «англосаксонской позицией», которая конкретно указывала зто поле деятельности. Согласно Сорокину, таким полем могла стать сфера общестаенной и личной неполитической инициативы: семья, церкоаь, просаещение, культура. Он настаивал на огромной важности этой сферы, подчеркивая, что в ней-то и формируется человаческий и гражданский тип, присущий данному общестау и а конечном итога опраделяющий и государственность его, и политику. «Дело государстаенного устройстаа, — писал он в 1922 году, — дело важное, нужное (хотя бы в розановском смысле, как «нужна дымоаая труба и еще кой-какие места в благоустроенном жилище»); но это только одно из многих, не менее важных дел организации здоровой семьи, здоровой, живой, одухотворенной церкви, здоровых — анегосударстаенных — экономических, профессиональных, научных, просветительных, художестаенных и т. д. ассоциаций и союзов». Вся его деятельная работа в послереволюционном Петрограде была практическим примером следования зтим идеям. Их отражение читатель без труда уаидит и в публикуемой речи.

Однако российская история в та годы двигалась а прямо противоположном напраалении. Как раз в период 1922 года, вслед за искоренаниам в стране асякой политичаской оппозиции, созравала уже следующая стадия формирования тоталитарной диктатуры — искоренаниа той самой общественности, обществанной наполитической самодеятельности, о которой говорил Сорокин. Центральным событием этой стадии и стала посылка за кордон «философских пароходов». Судьба сложилась так, что назаания публикуемой рачи Сорокина приобрело второй смысл, пророческий и не предвиденный им: через насколько месяцев после зтой речи, помимо своей воли, в дорогу предстояло отправиться ему самому.

Сегодня же, в пору глубокого кризиса административно-командной системы и созданной ею для своих нужд «фальшивой «обществанности», нам стоит вспомнить мысли Сорокина и заноео обдумать их.

(Речь на торжоственном собрании в донь 103-и годовщины Петербургского университота, 21 февраля 1922 г.)

Сегодняшняя годовщина Петроградского университета знаменательна не только тем, что она 103-я годовщина, но и тем, что она совпадает с моментом величайшего катаклизма в истории человечества и нашей родины. В результате войны и революции наше отечество лежит в развалинах. Великая Русская Равнина стала великим кладбищем, где смерть пожинает обильную жатву, где люди едят друг друга.

Задача возрождения России падает на ваши плечи, задача — бесконечно трудная и тяжелая. Сумеете ли вы выполнить ее? Сможете ли выдержать этот экзамен истории? Огромная трудность ее усугубляется еще тем, что вы оказались на великом распутье, без путей, дорог и спасительного плана. «Отцы» ваши не могут помочь вам: они сами оказались банкротами; их опыт, в форме традиционного мировоззрения русской интеллигенции, оказался недостаточным, иначе трагедии бы не было. От берега этого мировоззрения волей-неволей вам приходится оттолкнуться: он не спас нас, не спасет и вас. Он надолго исчез в зареве войн, в грохоте революции и в темной бездне могил, все растущих и умножающихся на русской равнине. Если не мы сами, так эти могилы вопиют о неполноте опыта «отцов» и ошибочности их патентованных спасительных рецептов.

Но раз старые пути негодны, где же новые? Есть ли они у вас? Если есть — продуманы и осознаны ли? Боюсь, что нет. Мы сейчас похожи на людей, ошарашенных ударом дубины, заблудившихся и ищущих, страстно и горячо, до боли, до исступления — нужного до смерти выхода. Ищем, тычемся туда и сюда, подобно слепым щенятам, но темно кругом. А история не ждет, она ставит ультиматум; бьет грозное: memento mori, бьет двенадцатый час нашей судьбы и решается наше: быть или не быть.

В таких условиях вы поймете меня и не найдете нетактичным, если я позволю наметить некоторые «вехи» того пути, по которому, с моей точки зрения — возможно, ошибочной, возможно, близорукой,— мы должны двинуться в дальнейшее историческое странствие. Это даже не «вехи», а скорее указания на то, чем мы должны запастись, пускаясь в этот темный путь, чтобы выбраться вновь на светлую дорогу жизни и живой истории из мрачных бездн долины Смерти.

Первое, что вы должны взять с собой в дорогу,— это *знание,* это *чистую науку,* обязательную для всех, кроме дураков, не лакействующую ни пред кем и не склоняющую покорно главу пред чем бы то ни было; науку, точную, как проверенный компас, безошибочно указывающую, где Истина и где Заблуждение. Берите ее в максимально большом количестве. Без нее вам не выбраться на широкий путь истории. Но не берите суррогатов науки, тех ловко подделанных под нее псевдознаний, заблуждений, то «буржуазных», то «пролетарских», которые в изобилии преподносят вам тьмы фальсификаторов. Опыт и логика — вот те реактивы, которые помогут вам отличить одно от другого. Иных судей здесь нет. Вашим девизом в этом отношении должен служить завет Карлейля: «Истина! хотя бы небеса раздавили меня за нее! Ни малейшей фальши! хотя бы за отступничество сулили все блаженства рая!»

Второе, что вы должны взять с собой, это *любовь и волю к производительному труду* — тяжелому, упорному, умственному и физическому. Времена «сладкого ничегонеделанья» — dolce far niente — кончились. Мир — не зал для праздношатающихся, а великая мастерская, и человек — не мешок для переваривания пищи и пустого прожигания жизни, а прежде всего — творец и созидатель.

История не терпела и в прошлом праздных тунеядцев: рано или поздно она сбрасывала их в кучу ненужных отбросов. Тем более не терпит их она теперь и особенно среди нас: «не трудящийся, да не ест» — таков ее жестокий и безусловный ультиматум. Дорога предстоит бесконечно тяжелая. Только знание и труд, вместе взятые, могут преодолеть ее. Каждое из этих сокровищ, порознь взятое,— знание без труда или труд неумелый и слепой,— не спасут вас.

Но мало и этого. Нужно запастись вам еще и другими ценностями. В ряду их на первом месте стоит то, что я называю *религиозным отношением к жизни.* Мир не только мастерская, но и величайший храм, где всякое существо и прежде всего всякий человек — луч божественного, неприкосновенная святыня. Homo homini deus (а не lupus est) — вот что должно служить нашим девизом. Нарушение его, а тем более замена его противоположным заветом, заветом зверской борьбы, волчьей грызни друг с другом, заветом злобы, ненависти и насилия не проходило никогда даром ни для победителя, ни для побежденных. Оправдалось это и в наши годы. Что выиграло человечество от войны? Что пожинаем мы от своей ненависти и кровавого пира? Ничего, кроме жатвы смерти, горя и океана страданий. Распиная других, мы распинаем себя. Так случилось теперь, так было и в прошлом. Пора это усвоить. Пора усвоить и другое: одно насилие никогда не ускоряло движение к далеким вершинам идеального. Вместо ускорения оно лишь замедляло его. Примером в нашей истории может служить эпоха Петра, не давшая ничего, кроме пышного фасада, закрепостившая сильнее народ и погрузившая его на полтора столетия в бездну невежества и бесправия. То же случилось и с нами: поспешив, мы очутились не в 22 столетии, а в 18 веке. Мало того, Тэн прав, говоря: ни одно из хороших социальных жилищ не было выстроено сразу, по полном разрушении старого и по абсолютно новому, выдуманному искусным архитектором плану. Каждое из них, напр. <имер>, английское общество, воздвигалось вокруг первичного, массивного ядра и опиралось на него; лишь постепенно и исподволь к нему делались пристройки и вводились изменения. Словом, хорошо и прочно строится лишь то, что строится исподволь и постепенно, а не «по щучьему велению», не путем конвульсивных и смелых разрушений старого дочиста. Подобно французскому народу, в прошлом столетии мы забывали эту истину. И платились, и платимся за ее забвение. Это обстоятельство диктует нам внимательнее оглянуться на наше прошлое. Заботливое рассмотрение его показывает нам, что много хорошего было и в Московской Руси, что было смято иноземными ботфортами Петра. Не мало его было и в более близком прошлом. Пора оценить это ценное, заботливо поднять его семена и оживить силою мысли и напряженного труда. Выполнение этой задачи означает восстановление, улучшение и сохранение нашего *национального лица.* Этот термин и эта задача так были запачканы в прошлом, что мешали нам рассмотреть то *здоровое,* что было и есть в желании иметь среди других народов истории свое *национальное лицо, свои оригинальные черты и свое право на место и роль в великой драме истории.* Теперь, когда история грозит нас обезличить, когда другие народы готовы исключить нас из числа главных действующих лиц и перевести нас на роль простых статистов, мы начинаем понимать великую ценность национального лица.

Если для каждого из нас иметь свое лицо лучше, чем быть безличным, то то же относится и к целому народу. Пора понять, что всякая попытка отказаться от своего лица приводит либо к безличности, либо к искажению этого лица и к превращению его в истоптанный каблуками прохожих бесформенный кусок мяса, с синяками, порезами и ранами. Если мы не хотим этого, пора отказаться от «чурания себя», пора исправить этот грех наших отцов. Нужно это сделать и потому, что международное братство мыслится не как братство безличных общественных организмов, а как братство народов, т.<о> е.<сть> групп с определенным лицом, а не с гладким и пустым местом. Мало того. Этот завет диктуется сейчас и мотивом, гласящим: «иди к униженным, иди к обиженным». Есть ли сейчас на земле другой народ, более обнищалый, более голодный, более несчастный, более эксплуатируемый, чем наш родной, великий — даже в своем несчастии — русский народ? А раз так, то наша обязанность всячески помочь сохранить ему его тело, его жизнь, его душу, его «лицо» и остатки его исторического достояния и богатств. Быть может, последнее нельзя спасти — уже поздно,— но спасти жизнь, душу и «лицо», это спасти главное: достояние и богатство — дело наживное.

Отправляясь в путь, запаситесь далее *совестью, моральными богатствами.* Не о высоких словах я говорю: они дешевы и никогда в таком изобилии не вращались на житейской бирже, как теперь, а говорю о моральных поступках, о нравственном поведении и делах. Это гораздо труднее, но это нужно сделать, ибо я не знаю ни одного великого народа, не имеющего здоровой морали в действиях. Иначе... смердяковщина и шигалевщина потопят вас. Иначе вы будете иметь ту вакханалию зверства, хищничества, мошенничества, взяточничества, обмана, лжи, спекуляции, бессовестности, тот «шакализм», в котором мы сейчас захлебываемся и выдыхаемся.

Придется подумать вам и о том, кого взять с собой *в спутники и руководители.* Настало время от ряда былых спутников отказаться: они завели нас в пропасть. Я бы взял в качестве таковых таких лиц, как Нил Сорский, Сергий Радонежский — носители идеала старца Зосимы; как Толстой и Достоевский. Такие «спутники», по моему мнению, не обманут.

Позволю обратить ваше внимание и еще на один факт: на семью. Вы знаете, что она разлагается. Но должны знать и то, что без здоровой семьи невозможно здоровое общество. Слишком далеко зашел здесь развал и духовный, и биологический, через половые болезни ускоряющий вымирание и вырождение русского народа. Пора остановить это бедствие. Оздоровление семьи, улучшение ее организации в том направлении, чтобы она, как первый скульптор, лепящий socius'а из биологической особи, создавала и выпускала из своих рук индивидов с знаниями, с волей, с энергией, полагающихся на самих себя,— эта задача доступна каждому из вас и составляет вашу основную обязанность.

И каждый из вас сам должен стать настоящим socius'om, индивидуальностью, чуждой и эгоистического шакализма и невежественно слепой стадности.

Таковы те главные ценности, которыми вы, с моей — быть может, весьма несуразной — точки зрения, должны запастись, пускаясь в великий путь и подготовляясь к великому экзамену. Я не знаю, выдержите ли вы это тягчайшее из тяжких испытание. Но надеюсь, что «Сим победиши». Хочу верить и всем сердцем желаю вам полного успеха. Ваш успех будет означать спасение 100-миллионного народа от физической и духовной смерти.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТАЙНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Новое — это не только хорошо забытое, но и порой плохо изученное старое. Околомасонские рассуждения многих современных писателей и публицистов поражают неискушенного читателя страшными разоблачениями и зловещими прогнозами. Заглянем, однако, в недалекую историю. Оказывается, и в начале нашего века находились охотники бить в набат по поводу всемирного масонского засилья.

В этом номере журнала мы публикуем отрывок из «трудов» Алексея Семеновича Шмакова — активного деятеля «Союза русского народа», одного из столпов черносотенной идеологии.

Но возможен — и необходим! — и другой, строго документальный, научный подход к проблеме. Именно с таких позиций исследуют историю русского масонства доктор исторических наук Арон Яковлевич Аврех (его посмертная книга «Масоны и революция» готовится к печати в Политиздате) и доктор исторических наук Виталий Иванович Старцев. Точки зрения этих историков на место и роль масонства в России начала XX века не совпадают, но их объединяет стремление к достоверному научному знанию, поиску истины.

Алексей ШМАКОВ,
член Московской городской Думы, уполномоченный московского дворянства на VII съезде Объединенных дворянских обществ.

МАСОНЫ

Программа масонства, а стало быть, и еврейства, сводится прежде всего к разрушению *католицизма*, протестантство же будет уничтожено во вторую очередь.

Августин Баррюэль, настоятель собора Богоматери в Париже, получил 20 августа 1806 года из Флоренции помеченное 1 того же августа письмо Иоанна-Баптиста Симонини, хранимое теперь в городском архиве Фрибурга, в Швейцарии. Уроженец Ливорно, крещеный еврей Симонини излагает в этом письме замыслы иудейские *на порабощение мира*... и заключает уверением, что потомство Израиля рассчитывает меньше чем в одно столетие разрушить прочие исповедания, дабы создать собственную Империю, заменить церкви синагогами, остаток христиан привести в рабство и сделаться всемирным *владыкою*. В параллель с этим образованный из евреев правоверных, реформированных и свободомыслящих, отовсюду съехавшихся, и заседавший в Лейпциге Великий Синод 29 июня 1869 года, между прочим, постановил: «Осуществление и развитие современных идей являются *вернейшею гарантиею* для настоящаго и будущаго *еврейской национальности и ея детей»*. Но ведь с точки зрения еврейства представляются современными только идеи революционные, а масонство всемогуще обслуживает национальные интересы сынов Иуды, прежде всего на борьбе с *папством*...

Правда, в течение значительного времени сыны Израиля были *исключаемы* из большинства английских, немецких и французских лож, а потому основали нарочитые культы того же рода для себя, каковы *«Мизраим»* во Франции и *«Бени-Бериф»* (Берит) в Соединенных Штатах. Через них иудаизм пользовался как всевозможностью сноситься с другими ложами, так и теми преимуществами, какие обеспечиваются *универсальным* характером масонства.

Мизраим, сын Хама, говорят евреи, пришел в Египет, завладел страною, дал ей свое имя и основал тайный культ Озириса, Изиды, Тифона и др.

Будучи перенесен в Италию, а затем распространившись по другим частям Римской империи, этот культ явился источником мудрости, откуда ее черпали философские школы, тайные союзы, многие религиозные секты и масонские толки... Некоторые масонские ложи допускали к себе евреев уже с половины XVIII столетия, т. е. со времени, когда масонство стало приобретать характер явно революционный и насильственный. То же, как известно, происходило и в истории «русского» бунта. Таков реальный вывод из фактов. Но о его необходимости, очевидно, нельзя было бы не заключить и из указаний еврейской истории вообще. Известно, в частности, что основатель французского иллюминатства и энергический распространитель масонства, Мартинец Пасквалис, был *еврей*. Наконец, нельзя, вообще говоря, не признать, что иудейство и масонство учреждения параллельные. Иудейство есть даже масонство по *преимуществу* — как ввиду тесного *единения* его членов, так за силою *космополитизма*, воздвигаемого сынами Израиля выше любых уз *патриотизма*, так, наконец, чрез ненависть к *христианству*. Поэтому сами внутренние движения в масонстве не замедлили устранить те затруднения, которыя христианскими идеями и социальным предубеждением противоставлялись допущению *евреев* в обыкновенныя ложи. Вот почему масонство католических стран — Франции, Италии, Испании, а в позднейшее время и Германии стало открывать двери еврейству. Не без испуга осведомилось тем не менее оно, что сыны Иуды уже повсюду сумели захватить влияние над *необрезанными* «детьми Вдовы»...

Не входя засим в исследование всем известной решающей роли, какую еврейство сыграло на пути «Великой Революции», а особенно в разгар Террора, мы не можем, однако, не отметить связи кагала с Бонапартами. Мелкий ходатай по делам из Арраса Робеспьер и артиллерийский подпоручик Буонапарте были хиротонисаны на свои зловещие деяния всемирным кагалом — через *масонство*. Оба равным же образом уничтожены были, когда за прекращением в них надобности осмелились восстать против «избранного» народа. Наполеон I был страстным масоном и соумышленником Робеспьера. Масонство расцветало при нем во Франции так, как этого не бывало ни раньше, ни позже. Совершенно масонировалась армия. Сам Наполеон не только не скрывал своих масонских симпатий, но и провозглашал себя апостолом Революции...

Тайные общества покрыли всю Германию, подготовляя сперва революцию 1848 года, от которой Вильгельму, тогда еще только наследнику престола, пришлось бежать в Англию, а затем и войну 1870—1871 гг., когда уже Франции пришлось сыграть роль Пруссии 1806 года. Тем не менее, став королем, Вильгельм I, сам убежденный масон, открыто покровительствовал «братьям», в чем ему помогал, впрочем, и «никого не боявшийся» Бисмарк...

Для окончательного торжества масонам требовалось разгромить *католическую* Австрию, что и произошло в 1866 году, а затем нужна была императорская власть, каковая на перевернувшихся весах истории и была поднесена тому же прусскому королю в 1871 году, — среди чудес Версаля, за счет бутафорского *«великолепия»* Людовика XIV.

Во Франции масонство продолжало свою разрушительную работу, пока лет двадцать тому назад не сделалось хозяином. Тогда «вольные каменщики» сбросили с себя маску. Теперь они уже выступают открыто, приводя с помощью своих сподвижников — *иудеев* несчастную страну к решительной и, вероятно, бесповоротной гибели. Французы наконец очнулись от своего полуторавекового летаргического сна. За последнее же время виновность иудейства и масонства во всех несчастиях, постигнувших благородную Галлию, исторически и логически *вполне доказана*. В этом сейчас никакого сомнения быть не может.

Между тем, как видно из меморандума, представленного императору Александру I князем Меттернихом в 1821 году, равно как из мемуаров австрийского канцлера, он сознавал опасности, которыми грозят тайные общества. Однако ни такая осведомленность, ни тягчайшие поражения Наполеоном Австрии, ни бесчисленные награды и почести, которыми от монархов всей Европы был засыпан Меттерних, не вызывали с его стороны действительных мер к обузданию масонства. Правда, со времен Священного Союза вошел в моду *романтизм* — любовь к средневековой родной старине, к балладам и сагам, но эта мода не помешала масонам добиваться своих целей и, рядом революций, распространять *конституционный* образ правления, т. е. *расхищение* власти в пользу «федеративной республики». Если ради поддержания «ночных братьев» явилось из полусвета *голубых* лож учение о необходимости объединить Германию под скипетром Пруссии, то из тьмы *красного* масонства выступили социалисты и анархисты с иудеями Марксом и Лассалем во главе...

Эти *евреи* знаменуют собою еще раз постыдный универсализм кагала. Если в период наполеоновских войн и Венского конгресса с их ближайшим эпилогом еврейство размножалось беспрепятственно, когда христиане погибали миллионами, то оно и богатело неимоверно — на подрядах и поставках, государственных займах и банкротствах, учредительских плутнях и биржевой игре. Как указывал Вениамин д'Израэли, европейская политика была равным образом ожидовлена. В частности же, ни один бунт не проходил без подстрекательства сынов Иуды. Восстания в Польше не только не служат исключением, а, наоборот, иллюстрируют как своекорыстие евреев на пути служения их свободе, так и тот наглый цинизм, с которым они перебегают с одной стороны на другую, по мере колебания весов судьбы. Проклятый «Восточный вопрос» как неиссякаемый для России источник невзгод и войн, в свою очередь, является для сынов Иуды непрерывно доходною статьею бюджета...

Такова панорама «свободы» и «равенства» *иудейских*, раскрывающаяся на наших глазах, особенно в русской земле. В той либо иной степени господство евреев сказывается теперь повсюду, но нигде, без сомнения, оно не является столь признанным и очевидным, как *именно у нас*.

Таковы издевательства *угнетенного* племени над всем, что людям дорого и свято. Такова злостность глумлений сынов Иуды над самыми мечтаниями страждущего человечества об улучшении своей беспросветной горькой участи...

Впрочем, если нигде раньше не наблюдалось скопления *восьми* по крайней мере *миллионов* иудеев, то и никогда еврейство не достигало столь неимоверного триумфа, как в современной России.

Основной признак тирании — *невозможность протеста*. Он устраняется беспощадностью гнета. Попробуйте же восстать хотя бы против первого попавшегося шантажного листка *жидовской прессы!* Но сыны Иуды этим не довольствуются. Они стремятся не к *материальной* только, иначе говоря, лишь *временной*, а и к *моральной*, т. е. *бесповоротной* его немыслимости. Исключая всякое сопротивление, евреи тем не менее хорошо понимают, что раз остается духовная сила, то чем дольше станет претерпевать она давление, тем опаснее будет взрыв... Отсюда для них ясно, что, помимо угнетения физического, неизбежны и мероприятия, направленные к уничтожению самой вероятности сопротивления, значит, к разложению той силы, которая могла бы оказать противодействие. Поступая сообразно с этим, евреи стремятся отнять у народа *разум*, исковеркать его *душу*, отравить *сердце*, унизить и запятнать все его прошлое, внушить, наконец, стыд пребывания самим собою. В таких видах иудейство располагает целою фармакологиею ядовитых веществ особого рода и тем более смертоносных, что применение их испытано на пути веков. В современную же эпоху иудеи располагают сверх сего и универсальною отравою во образе *повседневной печати*. По отношению к ней они не только монополисты, но и стоят вне конкуренции...

Сознавая, применяя, испытывая свою мрачную власть, иудаизм на сцене истории атаковал в заключение две величайшие империи мира — *Рим* в древности и *Россию* в настоящее время. Рим удалось кагалу погубить, а русская земля, правда, едва-едва, но еще держится...

Есть, однако, разница и в судьбах народов. Один вид еврея вызывал *хохот* на всем пространстве Римской державы. В России жиды являются теперь образцами талантов, благородства и неодолимости, а мы, парии, славословим их, поклоняемся, чуть не боготворим!..

Это ли не последнее слово искусства тирании?

Где еще искать доказательство очарования кагальных мероприятий, государственного ума, блеска — величия *иудейского правительства?*

Но нет совершенства в этой юдоли плача. «Гениально» сыгрался жидовский оркестр, а и в нем бывают роковые диссонансы, слышатся фальшивые ноты...

Всемогущество «Alliance Jsraèlite Universelle» не мешает жидам содрогаться за свою участь. Волны народного самосознания идут неудержимо отовсюду на изъявленные утесы еврейской гордыни. Пока отдаленные, но страшные раскаты народного гнева уже дают о себе знать среди наступления грозы... Ураган приближается быстро, и горе тем, кто оскорбил русское сердце!..

(Из книги А. С. ШМАКОВА «Международное тайное правительство», Москва, 1912 г.)

Масонская символика.

МАСОНЫ

Арон АВРЕХ,
доктор исторических наук

ПОЛКОВНИК МЕЦ ИЩЕТ ВОЛЬНЫХ КАМЕНЩИКОВ

Журнальный вариант. Публикация подготовлена Е. ПОПОВОЙ и Л. ОВРУЦКИМ

I

Очередной масонский переполох в департаменте полиции случился в ноябре 1908 года. Поводом к нему послужила статья в газете «Русское слово», автором которой был Е. И. Кедрин. В этой статье он открыто признавал себя масоном и сожалел, что революция 1905 года была совершена не масонами.

В связи с этим заявлением у департамента полиции возникла, так сказать, внутренняя проблема. Исходной посылкой полицейского ведомства была идея о том, что масоны, во-первых, всегда и везде соблюдают строжайшую тайну и конспирацию, а во-вторых, одна из их конечных целей — ниспровержение монархического режима. Здесь же не рядовой обыватель, а видный кадет (что тоже было злом, правда, меньшим, чем масонство), недавний депутат I Думы, совершенно открыто, на всю страну объявил о своем масонстве и выразил уверенность, что при масонском руководстве революция носила бы «культурный», т. е. либерально-монархический характер.

Решили не укладывающийся в схему феномен осмыслить собственными силами. Поручено это было сделать жандармскому подполковнику Г. Г. Мецу, ведавшему в департаменте полиции масонами и масонством. Справедливости ради следует сказать, что Мец заслужил свое назначение. Исходя, так сказать, из идейных побуждений, он уже давно занимался изучением масонства.

В докладной записке от 8 октября 1906 года на имя директора департамента полиции он счел нужным обратить на этот факт внимание своего высокого начальства: **«Интересуясь вопросом о масонстве в смысле связи его с революционным движением, я в течение последних пяти лет выписывал из-за границы и прочитывал литературу, разоблачающую их тайную, весьма искусно прикрытую деятельность, направленную к разрушению государственного строя во всех странах мира».**

«Литература эта,— продолжал Мец,— **к сожалению, совершенно запрещена в России, и, чтобы получать ее, мне приходилось каждый раз подавать прошение в цензурный комитет с обязательством не давать эти книги никому для прочтения. Подобное положение привело к тому, что не только публика, но даже и власти под влиянием газетных статей, сочувственно отзывающихся об этом тайном Всемирном сообществе, имеют о нем совершенно превратное представление. За этот период масонство было мною изучено по следующим источникам...»** («Источников» оказалось всего-навсего 12 названий, что для пяти лет изысканий было не густо.— **А. А.**)

«Ввиду несомненного натиска, которому уже подвергается Россия со стороны масонства с установлением конституционного строя и стремления этого тайного общества к легализации, для чего достаточно проведения в Думе закона о свободе собраний и союзов,— бил тревогу жандармский подполковник,— **я взял на себя труд составить записку о масонстве, которую и представляю на благоусмотрение Вашего превосходительства. Записку о масонстве в России предполагаю составить по получении необходимых документальных данных относительно запрещения масонства в России»** (ЦГАОР СССР, ф. 102.00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 1, л. 102—102 об.).

Добравшись наконец до статьи Кедрина, «эксперт» по масонству написал:

«Обращаясь к статье «Масоны», вызвавшей настоящую записку, можно сказать, что и статьи корреспондентов «Биржевых ведомостей», и беседы различных корреспондентов с Кедриным, и его якобы откровенные показания совершенно понятны. Это обычный масонский пробный шар. Заявляя, что он масон, Кедрин испытывает почву. В лице его масонству интересно знать, как на это будет реагировать власть и что скажет печать умеренная и правая. Такое выступление привлекает и заинтриговывает публику и дает возможность левым газетам лишний раз написать статьи о «братьях каменщиках», которые имеют всего 3 звания и то самых невинных и работают на пользу человечества, ведя его к «свету». Кедрин даже открыто говорит, что очень жаль, что революция прошла в России при недостаточном участии масонов. С его точки зрения, это совершенно верно. Масонство тогда не хотело «замарать рук» (как символ «чистоты рук» масоны в известном звании получают перчатки) и рассчитывало, что чернь сама сделает для него все дело и сама пригласит их к власти, но вышло не так — наступила реакция».

Почему «чернь» в случае победы должна была добровольно отдать завоеванную власть масонам, о которых она, будучи «черньо», никогда и не слыхивала, тем более что масонов во время первой русской революции вообще не было, за исключением нескольких членов французских лож, в том числе и Кедрина, таким вопросом подполковник не задавался. Полицейская логика Меца, когда шла речь о масонах (а ни о чем другом он говорить и писать не мог) сильно отличалась от того, что принято называть здравым смыслом. Это и позволило Мецу сделать следующий вывод: **«Теперь можно заранее убежденно сказать, что вторая вспышка и второй удар в России произойдет при полном напряжении сил со стороны масонства, которое *только в России не имеет права гражданства.* Движение, вызываемое им, характеризуется полной внезапностью. Имея организацию, столь конспиративно обставленную, что общество это может в самых неблагоприятных обстоятельствах работать столетия, не вызывая и тени подозрений, оно подготовляет события так, что они вырастают выше головы правительства в условленный день и час и справиться с ним бывает уже невозможно. В известный момент является *новое правительство,* которое открыто вступает в управление всеми функциями страны».**

Французская гравюра XVIII века.

Виталий СТАРЦЕВ,
доктор исторических наук

ВРЕМЯ ОТКРЫВАЕТ ТО, ЧТО НЕ МОГЛА НАЙТИ И ЦАРСКАЯ ПОЛИЦИЯ

Если полицейский чиновник ищет масонов, значит, это внутренние враги. Почему же в России в предреволюционные годы масоны попали в разряд врагов царизма и кто они такие вообще?

Слово «масон» в переводе с английского и французского означает «каменщик», а с определением «франк», или «фрик»,— «свободный каменщик». Масонские собрания называются «ложами», или в переводе — «сараями», по аналогии с сараями, где хранили свои принадлежности средневековые каменщики. Хотя в середине и в конце XVIII века теоретики бурно развивавшегося тогда умозрительного или спекулятивного масонства придумали себе солидную «историю», ведущую якобы свою родословную от строителя храма Соломона — Адонирама за тысячу лет до рождества Христова, реальная история этого общественного движения начинается со строительства другого храма — Собора Святого Павла в Лондоне под руководством архитектора сэра Кристофера Рена.

Собор строился долго — с 1675 по 1710 год. Тут-то и родилась замечательная идея: для привлечения общественного внимания к этому долгострою и для сбора дополнительных средств основать «артели» каменщиков, которые будут «строить» собор, не поднимая ни одного кирпича, а лишь размышляя об этом. Так в Англии зародилось «спекулятивное» масонство. Его символами стали орудия труда каменщика: мастерок, отвес, циркуль, угольник. Вот и все. И три «степени» или «градуса» — ученик, подмастерье и мастер. Собор, наконец, построили, но масонские артели-ложи не исчезли. Более того, их становилось больше. Богатые и не очень, дворяне и чиновники, просто джентльмены находили весьма приятным собираться и рассуждать на всякие темы. Да еще за обедом с выпивкой. Появились и первые теоретики: Андерсен и Дезагулье, которые подвели под спекулятивное, умозрительное масонство философскую базу деизма и начали создавать его теорию, а также структуру.

24 июня 1717 года, в день Святого Иоанна, представители английских масонских лож собрались в пивной «Гусь и вертел» и учредили «Великую ложу Англии» — объединение всех имевшихся лож. Это первая и единственно достоверная дата рождения масонства как организованного движения. В 1723 году Андерсен выпустил книгу «Масонские Конституции». В предисловии к ней он писал, что книга составлена из старых рукописей XVII века, которые сохранились у его отца, старого шотландского масона. Но, к несчастью, сарай, где хранились эти подлинные рукописи, сгорел, и Андерсен «воспроизвел» их по памяти. Скорее всего, это лишь литературный прием для «удревнения» истории английского масонства: Андерсен свои конституции сочинил сам.

Вскоре масонство перекинулось во Францию и там расцвело пышным цветом. Французская «Великая ложа» создала 18-градусную систему. Появились пышные названия для масонских степеней, новая символика, в частности 5-, 6-, 7-, 9- и прочеконечные звезды. Одновременно корректировалась и дальше история, пока не дошла до Адонирама: потаенная масонская мудрость была-де сохранена после получения ее от древних иудеев египетскими жрецами. А ими передана грекам:

Это лишь фантазия автора, ибо никаких фактов реальной политической деятельности масонов в России у Меца не было. Но он не из тех, кого можно смутить подобными пустяками. **«Действительно,— продолжал Мец,— Кедрину жаль, что революцию делали мужики и рабочие — Россия двинулась бы гораздо быстрее по пути к «прогрессу». Вся наша полиция, имевшая в течение долгих лет дело с революционными партиями, ни разу не наталкивалась на след чего-либо масонского. Из этого прямой вывод, что масонства нет и что это плод воображения. Между тем это глубокая ошибка. Основной принцип масонства — это осторожность: «брат никогда не должен дать припутать себя к каким-либо бунтам»,— это компрометирует, брат должен уметь заставлять работать на себя, «он всегда должен быть в стороне и всегда в тени». В случае провала он от всего открещивается и даже «клевещет»... для отвода глаз. В ту сферу, где работают «братья», не может проникнуть ни один** (полицейский.— **А. А.**) **агент».**

Как же это достигается? Конспирацией и высоким общественным положением масонов. Свои документы они тщательно скрывают в банках. **«Они неуязвимы... Несомненно, что в России ложи существуют и работают, существуют же они под прикрытием самых благонадежных учреждений, филантропического или научного характера, редакций газет и различных обществ самоусовершенствования».**

Выходит, дело безнадежно — масонов невозможно обнаружить? Но Мец понимает: если это так, то зачем нужен он и другие мецы, равно как и департамент полиции в целом? Все же надежда обнаружить и обезвредить масонов есть: так или иначе, снимает тяжесть с сердца своего начальства автор записки,— масонская ложа, как «святое место» должна иметь атрибуты масонства: три колонны, три жертвенника, святую картину и проч., и таким образом существование ее может быть доказано.

Сказать, что записка Меца — нелепость и только, значит ничего не сказать. Главное здесь состоит в том, что я бы назвал политической паранойей. Она иррациональна, существует и действует вне логики и фактов. Посылка: в России масоны до сих пор обнаружены не были. Вывод: так и должно быть — их полное отсутствие и доказывает, что они всюду и везде. Масон Кедрин объявил себя? Правильно, так и должно быть — масоны запускают пробный шар. Он же заявил, что ему не нравится прошедшая революция? И здесь все понятно — он хочет революции еще более разрушительной. Масоны занимаются филантропией? Маскировка. Масоны поглощены самоусовершенствованием? Притупляют бдительность. О них не слышно многими десятилетиями? Не имеет значения, они могут рыть свой подкоп столетия так, что никто этого не заметит, и, пожалуйста,— вдруг на ровном месте вспыхивает и побеждает революция. Масоны объявляют себя монархистами? Прячут свой республиканизм. Одним словом, куда ни кинь — всюду клин.

Дело не стоило бы выеденного яйца, если бы на масонах помешался один или несколько полицейских чиновников. Но суть этой паранойи в том и заключалась, что она была не частным делом, а **официальной политикой,** разделяемой и проводимой департаментом полиции, правительством и «верхами», включая царя. Это был социальный психоз, обусловивший поведение и умонастроение всего аппарата царизма в последние годы его существования.

В письме министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа от 14 декабря 1905 года с грифом «весьма секретно» на имя министра внутренних дел П. Н. Дурново на основании донесений послов сообщалось: **«...Масонство деятельно стремится к ниспровержению существующего политического и социального строя европейских государств, к искоренению в них начал национальности и христианской религии, а также к уничтожению национальных армий».** Учитывая интернациональный характер масонства, ***«нельзя не предположить, что быть может*** **масонская пропаганда захватила и Россию... Для всестороннего суждения о влиянии масонства на международные отношения было бы весьма полезно иметь возможно подробные сведения о развитии их деятельности в пределах империи».** Письмо заканчивалось просьбой «произвести соответственное расследование» и о результатах сообщить ему, Ламздорфу. И это писал не какой-нибудь Мец, а один из высших чиновников империи.

Казалось, масонская игра началась сразу по-крупному. Но на деле получилась совершеннейшая полицейская чепуха и мелочь.

Счастье предстало пред Мецем в форме статьи за подписью Д. С-в под названием «Франкмасонство в Москве», опубликованной в московской газете «Раннее утро» 7 апреля 1908 года.

«Чтобы проверить непрекращающиеся толки о существовании в Москве тайных масонских лож», говорилось в статье, **автор ее решил побеседовать с неким «Ч». Заветы масонов, их возвышенные идеи, говорил «Ч», не могли, конечно, заглохнуть окончательно. «Безусловно, франкмасоны существуют у нас и ныне». Так, «в Москве в 1908 году издается впервые в России журнал «Русский франкмасон», печатаемый в количестве 250 экземпляров. Лица, стоящие во главе этого издательства, не сочувствуют политической фракции франкмасонства и стали решительно на сторону фракции иоаннического духовного масонства, сохранившей во всей чистоте спиритуальные и мистические традиции». Время от времени в Москве возникают самочинные ложи. Организуют их «ловкие спекулянты на мистическом чувстве. Многие из авантюристов составили себе состояние». Лично он, «Ч», знает несколько таких «предпринимателей». Некоторые из них происходят из древних дворянских фамилий, другие — из «червонных валетов». Но цель у них одна — поборы. Собирали деньги и исчезали. Иногда такие проделки кончались очень весело. Талантливые организаторы псевдомасонских лож поженились на богатых замоскворецких купчихах и махнули рукой на обтесывание «дикого камня».**

Таково было содержание этого интервью. Естественно, из департамента полиции последовала команда в Москву разобраться и доложить. Спустя два с лишним месяца начальник московской охранки прислал первое донесение. В нем сообщал, что действительно в Москве выходят два журнала: «Русский франкмасон» и «Спиритуалист». Первый издает московский мещанин Петр Александрович Чистяков, второй — почетный гражданин Владимир Павлович Быков. Журнал последнего является «органом разрешенного кружка «спиритуалистов-догматиков». При нем также издаются: ежедневная газета спиритуально-оккультного направления «Оттуда» и ежемесячный социально-мистический оккультный журнал «Голос всеобщей любви». Далее шла характеристика этих изданий, которая сводилась к одному слову — «мистика». Что же касается журнала «Русский франкмасон», то первая его книжка действительно отпечатана в 250 экземплярах, но тираж не разошелся, хотя издатель обещал выпускать в год шесть номеров.

Казалось бы, все ясно — перечисленные газеты и журналы, равно как и их издатели, ничего общего с политическим масонством не имели. Но начальник охранки службу знал и поэтому резюмировал: **«Но, будучи последователями масонства по существу, журналы эти старательно избегают возможности дать повод заподозрить их в масонском направлении».** Правда, вынужден он был добавить, никаких «неблагоприятных» сведений о Быкове и Чистякове у него нет.

Вслед за этим уже сам московский градоначальник послал в департамент полиции два печатных конспекта оккультно-ментальной организации, учрежденной при журналах «Спиритуалист», «Голос всеобщей любви» и «Оттуда», а также несколько копий: 1) групповой молитвы на период времени с 25 мая по 25 июня, 2) ключа на период времени с 25 июня по 25 июля и 3) ключа на период времени с 25 июня по 25 августа. Далее сообщалось, что Быков является «мастером стула» в одной из лож, «находящейся не в Москве», и поддерживает связь с масонами Чернигова и Петербурга, «где имеется совершенно правильная организация масонов». Сам Быков — человек «положительный, умный, очень осторожный, не забывающий и свои материальные выгоды». Поселившись близ Замоскворечья, т. е. ближе к замоскворецким купцам, «падким на все мистическое», он продает им всякие «магические приборы от всевозможных недугов и болезней. Получив откуда-то пароли, знаки и мистерии «Ордена Розенкрейцеров», Быков за плату в 300 рублей посвящает неофитов в эту обрядность».

Не надо быть криминалистом, чтобы понять, что в лице Быкова охранка имела дело с самым обыкновенным проходимцем, который делал весьма выгодный бизнес на глупости и суеверии своих замоскворецких клиентов. Но слово «масон» меняло все. Здравый смысл отбрасывался в сторону, и русская политическая полиция, теряя разум, становилась жертвой масонского самогипноза.

В этом отношении расследование, предпринятое по поводу другой московской организации, возглавлявшейся Чистяковым («Ч»), оказалось еще более наглядным. Оно началось с командировки Меца в Москву. Там начальник московской охранки фон Коттен познакомил его с неким субъектом, выдававшим себя за крупную фигуру в международном масонстве, от которого жандармский подполковник пришел в неописуемый восторг, ибо тот, разумеется, за соответствующее вознаграждение, предлагал свое сотрудничество с департаментом полиции по части разоблачения и искоренения масонства. Бурная радость и торжество Меца объяснялись тем, что у охранки не было своего агента, который занимался бы «внутренним освещением» масонской среды. Теперь этот пробел восполнялся и не кем-нибудь, а видным масонским деятелем. Поэтому донесение Меца из Москвы звучит почти как гимн.

«Англичанин Джемс, член лондонских масонских лож «Camden Lodge» и «Quatour Colonatis» (специальной **миссионерской ложи, члены которой обязываются распространять идеи масонства), автор брошюры на английском языке «Краткая история франкмасонства в России и Польше»,** прибыл в июле месяце 1908 года в Москву в качестве корреспондента английских и американских журналов, получив поручение от своей ложи «Кватуор Колонатис» насколько возможно более распространять идеи масонства в России». Ему была обещана полная поддержка и вручено письмо к П. А. Чистякову, который имеет звание «Великого мастера» великой ложи «Астреи», которая существует в Москве с 1827 года.

Звание мастера, продолжал Мец, открыло Джемсу у Чистякова «зеленую улицу»: первые три звания он получил за месяц. Сейчас выбран «Великим секретарем», т. к. Чистяков очень занят, утомлен и стар, давно ищет себе помощника, причем не русского, владеющего языками и имеющего связи с заграничным масонством.

Спрашивается, зачем же такому высокому масонскому лицу сотрудничать с каким-то Мецем? **«Такому высокому положению Джемса в масонстве,—** объяснял сложившуюся ситуацию автор донесения,— **совершенно не соответствуют его материальные средства, и он до сих пор оттягивает свой взнос за диплом на звание «Русского мастера», обещая внести его по получении денег из Англии, откуда он их не ожидает, имея надежду, что русское правительство, которому он охотно предлагает свои услуги, обещая совершенно раскрыть и осветить деятельность масонской организации, до сих пор ускользающей от наблюдения, само придет к нему на помощь».**

Почему всемогущая организация, охватывающая своим влиянием весь мир, обладающая неограниченными возможностями и средствами, не дала своему полномочному эмиссару ни копейки денег для выполнения столь важного задания,— этот вопрос ускользнул от внимания Меца. Хуже вся-

Солон и Пифагор, Архимед и Перикл тоже были масонами. В масоны записывался и средневековый Орден храмовников, или тамплиеров, поскольку в их названии упоминался храм Соломона. После разгрома тамплиеров в XIII веке масонство и перебралось в Шотландию.

С каждым годом множились масонские системы и ордена. Возникла система «Великого Востока Франции» с 33 градусами, в Германии — системы розенкрейцеров и иллюминатов, в американских штатах — система из 99 градусов! И все новые и новые символы, заимствованные из самых разных источников.

В России первые ложи появились в тридцатые годы XVIII века. Одни ложи были связаны с Англией, другие — с Германией, третьи — со Швецией.

Вплоть до 1792 года масонство развивалось легально, но причудливо переплетаясь. Проявлялось два главных направления этого общественного движения: радикально-политическое и философско-мистическое. (Напомним, что масонство старше современных политических партий, поэтому в нем сохранились до сего дня политические, мистические, культурно-просветительские и философско-нравственные струи.)

Русские масоны 80-х годов XVIII века интриговали против императрицы Екатерины II и делали ставку на Павла (принятого в масоны еще в 1772 году в Германии). Но императрица пресекла эту политическую игру. Новиков, один из наиболее известных русских просветителей и масонов XVIII века, был посажен в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет, другие масоны оказались в ссылках.

Павел I разрешил масонам собираться, но так и не легализовал их. Явочным порядком они собирались и при Александре I, но после правительственной ревизии масонских лож в 1811 году (проводившейся полицейскими-масонами и установившими, что масоны ничем предосудительным не занимаются) их оставили в покое. Отечественная война способствовала расцвету масонства: большинство лож работало на французском языке, по французским же образцам и уставам. Александр I был принят в ложу Трех добродетелей, основанную в 1816 году. Именно в этих ложах после Отечественной войны родился вольнолюбивый декабристский дух. Но в 1822 году Александр закрыл ложи, что лишь подстегнуло декабристское движение.

Масонами были многие деятели Великой французской и американской революций, участники национальных движений в Испании и Италии. Как мы видим, занимались политикой и российские масоны. Именно поэтому к ним всегда с ненавистью относился российский авторитарный режим, российское самодержавие. С 60—70-х годов XIX века русских дворянских и разночинных интеллигентов стали принимать во французские ложи как «Великого Востока», так и «Великой Ложи Франции». Первыми русскими масонами, принятыми во французские ложи, были буржуазные либералы. Особенно надо отметить роль известного юриста и социолога, впоследствии академика Максима Максимовича Ковалевского, вступившего в масоны во Франции в 1885 году. В 1906-м он написал письмо в Верховный Совет «Великого Востока Франции» с просьбой поручить ему организовать ложи в России. После того как из Франции было получено разрешение, открылась первая московская ложа — «Возрождение». В 1908 году возникла ложа в Петербурге — «Полярная звезда», а вслед за тем появились ложи в Киеве, Одессе, Нижнем Новгороде и других городах. Эмиссары из Франции Сеншоль и Булэ формально открыли еще две ложи от имени «Великого Востока» в 1908 году. К 1910 году в русском политическом масонстве числилось около 100 человек и около десятка лож. По составу в них большей частью были членами кадеты, а также меньшевики, трудовики, народные социалисты и эсеры.

Поскольку среди первых русских масонов было много оригинальных индивидуальностей, а дисциплина и соблюдение тайны стояли далеко не на высоте, то полиция вскоре обратила на них внимание. К тому же масоны пытались читать лекции, издавать журналы, словом, стремились явочным порядком добиться для своего ордена таких же условий, какие существовали во всех других цивилизованных странах. Но полиция быстро уловила антиправительственный привкус в их деятельности. Началась «охота за масонами» (заметим, с какой иронией ее описал в 1917 году в журнале «Былое» известный историк, масон с 1908 года П. Е. Щеголев, и в 1989 году в этом номере журнала «Родина» — советский историк А. Я. Аврех).

Одновременно черносотенной и националистической прессе, состоявшей на содержании у правительства, было дано указание: открыть кампанию против масонов! И она началась. Использовались два аргумента: 1) масоны имеют в своих рядах евреев, поэтому они враги православия и самодержавия, связаны с международным сионизмом; 2) масоны имеют в своих рядах социалистов, следовательно, они связаны с «Интернационалкой», которую выдумал Карл Маркс. (Современные последователи этой кампании вынуждены пока ограничиться аргументами первого рода, еще не решаясь в полный голос на борьбу с «Интернационалкой», аргументами второго порядка. Но «разоблачения» черных дел евреев Свердлова, Троцкого, Зиновьева и Каменева успешно ведут и по этому пути.)

Масоны начала века ответили на травлю рядом мер: Совет Русских лож объявил «уснувшей» ложу «Полярная звезда» (основав вместо нее «Малую медведицу»), а таким ее деятелям, как князь Бебутов, адвокаты Маргулиес и Кедрин, заявили, что масонство прекращает свою работу в России. «Очистившись», масонство сделало еще больший крен в сторону «левых»; меньшевиков и народников стали с еще большей любезностью вербовать в масоны, благо эта публика к конспирации привычна и болтать не будет.

Но теперь мы уже знаем, что ее главными деятелями стали левый кадет Н. В. Некрасов, прогрессист А. И. Коновалов, трудовик и тайный эсер А. Ф. Керенский, меньшевик Н. С. Чхеидзе и ряд других. В 1912 году русские масонские ложи собрались на новый конвент (съезд) и объявили о создании самостоятельной масонской организации «Великий Восток народов России» (впоследствии она была утверждена «Великим Востоком Франции» как своя «провинция»). Тогда же был создан ее устав, который налагал строжайшие ограничения на братьев по части конспирации, запрещал иметь письменные документы. Скорей всего по-

кого слепого тот, кто не хочет видеть, гласит известная пословица.

Подписав донесение Меца, начальник Московского охранного отделения тут же направил начальнику особого отдела Климовичу личное письмо. **«Дорогой Евгений Константинович,**— доверительно и дружески сообщал он своему адресату,— **«Джемс» — это Иаан Федороаич Персиц. Челоаек несомненно ловкий: пронырлиеый и преследующий исключительно денежную выгоду.** Полагаю, **что это не помешает ему быть нам полезным. Кроме того, само дело таково, что большого выбора агентуры не придумаешь. Что он масон — это не подлежит сомнению. Наконец, и риск не очень велик: всегда можно через даа-три месяца прекратить с ним дело. У меня он, кроме того, служит для освещения разных лекций: униаерситета Шаняеского...»**

На другой же день, 14 ноября, фон Коттен, основываясь исключительно на данных этого самого «Джемса» — Ивана Федоровича, посылает на имя директора департамента полиции официальное донесение, в котором подробно описывается состояние масонских дел в Москве. **«Что касается вообще франкмасонского даижения, то агентура** (т. н. «Джемс».— **А. А.) пока определенно указывает на сущестаование а Москае Великой ложи франкмасоноа «Астреи». Мастером стула ложи является П. А. Чистяков — редактор журнала «Русский франкмасон», прекратиашего ныне свое существование, и «Ребус», издающийся поныне».** Секретарем ложи является некая Тира Оттовна Соколовская, жена коллежского советника, 37 лет, «составившая» (?) книгу, неоднократно выступала с лекциями и рефератами в Петербурге, где она живет и сейчас. Кроме того, членом ложи является Александра Ивановна Боброва, 46 лет, проживающая совместно с Чистяковым, «и, по сведениям, находящаяся с ним в интимной связи».

«Астреей», однако, масонство не исчерпывалось. «По некоторым данным можно **предполагать»** существование других лож: «Аравийской» — мастер стула «некто» Сергей Д<митриевич> Волков; «Рыцарей Розового креста» — во главе с Александром Ник<олаевичем> Серебряковым и «Ордена мальтийских рыцарей», председатель ложи неизвестен. «Вышеупомянутые Волков и Серебряков пока еще не установлены за распространенностью фамилий, почему также **не выяснено** и местонахождение их лож». У Быкова собирается интимный кружок численностью до 15 человек. На этих собраниях поют молитвы и читают евангелие, а затем происходит медиумический сеанс. «Обстановка этих собраний заставляет прийти к заключению, что кружок Быкова близок именно к секте хлыстов». Далее следовал перечень церемоний, подтверждавший это предположение.

Начальник московской охранки, видно, сразу вошел во вкус. Зарядившись новой порцией беззастенчивого вранья «Джемса», он спустя два дня посылает новое донесение. По дополнительным агентурным сведениям, докладывал он, «Астрея» представляет собой центр, в котором сосредоточено руководство деятельностью других подчиненных ей частных лож, находящихся как в Москве, так и в провинции. Из последних пока известна находящаяся в Москве ложа «Полярной звезды».

Уже из этой фразы видно, что на самом деле фон Коттену, а точнее «Джемсу», решительно ничего не было известно. Ложа под таким названием действительно была создана, но не в Москве, а в Петербурге. Понятно, что полицейский информатор подхватывал всякий случайный слух, доходивший до него так, как доходит в конце цепи слово в старой детской игре под названием «Испорченный телефон», и тут же сообщал его своему шефу в качестве лично известного ему факта. Что же касается «Астреи», то сведения о ней ему было добыть тем более легко, что ни Чистяков, ни другие члены не делали из ее существования никакого секрета. Журнальчики, которые Чистяков издавал от имени своей ложи, были разрешены на основании известных «Временных правил» от 4 марта 1906 года.

В свою очередь, Мец прислал еще более захватывающее донесение: **«ознакомившись на месте с личностью английского масона Джемса, предложившего свои услуги, я пришел к полному убеждению, что он действительно масон».** Перечислив все, что нам уже известно со слов фон Коттена, он прибавил и кое-что новенькое, что не решил сообщить или же не успел услышать начальник московской охранки. А именно: в Калуге **«в состав Великой ложи «Астреи» входят ложи: «К вере», «К надежде», «К истине», «Палестина», «Изида», «Нептун», «К самопознанию», «Полярная звезда» и другие, пока еще не выясненные».**

В Москве находится ложа «Рыцарей Мальтийского ордена». **«Некоторые ложи работают конспиративно у Мастера, другие под маской спиритических кружков, пробы медиумов, в редакциях и теософических собраниях, по той системе, по которой они соединены».** Но и это не все: **«Наибольшую деятельность в отношении России прояаляют следующие заграничные ложи».** И далее шел перечень немецких, швейцарских, шведских и французских лож. **«В общем,**— резюмировал Мец,— **можно считать, что братьеа масонов в Москве по приблизительному подсчету г-на Джемса более 2000 чел.».**

У начальника Особого отдела Климовича эти донесения нашли самый живой отклик. Фон Коттену, во исполнение резолюции, было предложено добыть подлинные подписи Чистякова и Соколовской, а также прислать негатив с подлинного масонского диплома. Эти требования были выполнены с лихвой.

На беду охранки, «Джемс» принадлежал к тому сорту проходимцев, которые, помимо денег, ищут и славы. Как истый Хлестаков, увидев, что его дела заботами Меца и фон Коттена пошли неожиданно хорошо, он стал раздавать направо и налево интервью, которые привели, как и следовало ожидать, к громкому скандалу, заставившему департамент полиции срочно отмежеваться от своего информатора.

4 декабря 1908 года в московском черносотенном листке «Вече» появилась статья под заголовком «Происки масонства». **«В настоящее время в Москве,**— говорилось в ней,— **гостит некто Джемс Перси, англичанин, масон, приехааший в Россию а качестве предстааителя англо-американского масонства, с целью хлопотать о разрешении деятельности масонских лож а России».** Перси **«преисполнен больших надежд».** В частности, **«сотруднику одной москоаской газеты»** он заявил следующее: **«Русские масонские ложи сами не могут просить о своей легализации, но английское масонство можат это сделать: *оно обращается к русскому прааительству, как сила обращается к силе, и думает,* что ему удастся добиться саоего». Автору статьи Перси говорил: «...учение масоноа более близко русскому крестьянину, чем кому бы то ни было другому».**

Естественно, что такие заявления «Джемса» вызвали бурный авторский комментарий: **«Вот что нужно использовать им! В чистый источник души народной хотят алить они ноаую струю грязи... Расчет поистине сатанинский!»** Уверен ли он, Перси, в сочувствии в России своей миссии? **«Да, уверен, я гоаорил за границей со многими русскими масонами и немасонами, и я думаю, что *почва вполне подготовлена».* «Почаа подготоалена. Все тайные пружины масонства нажаты!»** — восклицал вслед за этим автор статьи.

Наконец Перси нанес последний удар: **«Кроме того, проповедь масонства в России саяжет последнюю *с либеральной Англией».*** Это уже был предел: **«Вот где зарыта собака! Идет откровенный подкуп. *Либеральная* Англия поддержит своих русских единомышленников — конституционалистов, а сии последние должны отдать за это на развращение масонам русский народ. Развязная откровенность английского масона, его твердое упование на могущественную поддержку в Петербурге, *где почва подготоалена,* должна внушать нам, русским людям, самые серьезные опасения. Заговор жив, заговор растет, заговор близок к осуществлению».**

Департамент полиции был необычайно чувствителен к таким выпадам, тем более что е кампанию включились и другие газеты.

Недаено в печати, сообщала газета «Старая Москва» 31 декабря 1908 года, последовало официальное опровержение толков о легализации масонства в связи с заявлениями Джемса Перси. Статья называлась «Миновавшая опасность». 23 декабря 1906 года «Новое время» поместило заметку, в которой говорилось, что на квартире Чистякова полиция обнаружила незаконное собрание, участники которого были переписаны. Затем произвели обыск в редакции журнала «Русский франкмасон». Спустя месяц, 26 января 1909 года, та же газета сообщала: **«Несколько аремени назад на Арбате было захвачено незаконное собрание, которое *по некоторым данным называли масонским.* Затем выяснилось, что некий Персиц, признанный человеком безуслоано ередным, был арестоаан и ныне возбужден вопрос об удалении его из Москвы»** (там же, л. 214, 255).

Подчеркнутые нами выражения свидетельствуют о том, что департаменту полиции пришлось бить отбой. Одновременно встал вопрос о том, что делать с Чистяковым и его «предприятием». Признать его не масоном, а простым жуликом значило расписаться в своем провале. Обратное решение также грозило осложнением, так как на суде могла выясниться подлинная картина московского псевдомасонства. В результате было сделано так, как посоветовал исполняющий обязанности вице-директора департамента полиции Виссарионов.

Конечная цель масонства, писал он в письме от 30 декабря 1908 года,— это ниспровержение во всех государствах, в том числе и в России, существующего государственного строя. Поэтому принадлежность к масонству, **«казалось бы, еозможно подвести под признаки 1 ч. 126 ст. Угол. улож., но, принимая во внимание особую конспирацию означенного сообщества, трудность доказать формальным путем задачи масонства, отсутствие каких-либо масонских изданий, хотя бы тайных, кроме разоблачений отпавших от масонстаа, а также и открытие истинных целей масонства только лицом, достигшим высших зааний того или иного ритуала, следует признать, что при аозникновении дела о масонстае, впредь до получения более осязательных доказательств и откровенных показаний, было бы осторожнее приступать к дознаниям по признакам преступлений, предусмотренных ст. 124 Угол. улож.».**

«Масонство» в Москве было ликвидировано в административном порядке. Казалось, конфуз с делом «Джемса» должен был отрицательно сказаться на служебном положении Меца. В действительности все произошло как раз наоборот, его вскоре откомандировали в распоряжение дворцового коменданта для заведования дворцовой охранной агентурой.

II

В 70-х годах XX столетия среди части литераторов и историков вдруг вспыхнул острый интерес к русскому масонству начала века. Одна за другой стали выходить статьи и книги, в которых на все лады расписывалось могущество масонских организаций, коварство их замыслов и приемов...

В книге, посвященной России в годы первой мировой войны («1 августа 1914»), советский историк Н. Яковлев утверждал, что ученые упустили из виду не просто важную, но ключевую проблему, в корне меняющую наши представления о характере политической деятельности и целях русской буржуазии в этот период. В немногих словах концепция Яковлева сводится к двум пунктам: 1) буржуазия в 1914—1917 годах занимала не ура-патриотическую позицию по отношению к войне, выраженную в лозунге «Война до победы», как считали и до сих пор считают все советские исследователи, а, наоборот, пораженческую, направленную против царизма, с тем чтобы вырвать у него и захватить в свои руки политиче-

---

этому, несмотря на энергичные поиски, царская полиция так и не раскрыла этот масонский орден, хотя следила за всеми его высшими офицерами.

После выпуска в 1974 году книги Н. Н. Яковлева «1 августа 1914», в которой автор пересказал сведения о русском политическом масонстве (очень неполные и имеющие ошибки) из книги Дж. Каткова «Февральская революция 1917 г.» (вышла на английском языке в 1967 году в Лондоне), в советской исторической науке началась дискуссия. Академик И. И. Минц и историк О. Ф. Соловьев с трудом допускали существование в России масонства, считали, что оно не оказало никакого воздействия на русскую политическую жизнь и на ход революции. Академик И. И. Минц, ссылаясь на О. Ф. Соловьева, заявил, будто тот «доказал», что все масонство — это полицейская провокация. С другой стороны, белорусский ученый В. Я. Бегун в книге «Рассказы о детях вдовы» (Минск, 1983, 1987) в основном согласился с Н. Н. Яковлевым.

И вот теперь читатель журнала «Родина» познакомился с журнальным вариантом исследования А. Я. Авреха «Масоны и революция». Я, как историк и источниковед, хочу засвидетельствовать исключительную ценность исследований Арона Яковлевича. Прежде у нас были лишь отрывочные сведения (они приведены в двух книгах О. Ф. Соловьева) о том, как полиция следила за масонами. Но там напускалось много псевдозначительного тумана.

Все семь томов дела охранки о масонах, которое А. Я. Аврех добросовестно изучил, не содержат ни единого упоминания об этой организации. Как было бы соблазнительно на таком основании сказать: «Товарищи, раз уж столь изощренная царская охранка не нашла следов масонов, значит, их просто не было! О чем тут говорить? Все это выдумки черносотенцев и монархистов». Но, к чести исследователя, подобного вывода он не сделал. Правда, признав, что масоны в России все-таки были, Аврех затем делает все, чтобы принизить значение их организации, показать ее беспомощность, невлиятельность: и масоны-де не настоящие, а «псевдо», и ложа-то у них не ложа, а «бастард», т. е. ублюдок, недоносок, а кроме того, «масонство в XX веке уже ничего не имело общего с прогрессом, свободомыслием, как это было некогда в некоторых странах».

Конечно! Зачем нам в XX веке при гегемонии пролетариата все эти глупости: «свобода, равенство и братство», интернационализм масонов, терпимость к политическим взглядам и вере другого, способность к компромиссам и соглашениям во имя общих демократических и гуманных целей. Ведь все мы знавм, что только революционный пролетариат был в то время носителем всего прогрессивного, что террор против классового противника — лучшее средство окончательной победы над ним, что абстрактный гуманизм — худший враг рабочего класса и мировой революции, кроме того — «Кто не с нами, тот против нас!!» А тут какие-то масоны.

Однако сейчас в научный оборот вводятся все новые и новые источники о русском политическом масонстве начала XX века, которые позволяют судить обо всей проблеме более объективно и взвешенно. Натан Смит и Нина Берберова — известный эмигрантский литературовед и мемуарист (ее воспоминания «Курсив мой» уже напечатаны у нас в журнале «Октябрь», №№ 10—12 за 1968 год) — провели большую работу по обследованию заграничных архивов в поисках новых источников. Они получили ценную информацию, во-первых, из фондов коллекции Б. И. Николаевского, которая после его смерти в 1966 году поступила на хранение в архив Гуверовского института войны, мира и революции в г. Стэнфорде (Калифорния, США). Во-вторых, выяснилось, что в распоряжении «Великого Востока Франции» находится неразобранный, но чудом переживший годы войны архив русских масонов. Берберова и Смит поехали в Париж, привели в порядок документы, охватывающие период с 1920 по 1970 год, и описали их. За это владельцы архива разрешили им скопировать некоторые бумаги о восстановлении русского эмигрантского масонства во Франции с 1920—1922 годов и ретроспективного характера до начале XX века. В итоге в 1985 году в журнале «Рашен ревью» (США) появилась статья, посвященная дискуссии об источниках по русскому политическому масонству 1906—1918 годов.

В 1986 году Берберова опубликовала в книге «Люди и ложи. Русские масоны XX века» список русских масонов, содержавший 660 фамилий. Хотя значительное число их нуждается в проверке по другим источникам, с первого взгляда перечень ошеломляет: человек сто — активные участники политической жизни России между двумя революциями, революции 1917 года. (Правда, установлено, что примерно тридцать процентов вступили в ложи только в эмиграции.) И тем не менее. Если, скажем, по данным, которые были в распоряжении исследователей до выхода е свет книги Берберовой, можно было утверждать, что в первом составе Временного правительства из 11 человек 4—5 были масонами, то сегодня их число увеличилось до 10! Согласитесь, тут количество переходит в качество.

Миф о том, что масонский орден «Великий Восток народов России» был нерегулярной масонской ложей,— это неправда. Орден создан по всем масонским правилам. Единственное нарушение — заранее не спросили разрешения у «Великого Востока Франции» на самостоятельное ее существование. Второй миф: будто все связи с Францией были разорваны. Нет, они сохранились. Но по просьбе Верховного Совета русских масонов о существовании данной организации во Франции не упоминали.

Нарушение состояло в другом — в том, что не вели письменных документов. Возможно, поэтому полиция не могла найти никаких масонских документов. Правда, зная характер русского интеллигента, трудно допустить, чтобы никто, буквально никто нигде не проболтался и никто ничего, придя домой, не записал. К тому же устав возлагал на секретаря ложи обязанность вести записи решений и ее работ. Пока такие записи не найдены. Несомненно, в письменном виде вырабатывались и рекомендации конвентов, на которых устанавливалась общая линия борьбы с самодержавием. Их тоже надо искать.

Словом, целенаправленный поиск в личных архивах тех общественных деятелей, о которых мы уже достовер-

скую власть и лишь после этого, став хозяином положения, взять курс на военную победу; 2) главным политическим штабом буржуазии, где планировалась, координировалась и осуществлялась эта стратегическая задача, были не ее традиционные партии и организации, а тайная и мощная масонская организация, возникшая в 1915 году и объединившая под своим руководством не только кадетов, прогрессистов и октябристов, но и меньшевистских и эсеровских лидеров. Именно она сыграла большую роль в формировании первого состава Временного правительства; такую же роль она сохранила и в дальнейшем, направляя и определяя его политику в коалиционный период.

Для ответа на вопрос, как в действительности обстояло дело с русским масонством в последнее десятилетие существования царизма, необходимо прежде всего источниковедчески проанализировать имеющиеся документы, с тем чтобы определить степень их достоверности и информативности.

Первым по времени источником о русских масонах были воспоминания И. В. Гессена. Он рассказывает, как во время пребывания в Москве к нему в гостиницу явился Д. И. Шаховской и предложил подняться этажом выше в той же гостинице («Националь») к только что вернувшемуся после долгих лет эмиграции М. М. Ковалевскому.

«Насколько мне известно,— писал Гессен,— Ковалевский и был родоначальником русского масонства конца прошлого века. Русская ложа — отделение французской «Ложи Востока» — была им торжественно, по всем правилам обрядности открыта, а через несколько лет, ввиду появившихся в «Новом времени» разоблачений, была за нарушение тайны надолго усыплена и вновь воскресла уже в нынешнем веке. Но традиции масонства уже в значительной мере выветрились и ложа приобрела оттенок карбонарской. Замечательной для России особенностью было то, что ложа включала элементы самые разнообразные — тут были и эсеры (Керенский), и кадеты левые (Некрасов), и правые (Маклаков), которые в партии друг друга чуждались, и миллионеры-купцы и аристократы (Терещенко, гр. Орлова-Давыдов) и члены ЦК эсдеков (Гальперн), которые открыто ни в какое соприкосновение с другими организациями не входили...

По-видимому, масонство сыграло некоторую роль при образовании Временного правительства. Недоуменно я спрашивал Милюкова, откуда взялся Терещенко, никому до того не известный чиновник при императорских театрах, сын миллионера,— да и еще на посту министра финансов, на который считал себя предназначенным Шингарев, смертельно предпочтением Терещенки обиженный. Милюков отвечал: «Нужно было ввести в состав правительства какую-нибудь видную фигуру с юга России», а потом эта видная фигура вытеснила Милюкова и сама заняла его место министра иностр<анных> дел. А когда это случилось, Милюков говорил: «При образовании Временного правительства я потерял 24 часа (а тогда ведь почва под ногами горела), чтобы отстоять кн. Г. Е. Львова против кандидатуры М. В. Родзянко, а теперь думаю, что сделал большую ошибку. Родзянко был бы больше на месте». Я был с этим вполне согласен, но ни он, ни я не подозревали, что значение кандидатуры как Терещенко, так и Львова скрывалось в их принадлежности к масонству».

Вот все, что сообщил Гессен о масонах. Отметим прежде всего его стремление быть максимально точным: то, чему он был свидетелем лично, автор воспоминаний специально отделяет от того, что ему стало известно из других источников. Также очень осторожен Гессен, когда говорит и о Временном правительстве. Он допускает, но отнюдь не утверждает категорически, что при его образовании масонство сыграло какую-то роль.

Следующий по хронологии источник по дореволюционному русскому масонству — один отрывок из воспоминаний П. Н. Милюкова. Он писал их в последний год жизни (1942), но опубликованы они были лишь в 1955 году. О масонах в них сказано немного. Характеризуя состав Временного правительства, Милюков в числе прочего подчеркнул: **«Связь между Керенским и Некрасовым и двумя неназванными министрами — Терещенко и Коноваловым. Все четверо очень различны и по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли, но их объединяют не одни только радикальные политические взгляды. Помимо этого, они связаны какой-то личной близостью не только чисто политического, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника... Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяет центральную группу четырех. Если я не говорю о ней здесь яснее, то это потому, что, наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом из случайного источника лишь значительно позднее периода существования Временного правительства».**

Приведенная выдержка из воспоминаний Милюкова очень всполошила двух людей — Е. Д. Кускову и А. Ф. Керенского. Последний срочно пересек Атлантику, чтобы специально обговорить с первой созданную Милюковым ситуацию и выработать единую линию по части ее нейтрализации. Об этом мы узнаем из трех писем Кусковой, опубликованных (с купюрами) в книге бывшего меньшевика Г. Аронсона. Эти письма представляют один из краеугольных камней, на котором строится масонское (или антимасонское) здание Каткова, Яковлева и других.

Первое письмо к Вольскому датировано 15 ноября 1955 года. Судя по содержанию и тону, это, по-видимому, ответ на какой-то запрос адресата, связанный как раз с появлением воспоминаний Милюкова. Вольский, вероятно, что-то знал о масонском прошлом Кусковой и решил обратиться к первоисточнику.

Кускова сообщает **«кратко, что было»: «1) «Началось**

но знаем, что они были масонами, даст, на наш взгляд, новые источники. Вспомним также, что, как только А. Ф. Керенский стал министром юстиции, он поручил масону Котляревскому принять архив Охранного отделения. Возможно, кое-что было и уничтожено. Иначе кажется невероятным полное молчание департамента полиции относительно «Великого Востока народов России».

В ноябре прошлого года я получил счастливую возможность сам посидеть в «Гувере» три дня. Все интересующие меня документы были ксерокопированы, и я получил разрешение на их публикацию. Назову лишь несколько из них. Сравнение Устава «Великого Востока народов России» (это первоначальная редакция, утвержденная на конвенте 1912 года) с другими масонскими уставами показывает, что за образец при его разработке был взят устав «Великого Востока Франции». Подлинник представляет собой ротаторный экземпляр. Интересно, что моя аспирантка О. Чуракова нашла точно такую же ротаторную копию в бумагах правого эсера Н. В. Чайковского в фондах так называемого Пражского архива в ЦГАОР СССР.

Вот несколько статей масонского устава 1912 года, утвержденного на первом конвенте «Великого Востока народов России»:

«1. Задачи и цели Ордена. Создание связанного моральной общностью и взаимным доверием братского ордена; братья сохраняют свободу политического действия, но стремятся к утверждению и защите прав человека и гражданина. Обязанности братьев изложены в формуле обещания, даваемого при посвящении. 2. Состав Ордена. Орден состоит из братьев и сестер, посвящаемых одной из лож или делегацией Верховного Совета. 3. Орденские степени. Орден имеет две степени: ученика и мастера. Братья посвящаются первоначально в степень ученика. Братья, доказавшие на деле свою преданность Ордену, усвоившие его традиции и проникшиеся его духом, могут быть посвящены в степень мастера».

Текст клятвы звучал по уставу так:

«Обещаю любить братьев моих масонов. Защищать их в опасности, хотя бы жизни моей грозила смерть. Обещаю хранить орденскую тайну. Не раскрывать существование братства, хотя бы я был спрошен об этом на суде, не раскрывать ничего, что я знаю как брат. Обещаю исполнять постановления ложи и высших масонских властей».

Как формировалась анонимная верховная власть Ордена? Вот порядок избрания Верховного Совета на конвенте:

«Большинством, 7/8 голосов, конвент избирает трех выборщиков. Секретарь Верховного Совета последнего состава подсчитывает голоса и, не оглашая результатов голосований, сообщает выборщикам о состоявшемся избрании. Выборщики избирают затем трех членов Верховного Совета и по избрании таковых слагают с себя полномочия. Избранные три члена Верховного Совета немедленно доизбирают еще трех членов Верховного Совета. В последующем Верховный Совет может доизбирать членов, но с тем, чтобы об-

сразу после поражения революции 1905—1907 гг. 2) «Ничего общего это масонство с заграничным масонством не имеет. Никогда ни в какой связи с ним не состояло на том простом основании, что *это* русское масонство отменило *весь* ритуал, всю мистику и прибавило новые параграфы. 3) Цель масонства: политическая. Восстановить в этой форме Союз освобождения и работать в подполье за освобождение России. 4) Почему выбрана такая форма? Чтобы захватить высшие и даже придворные круги. На простое название политическое они бы не пошли».

В пятом и шестом пунктах говорится о том, что «в отличие от заграничных масонских лож в эту организацию прием женщин «впервые» был разрешен. Весь масонский ритуал — фартуки и прочее — отменен. Посвящение состояло лишь в клятве об абсолютном молчании. Все строилось на доверии, каждая ложа состояла из пяти человек, а затем «конгрессы». Ложи не должны были знать друг друга, но на конгрессах встречались члены разных лож, что позволяло им судить «о размахе движения и его составе». Выход из организации также был обусловлен клятвой: вышедший никогда никому ничего не должен был говорить, просто «заснуть». «Интерес к движению был огромен, и наша пробковая комната (кабинет ее мужа С. Н. Прокоповича, обитый пробкой для звуковой изоляции.— **А. А.**) **действовала вовсю».**

Далее идет очень важный кусок, связанный с Милюковым. **«П. Н. Милюков, *осведомленный* об этом движении, в него не вошел: «Я ненавижу всякую мистику!» Но много членов к-д. партии к нему принадлежали. Но так как Милюков был в центре политики, его *осведомляли* о постановлениях конгрессов. Иногда и сам он прибегал к этому аппарату: надо дескать провести через *него то-то и то-то*».**

Кускова объясняет, почему в организации не оказалось ни одного провокатора: принимались только те, чья честность и высокая мораль не вызывали сомнений. Сомнительные кандидатуры отвергались. Именно поэтому **«до сих пор тайна движения, тайна этой организации не вскрыта. А она была *огромна*. К Февральской революции ложами была покрыта вся Россия».** Сообщив далее, что и теперь «здесь за рубежом есть много членов этой организации. Но все молчат», она объясняет, чем вызвано это молчание даже спустя много лет: «И будут молчать — из-за России еще не вымершей» (т. е. из-за живущих еще в Советской России членов этой организации). Выше она выразила эту же мысль в следующих словах: «Почему нельзя вскрыть это движение? Потому что в России не все члены его умерли. А как отнесутся к живым — кто это знает?»

Бросается в глаза полная взаимоисключаемость свидетельств Кусковой и Милюкова. Тот, как мы помним, утверждал, что узнал о масонской связи Керенского, Терещенко и других спустя ряд лет. Кускова же весьма определенно заявляет, что Милюков не только знал о существовании описанной ею организации, в которую входил и Керенский, но даже давал ей время от времени конкретные задания, то есть косвенно в какой-то мере направлял ее деятельность, хотя сам и не принадлежал к ней.

Второе письмо Кусковой адресовано Л. О. Дан и датировано 20 января 1957 года. Письмо опубликовано не полностью, приведен лишь небольшой отрывок:

«...Всю пятницу с утра до вечернего поезда провела с Ал. Фед. (Керенским.— **А. А.**). **Надо было обсудить, как поступить с упоминанием Милюковым той организации, о которой я Вам говорила... Он очень одобрил то, что я сделала: записав для архива и закрепостив на 30 лет. Он сделает то же самое. Но кроме того в своей книге, которую он пишет, он сделает предисловие, ответив на туманность Милюкова. Ответит лично за себя и от себя, не называя больше ни одного имени. Все это теперь обдумано, и оба согласились о форме, в какой должно быть сделано осведомление. А вот болтовню следовало бы в Нью-Йорке по возможности прекратить. Живы еще люди в России, люди очень хорошие, и их нужно пожалеть»...**

Из письма с полной очевидностью следует, что Кускову, как и Керенского, беспокоил во всей этой масонской истории только один момент — «туманность» Милюкова, а ссылка на еще живущих в России была просто нелепым предлогом: в 1957 году, отделенная от своей страны многими годами эмиграции и грандиозными событиями прошедших лет, Кускова не имела и не могла иметь ни малейшего понятия о том, как обстояло дело с «очень хорошими людьми» вообще. Создается впечатление, что оба собеседника боялись каких-то разоблачений иного плана, связанных с ними лично, к которым, подобно цепной реакции, мог бы привести намек Милюкова.

Третье из опубликованных писем было послано Кусковой тому же адресату менее чем через месяц — 12 февраля 1957 года. Отвечая, по-видимому, на вопрос о том, какой был смысл в создании особой, да еще такой необычной организации, Кускова с явным раздражением писала: **«...Вы забываете, что 9/10 русских людей были не только беспартийны, но они ненавидели партии и партийность. Эту... голую в смысле политическом среду надо было прежде всего вычистить. Этой работой мы и занимались. Она была *очень* трудна...».** Вне всякого сомнения, под «русскими людьми» Кускова разумеет здесь среду земско-либеральную и буржуазную, которая действительно очень плохо поддавалась партийной организации.

«Надо было «взять в наши руки»,— твердит Кускова,— императорское Вольно-экономическое общество, техническое общество, Горный институт и др. Это было проделано блестяще; всюду были там «наши люди»... Пропаганде было где развернуться. Особенно большую роль сыграл Горный институт (Лутугин, Бауман и другие профессора). Без всех этих подсобных учреждений мы не смогли бы так широко провести «Освобождение», банкеты, заявления земцев и т. д. Учительская среда. Весьма косная. Проведение съездов, местных и всероссийских. Кооперация... Все это было

щее их число не превосходило 18. По избрании первых 6 членов Верховный Совет открывает свои работы и избирает секретаря».

Так достигалась тройная степень секретности. Секретарь обладал фактически диктаторской властью и влиянием, поскольку только он знал имена всех председателей лож и от них узнавал списки всех масонов.

Интересны три интервью, которые Б. И. Николаевский взял у Чхеидзе (еще в 1925 году), Гегечкори и Гальперна в 1928 году. Особенно ценно интервью с Н. С. Чхеидзе, просмотренное им самим и завизированное. Депутат III Государственной думы, он был принят в масоны еще в 1909 году! Восемь лет Чхеидзе входил в масонскую организацию и последний раз присутствовал в начале октября 1917 года на заседании Верховного Совета, членом которого он стал в 1912 году. Причем надо ясно представлять себе, что член социал-демократической фракции III Государственной думы меньшевик Николай Семенович Чхеидзе был принят в настоящую, по всем масонским законам открытую масонскую ложу, подчинявшуюся прямо «Великому Востоку Франции», а не в какую-нибудь «ложу-бастард». Ну а если мы сравним подробно рассказанную им процедуру принятия Н. С. Чхеидзе в ложу с аналогичной процедурой из Устава «Великого Востока народов России», то увидим, что они абсолютно одинаковы. Вот вам и «незаконное масонство», «нерегулярная ложа»!

Из воспоминаний Н. С. Чхеидзе:

«Как-то раз, это было в 1910 г. (Е. П. Гегечкори утверждал, что это было в 1909 году.— **Авт.**)**, ко мне подошел член Государственной думы Степанов, левый кадет, и спросил меня, не нахожу ли я возможным вступить в организацию, которая стоит вне партий, но преследует политические задачи и ставит своей целью объединение всех прогрессивных элементов; упомянул он при этом, что для вступления необходимо принятие какой-то присяги и что вообще это связано с некоторым ритуалом. О том, что это масоны, он мне прямо не сказал. Я не был знаком с характером этой организации, равным образом я мало знал и о масонстве вообще, но почему-то — не припомню теперь, почему именно,— сразу догадался, что речь идет о масонской ложе, и тотчас выразил свое согласие. Степанов указал, куда я должен придти, адреса я теперь не помню. В назначенное время я пришел. Меня ввели в отдельную комнату, где Степанов дал мне анкетный листок с рядом вопросов, на которые я должен был ответить (Степанов об этой анкете предупредил меня заранее), и оставил меня одного. Я сел писать ответы. Насколько припоминаю, вопросы были следующие,— приведу, что помню, вместе со своими ответами.**

Как Вы относитесь к семье? **— Признаю ее как ячейку, имеющую воспитательный и объединяющий характер.**

Как Вы относитесь к человеческому прогрессу? **— Признаю, что человечество идет к тому, чтобы стать одной семьей, к этому ведут объективные условия развития человечества, и считаю необходимым всеми силами работать над этим.**

Ваш взгляд на религию? **— Считаю,**

сплошь беспартийно, и в некоторых углах — тамно и антиобщественно» и т. д. Нет необходимости доказывать, что все здесь сказанное к масонству не имело ни малейшего отношения.

Концовка письма заслуживает внимания: **«Керенский должен сделать в своей книге заявление, что с организацией Временного правительства эта организация прекратила свои действия. Не было ни одного конвента, и никакие «давления» на решения Временного правительства эта организация не оказывала. Влияние оставалось разве лишь в личных связях. Но ведь более половины членов Временного правительства к этой организации не принадлежали...»**

Из приведенного текста отчетливо видно, что намек, сделанный Милюковым, беспокоил Керенского (и, надо полагать, также Кускову) в связи с **послефевральскими** делами, а не до и не во время них.

Последняя зарубежная публикация о русских масонах принадлежит некоему Натану Смиту, опубликовавшему отрывок из воспоминаний князя Владимира Андреевича Оболенского, где речь идет о масонах. Рукопись этих мемуаров, озаглавленных «Моя жизнь и мои современники», как сообщает Смит, была начата после 1933-го и закончена, по-видимому, в 1937 году. Оригинал (машинописный текст) находится во владении сына автора Сергея Оболенского, который предоставил исследователю копию.

«После перерыва в три четверти века (с момента запрета в 1822 г.),— начинает Оболенский свой рассказ,— **русское масонство появилось вновь зимой 1910—1911 года, я также стал масоном... Я чувствую даже обязанным написать о том, чего не было, так как я хочу развеять некоторые легенды, которые прочно утвердились в довольно широких кругах. Я знаю, что не смогу убедить тех, которые не могут жить без веры в различные мистические оккультные силы, но я надеюсь, что хотя бы некоторые поверят в мои заявления...**

В русском масонстве я занимал достаточно влиятельную позицию: я был председателем одной из петербургских лож; регулярно избирался делегатом региональных и всероссийских съездов; на всероссийских съездах я три года подряд избирался одним из трех выборщиков Высшего совета, по первому требованию которых председатель ложи должен сообщить имена всех масонов; в течение двух лет я был членом Петербургского регионального совета и его секретарем, в качестве которого я был в контакте со всеми петербургскими ложами; наконец, в течение трех лет я был членом Высшего совета, который управлял всем русским масонством.

Я пишу все это, чтобы было ясно, что в определенный период (с 1913 до конца 1916 г.) я был полностью информирован о всем, что происходило в глубинах русского масонства, и могу заявить с полной компетентностью как о том, что имело место, так и о том, чего не было».

Первым своим долгом Оболенский счел объявить несостоятельными две самые расхожие догмы черносотенных писаний о том, что заправляли масонами большевики и евреи: **«Прежде всего я хочу опровергнуть весьма распространенное мнение о связях большевиков с масонами. В течение моих шести лет в масонстве только один партийный большевик был членом ложи, и он, к тому же, был так мало известен, что его имя не осталось у меня в памяти... Преобладающее влияние евреев в масонстве считается не вызывающим сомнений. Было даже принято называть масонство «жидо-масонством». Я не знаю, насколько многочисленны евреи в масонских ложах других стран. Но среди русских масонов периода перед революцией было мало евреев, хотя двери масонских лож были, конечно, открыты перед ними... Я объясняю это себе тем фактом, что русское масонство рекрутировало прежде всего значительных людей, известных в различных кругах русской прогрессивной общественности. Наиболее выдающиеся евреи, однако, были очень неравномерно распределены среди этих групп. Они имели преимущественное влияние в социалистическом секторе русской интеллигенции, особенно среди социал-демократов — меньшевиков и большевиков. А эти политические течения относились негативно ко всем формам союза с буржуазной демократией, включая масонство... В частности, насколько я помню, не было ни одного еврея в Высшем совете в течение моего трехлетнего пребывания в нем. Таким образом, не могло быть и речи о руководящем влиянии евреев».**

Указание Оболенского на то, что масоны стремились вербовать новых членов прежде всего среди «значительных людей», начиная от либералов и кончая революционерами, следует признать очень важным. Из него автоматически вытекает, что деятелей правого толка, начиная с октябристов, в организации не было, общеполитический уклон ее был явно либеральный.

В заключение Оболенский переходит к главному вопросу, вокруг которого шаманствовали черносотенцы в эмиграции,— к их утверждению, что революцию в России подготовили и совершили именно масоны. **«Совершенно неверно утверждение, что революция в России была подготовлена масонами. Среди масонов были, конечно, люди, которые желали революции и вели революционную пропаганду, но среди них было и много противников (революции). Большинство, к которому принадлежал и я, во всяком случае, отвергало революцию в военное время. Таким образом, масонство как целое не могло содействовать революции. Но, может быть, масоны использовали революцию для той или другой своей цели, пусть даже они не вызвали ее? На этот вопрос также следует ответить отрицательно».**

Большинство, к которому принадлежал Оболенский, могло быть только одно — либерально-кадетское. А кадеты, как известно, прилагали поистине неимоверные усилия, чтобы не допустить революции, мотивируя это тем, что во время переправы не перепрягают лошадей, т. е. революция во время войны приведет к катастрофе. Таким образом, задача масонской организации в целом, как пишет Оболенский, была та же, что и у кадетов, и у «Прогрессивного блока»,— не допустить революции, т. е. обратная тому, что ей инкриминировали обличители «жидо-масонства».

что надо быть терпимым ко взглядам каждого.

Какие пути и методы международных отношений Вы признаете? **— Считаю, что только пути мирного сотрудничества, что только общечеловеческая солидарность и стремление к взаимному пониманию являются основами, на которых должны складываться международные отношения.**

Как Вы относитесь к войне? **— Считаю, что метод решения международных споров путем войн должен быть навсегда и совершенно исключен из списка допущенных.**

— А если нападут на Россию? **— Мы должны стремиться ликвидировать ее (войну.— Авт.)** тем или иным мирным путем.

Какую форму правления Вы считаете наиболее приемлемой для России? — Республиканскую...»

Настоящей находкой являются обширные записи интервью с Александром Яковлевичем Гальперном. Он был видным петербургским адвокатом, меньшевиком, но в отличие от Чхеидзе не занимал в партии какого-либо видного положения. Зато в послужном списке Гальперна есть свидетельство краткого взлета. В 1917 году А. Ф. Керенский, сделавшись председателем Временного правительства в июле, пригласил Гальперна на пост управляющего делами Временного правительства (до Гальперна им был кадет В. Д. Набоков, отец известного ныне писателя). И именно в это время Гальперн после избрания на конвенте 1916 года стал секретарем Верховного Совета ложи «Великого Востока народов России». В воспоминаниях Гальперна изложена история этого масонского ордена. Рассказано о приеме автора в 1911 году еще в обычную — французского подчинения — масонскую ложу, затем о выборах на конвент 1912 года (см. подробнее об этом в декабрьской книжке журнала «История СССР»).

Аврех иронизирует над названием организации: «Никто из так называемых масонов даже не помнит ее точного названия!» Верно, неточности в воспоминаниях масонов и тех, кто знал о существовании организации, были. Но теперь и из устава, и из вновь публикуемых источников мы знаем все точно. Слово «народов» в название ордена было вставлено по требованию украинского масона Грушевского, который заявил, что иначе украинцы выйдут из ордена. Вообще в программе этой организации, насколько можно судить по имеющимся кратким упоминаниям, имелся пункт о перестройке Российской империи в федеративный союз республик. Сторонниками федерации в России были эсеры. Признавая ценность участия эсеров в «Великом Востоке народов России», Грушевский, несмотря на преобладание в составе политических масонов членов кадетской партии, воспринял этот интернационалистский принцип.

Всего в организации (так указывает и А. Я. Аврех) было около 300—400 человек. Масоны не гнались за численностью. Важно было, чтобы вновь вербуемый человек занимал то или иное влиятельное положение в политической партии, профессиональной группе, общественном кружке и пр.

Особенно ценны в воспоминаниях Гальперна свидетельства деятельности

Отвергает Оболенский и их последний тезис о том, что и после Февральской революции масоны заправляли всем и вся. Наоборот, сообщает он, победа революции явилась началом конца масонской организации: **«Революция не объединила русское масонство, наоборот, она раздробила его. Незадолго до революции я покинул Высший совет, и по этой причине деятельность его в ходе революции мне неизвестна. Однако, зная приблизительно его состав, я не могу себе вообразить, чтобы он играл большую роль в революционных событиях, так как его члены состояли в различных взаимно враждующих политических партиях, внутренняя сплоченность которых была гораздо сильнее, чем масонское «братство». Так сильна была в то время вражда между «братьями», что я, например, как председатель одной из петербургских лож, не мог созвать ни одной общей встречи после Февральской революции, поскольку члены моей ложи были просто не в состоянии сесть за общий стол. В других ложах, вероятнее всего, ситуация была такой же. Ко времени большевистской революции и гражданской войны масонство фактически перестало существовать».**

В 1965 году вышла книга А. Ф. Керенского, в которой он, как сообщала Кускова, должен был дать свои разъяснения относительно описанной ею масонской организации. Действительно, несколько страниц книги посвящены масонам.

Вообще говоря, начинает Керенский свой рассказ, он не собирался писать о русском масонстве. Но некоторые «разоблачения», которые появились в русской и нерусской печати в последние годы, заставляют его это сделать. Поскольку он был членом масонского общества, то должен подчеркнуть, что не может обсуждать такие вопросы, как состав, деятельность и цели этого общества, потому что связан торжественной клятвой, которая была взята у него во время его вступления в ложу.

Далее Керенский сообщает еще одну любопытную деталь. Во время его отъезда из России летом 1918 года ему было разрешено открыть существо организации без упоминания каких-либо имен, с тем чтобы, если в прессе появилась бы какая-либо «искаженная версия», сообщить истинные факты. Тогда это не понадобилось, но теперь это время наступило, так как Е. Д. Кускова — масон с длительным стажем и известная политическая фигура — назвала его имя в секретных письмах к своим двум друзьям и рассказала другим политическим лидерам о его членстве в ложе.

Уже эта преамбула вызывает ряд сомнений. Почему, спрашивается, «разоблачения» только последних лет заставляют его взяться за перо, а более ранние, скажем, книга Мельгунова, оставили автора совершенно спокойным? Кстати говоря, о воспоминаниях Милюкова, которые, по словам Кусковой, явились главной причиной обеспокоенности ее и Керенского, последний вообще не говорит ни слова. Второй вопрос связан с пресловутой клятвой. К моменту выхода книги он, вероятно, был единственным из оставшихся в живых членов ложи, так что не от кого и не для кого было хранить тайну. Масонское общество, к которому он принадлежал, целиком стало достоянием истории. А для истории, как свидетельствовала Кускова, они и собирались оставить соответствующие записи в своих архивах.

Кроме того, Кускова уже выдала и тайну общества, и тайну самого Керенского не только своим двум друзьям, но, как оказывается, еще и «другим политическим лидерам». Из этого следует, что нежелание Керенского (а также Кусковой) рассказать толком и достаточно подробно о том, что представляла собой и чем занималась пресловутая масонская организация, вокруг которой они напустили столько тумана, была обусловлена другими причинами, чем те, которые они выставили.

Напрашивается вопрос: почему Кускова и Керенский так настаивали на сохранении тайны своей организации под совершенно несостоятельными предлогами, тогда как на самом деле она целиком уже стала достоянием истории? По-видимому, в истории все и дело. Они боялись предстать перед ней в смешном виде, а это непременно произошло бы, если бы они подробно рассказали об этой секретной организации, в деятельности которой на самом деле не было ничего не только секретного, но и чего-либо значительного.

Появление в России масонских лож в 1908—1910 годах было реакцией части буржуазной интеллигенции на поражение революции и воцарение в стране столыпинского режима, причем реакцией трусливой и приспособленческой. Люди, искренно считавшие себя хотя и не революционерами, но левыми и демократами, а на самом деле дюжинные либералы, так же искренно себя обманывали. Они полагали, что, становясь масонами, не прекращают, а лишь видоизменяют борьбу за свободу. Идея масонства соблазняла их (а вместе с тем и оправдывала), центр тяжести переносился на тайную деятельность, прямые действия сменялись закулисными ходами (привлечение влиятельных в эшелонах власти людей — «графьев и князьев», воспитание «братства» и прочее). Кроме того, те, кто были, скажем, кадетами и прогрессистами, могли оправдаться в собственных глазах и тем, что они по-прежнему остаются в партийных рядах, а участие в масонском движении лишь дополняет их основную политическую деятельность.

Более или менее близка, по-видимому, к истине названная Некрасовым численность масонов в 300—350 человек. Вероятно, наряду с ложами, так сказать широкого профиля, были созданы и думская, и журналистская, и, возможно, другие ложи, организованные по профессиональному признаку. Несомненно, помимо столиц, имелись ложи в некоторых провинциальных городах, например, в Киеве.

Новая масонская организация появилась приблизительно в 1912 году, что вполне объяснимо. Объединяющим стимулом

масонов в годы первой мировой войны и революционных событий 1917 года. Начало войны и решение поддержать оборону страны вызвало раскол в ложах «Великого Востока народов России». Часть масонов вышла из организации, а 10 лож распалось. Вероятно, вышли левые, интернационалистские силы. Удивительно, что Н. С. Чхеидзе остался, ибо он, хотя бы на словах, осуждал войну. К сожалению, сегодняшнее состояние источников не позволяет показать социальный и партийный состав этой отколовшейся части. Это дело будущих исследований.

Совершенным откровением остаются факты о деятельности высшего масонского органа ордена — Верховного Совета «Великого Востока народов России» в ходе революционных событий 1917 года. Гальперн критически относится к утверждению о том, что «масоны сделали Февральскую революцию».

Тем не менее на протяжении революционных месяцев 1917 года Верховный Совет регулярно, примерно раз в месяц, собирался. В разбушевавшемся море народной революции масонам удалось удержать назначения на высшие государственные посты как в центре и на местах, так и за границей. Для выдвижения на посты министров и товарищей министров в основном кадры черпались из масонов. Но при создании третьего коалиционного правительства в конце сентября Керенскому и Гальперну не удалось реализовать свою программу. Пришлось привлекать и немасонов, но людей лично лояльных к Керенскому.

Еще одна тема. Масоны и большевики. Утверждения черносотенцев двадцатых годов и современных правых в нашей стране о том, что большевики и их руководители-евреи все были масонами,— вымысел. Никаких подтверждений этому в известных на сегодняшний день документах нет. Сравните: большевистский принцип с 1903 года — полная самостоятельность политической линии, а в масонском ордене — надо быть терпимым, уважать другую точку зрения, стремиться к компромиссам. Каждый, кто хоть немного знаком с характером и чертами личности В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, поймет, что эти люди просто не могли быть в масонской ложе, где требовалось послушание и беспрекословное выполнение указаний неизвестных высших масонских начальников. (Это же было причиной, почему вступить в масоны никогда не соглашался П. Н. Милюков, хотя его несколько раз звали туда.)

Ленин, требовавший строго выдержанной классовой линии и сурово осуждавший любого отступника в своей среде, ни за что бы не допустил, чтобы партия как целое так или иначе была связана с масонами. Между прочим, Чхеидзе, Гегечкори и Гальперн утверждают, что они вступали в масоны на свой страх и риск, не ставя свою партию в известность об этом. И тем не менее мы знаем сегодня, что по крайней мере три большевика были в ложах «Великого Востока народов России». Это И. И. Скворцов-Степанов, принятый в масонскую ложу в Москве князем С. Д. Урусовым в 1909 или в 1910 году. Затем С. П. Середа, работавший в рязанской ложе. Наконец, Оболенский со-

для части либералов и оппортунистов от «социализма» послужило разочарованием в III Думе, пятилетняя деятельность которой по части «реформ» окончилась полным провалом, и новый мощный революционный подъем.

Именно в это время **правоверные** масоны сознательно создали **«незаконную»** ложу, придав ей исключительно политический характер. Незаконность состояла в том, что ее создание не было санкционировано «Великим Востоком Франции». Как уже указывалось, на какие бы течения ни разбивалось всемирное масонство, для всех их бесчисленных толков и направлений существовал и существует и поныне один общий закон: всякая новая ложа считается истинно масонской только в том случае, если она создана с согласия и уполномочия вышестоящей масонской организации. В противном случае она для масонов просто не существует.

Кто же создал «нерегулярную» ложу и кто в нее вошел? Здесь вполне определенный ответ дает Мельгунов. **«Итак,—** писал он,— **целью ее как будто было политическое объединение. Кто входил в основной кружок? Это трудно точно восстановить, так как масоны 15-го года и по сие время скрывают свое участие, сохраняя «клятву» о конспирации. Но шила в мешке не утаишь. Секрет полишинеля, что в центре были как Некрасов и Терещенко, принимавшие столь близкое участие в организации дворцового переворота, так и Керенский, о котором почти не приходилось еще говорить** (в 1915 г. — **А. А.**), **так как левый фланг русской общественности — социалистический — стоял в стороне от непосредственного участия в заговоре».** Из последних слов видно, что базой объединения, по Мельгунову, поглощенному своей «заговорщической» концепцией, была идея заговора. Но в данном случае это не имеет значения. Главное состояло в том, о чем говорилось выше: **масоном** Некрасовым и другими была образована псевдомасонская ложа совместных политических действий с «социалистическим», т. е. эсеро-меньшевистским флангом русской общественности.

Спрашивается, почему же «новое масонство» избрало еретический путь своего становления, тогда как совершенно доступен был правоверный способ появления на свет божий? Несмотря на войну, получить санкцию из Франции было не так уж трудно. А кроме того и скорее всего, право учреждения новых лож было дано «Великим Востоком» какой-нибудь возникшей под ее эгидой ложе, скажем, столичной «Полярной звезде» или даже отдельным масонам высших степеней. Такой порядок также входил в правила масонской игры.

Кто же воспротивился «регулярности»? Надо полагать, те, для которых эта новая ложа создавалась: тот же Керенский и Чхеидзе, та же Кускова. Как-никак они все-таки были «революционерами», по крайней мере в собственных глазах, а для революционеров прямое приобщение к такому пошлому архибуржуазному по самой своей сути предприятию, каким стало масонство в XX веке, было неуместно, ибо в случае огласки это было бы расценено в революционной среде как настоящее падение. Поэтому они и выдвинули условие: никаких масонских штучек, кроме конспирации, а последняя обеспечивается клятвой,— единственное, что они согласны позаимствовать у масонов. «Нерегулярность» ложи-бастарда обнаруживается и в том, что никто из ее участников и даже руководителей не вспомнил спустя годы точного названия как самой организации, так и ее высшего органа, объединявшего «регулярных» с «нерегулярными» — масонскую гвардию с масонским ополчением. Оболенский именовал этот орган «Высшим советом», Некрасов — «Верховным Советом», а саму организацию — «Масонством народов России», Чхеидзе же — «Союзом народов России».

Псевдомасонская форма была очень удобна для обеих договорившихся сторон. Во-первых, организация оставалась внепартийной, и ее участники в случае чего могли снять с себя обвинение со стороны партийных единомышленников в предательстве, несанкционированных шагах и т. д. — масонство было их личным делом. Во-вторых, такие же удобства она создавала и для партийных боссов: они всегда могли откреститься от нее, заявив, что ничего о ней не знали. Главное же состояло в том, что решения ее региональных и общероссийских конгрессов никого ни к чему конкретно не обязывали. Не случайно, как свидетельствует Керенский, никакой документации на этих конгрессах не велось, и дело здесь было не в конспирации, а в консультативном, информационном по своему существу характере организации. Прикидывали, на чем можно согласиться, пытались сблизить позиции и т. п. и на этом расходились восвояси.

Какую же цель преследовали кадетско-прогрессистские масоны, создав такую своеобразную организацию? Ответ нам уже известен. «**В 1915 году,**— писал Мельгунов,— **явилась мысль о возрождении масонских организаций, инициатива исходила из Киева. И цель была чисто политическая, под внешним масонским флагом хотели достигнуть того политического объединения, которое никогда не давалось русской общественности. Объединение должно было носить характер «левый».**»

Результаты и финал деятельности «лево»-масонской организации были просто жалкими. Да и как могло быть иначе? Сам факт избрания такой формы союза левых либералов и правых «революционеров» для борьбы с царизмом означал на деле отказ от этой борьбы, бегство от нее. Единственное, на чем согласились высокие договорившиеся стороны, был тезис о том, что во время войны революция неприемлема. Таков был действительный «республиканизм» новых масонов.

Встав на путь масонства, Чхеидзе, Скобелев, Соколов, Керенский и другие сами приговорили себя к суду истории. **Масонство в XX веке уже ничего не имело общего с прогрессом и свободомыслием, как это было некогда в некоторых странах. Карбонарский дух из него, как и дух декабризма, выветрился давным-давно.**

Финал закономерен.

общает, что в петроградских ложах был один большевик, один из «незначительных», но имени его не называет. (Только Скворцов-Степанов играл более или менее значительную роль в партии тогда. При его участии проходили переговоры с А. И. Коноваловым (тоже масоном!) о возможном предоставлении денег большевикам в 1914 году для проведения ими VI съезда партии. Знал ли Ленин о масонстве Скворцова-Степанова? Пока этот вопрос остается без ответа.)

И наконец, какое все это имеет значение? Историк Аврех сделал, например, такой вывод: масонская тема есть, а проблемы нет. Иначе говоря, общая марксистская схема расстановки классовых и политических сил в годы реакции и нового подъема, в период первой мировой войны и Февральской революции остается той же. Позволю не согласиться с этим.

Проблема есть. Она заключается в том, что, помимо «открытого слоя» расстановки этих самых сил, был и скрытый. Ораторы разных партий, буржуазных и мелкобуржуазных, обличали друг друга в Государственной думе, а после встречались в ложе за одним столом и писали сценарий следующей «битвы». Это была школа соглашений и компромиссов, репетиция создания классового мира во имя прогресса и быстрого буржуазного развития России. Это был мозговой центр разработки мирного, реформистского пути для России. Историк Аврех ни в одном из своих трудов не допускал даже мысли о возможности мирной, нереволюционной (в социалистическом смысле) альтернативы для России. А она была. Именно ею занимались масоны.

Они постарались, чтобы события Февральской революции после 26 февраля, когда стало ясно, что народное движение уже не остановить никакими силами, пошли как по нотам: за неделю-полторы было создано новое правительство и исполком Совета, его участники встречались в Контактной комиссии, на 90 процентов состоявшей из тех же масонов.

В. И. Ленин на Петроградской общегородской конференции большевиков 14 апреля 1917 года отмечал, что у революции появился союзник в лице буржуазии. **«Это привело к тому, что революция вышла так, как никто не ожидал. Мы получили союзников не только в лице русской буржуазии, но и англо-французских капиталистов. Когда я говорил это же в реферате за границей,—** сказал Ленин,— **мне один меньшевик сказал, что мы были не правы, ибо-де оказалось, что буржуазия нужна была для успеха революции. Я ему ответил, что это было «необходимо» лишь для того, чтобы революция победила в восемь дней»** (Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 239—240). Но и это немало, если вспомнить, что первая революция за три года не могла справиться с царским самодержавием. А тут за восемь дней сладили — фактически за 4 дня: от восстания 27 февраля до отречения Николая II и Михаила Александровича 3 марта. И 2 марта уже сидело правительство из 11 человек, 10 из которых были русскими политическими масонами. Вот где проблема! Почему и как это случилось — на эти вопросы должны ответить последующие исследования.

СИНДРОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ «РОБИНЗОНАДЫ»

В этом номере историк Сергей Иванович Васильцов открывает новую рубрику журнала, которую мы будем вести постоянно. Проблемы, сходные с нашими, знакомы и остальному миру. Какое место занимает СССР среди других стран на планете в той или иной области, как решались или решаются похожие на наши задачи за рубежом — об этом и пойдет речь.

Сергей ВАСИЛЬЦОВ, доктор исторических наук

Издревле известно: все познается в сравнении, в сопоставлении себя с другими, окружающими, близкими и дальними. Но именно этого зачастую нам и недостает.

На протяжении многих и многих десятилетий в ходу оставалась концепция некой абсолютной несхожести нашего общества с окружающим его миром. Доказывалась уникальность любой возникающей у нас ситуации, ее фатальная самобытность. А если исключения и делались, то часто чтобы выяснить: насколько близко следуют нам в той или иной части света.

В сознание народа внедрялся стереотип, который можно было бы назвать синдромом политической «робинзонады». На общем мировом фоне страна наша рисовалась в глазах ее же обитателей чем-то вроде затерянного в историческом океане острова, попавшим на который самой судьбой предначертано всё начинать по-своему и сначала. Не только на обыденном уровне, но и в публицистике, в научной среде — то есть там, где обычно «делают» мнение нации,— утвердился весьма специфический метод сравнения нас и остального, особенно капиталистического, мира: все свое выпячивалось, поднималось на пьедестал, все чужое низводилось до ничтожества.

И хотя времена изменились, иной сделалась сегодня господствующая точка зрения и вроде бы выяснилось, что нам доступны не только «остров» а одну шестую часть вселенской суши, но и богатство всего мирового «материка», синдром, напоминающий судьбу героя Д. Дефо, отнюдь не исчезает. Наоборот, внешне видоизменившись, он лишь усилился, окреп. И ныне уставшему от жизненных разочарований и невзгод соотечественнику с ничуть не меньшей настойчивостью объясняют, указывая на лежащие где-то там, на грани доступного его взгляду горизонта, чужие и плохо известные земли, что именно они и есть средоточие всех благ, достоинства, покоя, которых нашей земле изначально-де недостает. Да и способ доказательства по сути своей остается тот же: только теперь свое активно затаптывается, дабы чужое выглядело и выше, и реальней.

Покуда в ходу будет «островной» взгляд на себя и окружающих, нашему обществу придется еще долго биться между неуемными восторгами и глобальными отречениями...

И самое теперь время взглянуть на многие из волнующих нас событий, как на органическую часть целостного, разворачивающегося на общем мировом уровне процесса разноликого, но всеобъемлющего обновления, в котором каждая страна (а также их группировка) занимает свое,— в конечном счете не худшее или лучшее,— а именно ей исторически доставшееся место.

Возьмем хотя бы столь острую для нас — как, впрочем, и для большинства стран социализма — проблему авторитета и влияния правящих партий. Ряд социологических обследований, проведенных нами в разгар избирательной кампании [1], дает весьма широкий спектр критических оценок в ее адрес:

«Что это за руководящая партия, которая не руководит и не направляет на путь совершенствования общество? Пока — что с приходом каждого нового генсека мы узнаем лишь об ошибках и негативах предшествующих, а с ними и всего общества в целом. А где они были прежде?»

«Нет принципа равенства коммунистов. Много привилегированных членов партии, которые пользуются особыми правами вершить судьбы людей и иметь особые для себя блага, жить и работать в дворцах, отвлекая для этого средства от медицинского обслуживания, детских учреждений и т. д.».

«Это партия, которая узурпировала власть и довела Россию до полного краха».

«Отношусь к КПСС, как к своему нашкодившему ребенку...»

Но вот насколько уникально это положение, можно судить, лишь обратившись к ситуации в других странах, в частности того же Запада. Сделаем это и убедимся: симптомы кризиса политической партии как таковой прослеживаются практически во всех регионах мира, затрагивают организации всех «цветов» и направлений. Так, скажем, в Италии, Испании и даже ФРГ им отказывают ныне в доверии до **половины граждан.**

Упадок переживает и выросший на партийной почве «политический класс». Во всяком случае, сколь-либо серьезные симпатии к нему продолжают питать лишь **от 3 до 24% итальянцев, англичан, американцев или испанцев.** Так что весьма «умеренным» в этом свете выглядит неизбрание на Съезд каждого пятого партийного функционера. Просматривается в этом и своеобразная примета времени.

В категоричной, подчас с перехлестом форме меняются в общественном сознании оценки пройденного нашей страной пути. *«Старое общество разрушили, нового жизнеспособного не создали; интересы народа... принесли в жертву абстрактным политическим идеям»*,— констатируют **свыше 50 процентов** опрашиваемых лиц.

Упадок общественного доверия очевиден. А вот то, что очень близкие настроения присущи и чуть ли не **половине обитателей стран ЕЭС,** разочарованных «функционированием» существующей у них демократии, как правило, теряется из виду. А ведь натыкаясь на трудности, лежащие на нашем пути к демократизации, стоило бы взглянуть на опыт иных народов по-своему, но сумевших одолеть его и вынести немало поучительного.

Испания всего полтора десятилетия назад избавилась от тоталитаризма и за этот срок успела пережить и вспышку эйфории от вновь обретенных свобод, и глубокое разочарование в завоеванном. Ее опыт открывает нам главное: ни самые совершенные институты парламентаризма, ни предельная «открытость» политической жизни и идеологии (в стране этой существуют и действуют до четырех сотен организаций), ни гарантия свобод — ничто не в состоянии снять напряженность в обществе, коль скоро неудовлетворенными остаются, казалось бы, житейские, будничные, даже «низменные» потребности и заботы людей. И назревает поворот к прошлому. Не случайно же не менее **трети населения этой страны,** как, впрочем, и многие из жителей ФРГ и Италии, что называется, всей душой поддерживая демократию, отмечают: в условиях кризиса диктатура действовала бы успешней.

Не грозит ли что-либо подобное и нашему обществу, в котором гласность и открытость на страницах газет и экранах телевизоров столь беззастенчиво контрастирует с пустыми полками магазинов и пробуксовками реформ и в городе, и на селе?..

Правда, у нас вроде бы есть и политические, и духовные резервы для позитивного воздействия на общество, есть увлекающие людей идеи. Скажем, проблема многопартийности, преподносимой порою чуть ли не в качестве

[1] Здесь и далее использованы результаты опросов, проведенных путем анкетирования в Москве, Владимире, Иркутске и Улан-Уде в конце апреля — начале июня 1989 г. группой ученых-политологов в составе доктора исторических наук С. И. Васильцова, В. И. Селезнева и Г. Е. Мазурина, а также данные зарубежных исследований.

панацеи от всех неурядиц и бед. Вопрос этот, конечно же, нуждается в отдельном обсуждении. Но ясно — решать его должен лишь естественный ход общественного развития, а никак не «введение» плюрализма сверху, все тем же командным путем. Тем более что пока в многопартийности усматривают будущее для нашей политической системы **немногим более трети граждан.**

Может показаться, что уж здесь-то мы наверняка расходимся с общей мировой тенденцией плюрализации общества. Однако не все столь просто. Так, почти **каждый второй житель Италии или Испании** (стран, где политические партии сегодня имеются в достатке) настаивает в наши дни на кардинальном сокращении их количества. Причина — подтачивающие, на их взгляд, основы социальной и политической стабильности эгоизм и противоборство этих организаций.

К тому же куда более привлекательным путем укрепления общества видится многим людям и в капиталистическом, и в социалистическом мире совсем иное решение: сильный политический лидер.

Конечно, действуя с привычной поспешностью, все это можно отнести к врожденной «недемократичности» нашего народа. Ну что же, перспектива развития этих умонастроений на путях авторитаризма вполне — при определенных обстоятельствах — вероятна. Но видеть только ее одну было бы столь же ошибочно, как и сводить все плоды провозглашенных Великой французской революцией лозунгов свободы, равенства и братства лишь к гильотине, на деле ставшей (нравится нам это или нет) одним из главных символов той поры.

И все же вернемся к ставшему в наши дни почти общим местом вопросу: насколько приоритет лидера над общественными институтами есть специфическая черта русской, а «по наследству» и советской политической культуры. Вновь обратимся к реалиям Запада и без труда найдем там весьма близкую, если не подобную ситуацию: для одних стран, таких, как США или Франция, давно уже ставшую традиционной; для других, скажем, Италии, Испании либо Греции, возникшую сравнительно недавно. А значит, персонификация политики, при всех национальных «версиях» данного явления — никак не сугубо национальный феномен.

Все дело, как нам представляется, заключается в изменении самой логики общественного развития, происходящем в соответствии с диктатом научно-технической революции, виток за витком разворачивающейся в современном мире. Завершается целый исторический этап, на котором главным субъектом политической истории выступала некая аморфная масса населения, самим развитием социальной и экономической сферы — всеохватной индустриализацией и обслуживавшей ее потребности миграцией населения — собираемая в больших городах и промышленных центрах. Сбивая ядро трудящихся на крупных по преимуществу производствах, они тем самым как бы естественным путем формировали потенциальные и реальные контингенты последователей партии и профсоюзов. Последним, по логике вещей, оставалось лишь организационно и идейно их «охватить», «просветить», «зажечь». (Вспомним, так ли давно одним из главных источников пополнения рядов КПСС у нас были пресловутые лимитчики?)

Новый, современный этап общественного развития, как бы заново «тасуя» социальные и политические структуры, резко повысил независимость и самостоятельность индивидуума, подорвал основы всей этой за столетие устоявшейся модели взаимодействия партий и масс. Причем оказалось, что ни одна из общественных систем не была к тому готова. Да и сам человек воспринял этот перелом (особенно вначале) преимущественно негативно — как внезапный распад привычных, сросшихся с его общественной сутью связей с окружающими, как обособленность, личную ненужность. И стал обвинять в случившемся тех, кого еще недавно поддерживал и уважал,— все те же партии.

Именно на возникшем здесь разломе — между новым «качеством» личности и традиционно обезличенным, опосредуемым бюрократизированной партийно-политической системой характером ее связей с обществом — и образовалась объективная основа для переживаемого сегодня всем миром острого кризисного состояния, отражающего в конечном счете неизбежные издержки «перелива» нашей цивилизации в новое, более высокое «качество».

Процесс, осознаваемый на уровне идеологии как «очеловечение» политики, крайней формой которого сделалась апология политического лидера.

В итоге как на Западе, так и на Востоке — в том числе и в СССР — **от трети до половины населения** делают сегодня ставку (в том числе и на выборах) не на партии как таковые — с их программами, традициями, классовыми корнями,— а на личность руководителей, индивидуальные качества кандидатов. Симптоматично, что даже идеи многопартийности, имеющие у нас свыше трети сторонников, заметно уступают другой, более сильной потребности. *«Дело не в количестве партий,—* так определяет свою позицию каждый **второй опрошенный,—** а *в том, чтобы у руководства стоял энергичный деятель...»*

Остается лишь найти среди окружающих, выдвинуть такого человека, что, как показывает мировая практика, совсем не просто. И образец для подражания люди начинают изыскивать... в прошлом. Как бы заново оживают те или другие исторические личности; в их образе выделяются лишь некоторые, порою вовсе не главные, но имеющие ныне высокое «прикладное» значение черты. Прежде всего решительность, умение навести порядок, способность к быстрому и эффективному действию.

Вот почему весьма устойчиво сохраняется в представлениях каждого **четвертого, а то и третьего нашего соотечественника** (это утверждает серия советско-французских и советско-американских опросов) образ Сталина как выдающегося деятеля отечественной истории. Причем доля таких, судя по всему, растет. А попытки выдвинуть альтернативные фигуры — скажем, Н. И. Бухарина,— способные вытеснить заново мифологизируемый образ Сталина из массового сознания, успеха не имеют.

Явление это очень многоплановое, непростое. В данном случае хотелось бы заметить только одно: свести все к констатации «патриархально-тоталитарных» свойств, якобы присущих культуре русского, да и всего нашего народа, было бы недопустимым упрощением. В первую очередь следовало бы задаться вопросом: действительно ли подобные отклонения в общественном сознании характерны только для нас? И тогда многое встает на свои места.

Обращение к политическим реалиям таких государств, как Италия, ФРГ, Испания, покажет, что и там **30—40% населения** склонны сейчас искать примеры политической решимости и энергии в Муссолини, Гитлере, Франко. Выяснится, что во Франции образцом государственного деятеля вновь стал генерал де Голль. А за годы нелегких испытаний, выпавших Польше, на вершину иерархии общественных престижей оказался возведен Пилсудский как восстановитель национальной государственности. Уместно вспомнить и торжественное перезахоронение Имре Надя и его соратников в Венгрии. И это притом, что негативные черты этих людей, их преступления и проступки перед своими народами и человечеством вроде бы и не упускаются из виду, но как бы оттесняются в тень перед потребностью сегодняшнего дня в мифе лидера. А попытки прямолинейного развенчания таких деятелей дают нередко результат, обратный желаемому. Люди лишь проникаются уверенностью: здесь «что-то есть» хотя бы потому, что дискредитировавшие себя власти так резко отзываются о том или другом человеке. Примером может служить весьма неоднозначный итог той упрощенно-«тоталитарной» антисталинской кампании, которую зачастую ведут у нас органы массовой информации. За ее продолжение в существующем ныне виде высказывается всего **18% населения.** В то время как позицию остальных можно свести к следующему:

«Все, что нам говорят о 30-х годах и Сталине, в целом верно, однако осуждение его не должно перерастать в огульное отрицание всех достижений народа, как это нередко случается. Приковывая наше внимание к нему, кое-кто пытается отвлечь людей от сегодняшних проблем и безобразий».

Кто это — сталинисты? Отнюдь. Согласно тем же данным, за Сталина, окажись он (или похожий на него кандидат) в избирательном списке, готовы отдать свои голоса только **2% этих же людей...**

Свидетельства общности разворачивающихся в мире процессов можно прослеживать и дальше. В полосе воздействия массовых эмоций оказываются сегодня многие из ныне здравствующих государственных людей. Рейган, Тэтчер, Кракси, Гонсалес — все они в разной степени играют либо уже сыграли свою роль в структурной перестройке стран Запада. Горбачев, Ярузельский остаются в фокусе общественных преобразований в мире социализма.

Причем одной из главных функций современных политических лидеров оказывается (кроме всего прочего) воспитание, укрепление, развитие, корректировка национального самосознания, переживающего в наши дни бурный и противоречивый рост повсеместно в мире.

И это понятно. Распад привычного положения вещей под воздействием процессов обновления (особенно на начальной, самой болезненной, деструктивной их стадии) заставляет человека, у которого, как ему начинает казаться, жизненная почва уходит из-под ног, цепляться за «вечные», идущие в глубь истории его народа традиции и культурные корни. И чем масштабнее перестройка в обществе, тем жестче действует это правило, тем мощнее всплески национального самовыражения.

Естественно, в различных странах и регионах это протекает по-разному. Но даже в США, население которых будто бы давно уже переплавилось в какую-то вненациональную общность, сегодня практически **каждый житель** (исключая, если верить социологам, лишь одного из ста) твердо сознает свою вторую наряду с общей американской национальную, а вернее, этническую принадлежность. И держит в памяти, откуда прибыли в Новый Свет его отдаленные предки.

Что же тут говорить о европейских странах, где чувство национальной особости содержит ныне и немалую долю общественного вызова? Так, среди жителей, скажем, Бельгии себя предпочитает считать не бельгийцами, а фламандцами, валонами или брюссельцами почти **половина населения.** Свою причастность к единой испанской нации отвергает **каждый второй обитатель Басконии, Галисии или Балеарских островов в Испании.** И даже в Великобритании не менее **двух третей шотландцев** или **уэльсцев** с упорством не признают себя англичанами.

Даже мощный унификационный процесс, определяющий в наши дни жизнь Западной Европы, вовсе не значит для ее обитателей стирания национальных границ. Наоборот, как раз само объединительное движение видится им как *«единственный способ защитить нашу национальную, историческую, культурную сущность, наши национальные экономические интересы перед лицом вызова со стороны великих мировых держав».* Во всяком случае, именно так определило свою позицию **подавляющее большинство** (исключение всего 20%) **граждан стран ЕЭС** в ходе последнего, приуроченного к выборам в Европарламент опроса.

Странно, конечно, было бы отрицать и наличие серьезных особенностей в развитии и решении национального вопроса в отдельных регионах и государствах мира. Есть они и у нашего общества. И главная, на наш взгляд,— нарастающее и чреватое взрывами высвобождение национальных чувств не только на «периферии», но и в исторической метрополии страны — в России. Самобытна и форма общественной реализации этого явления — не втягивание в него других, не самоутверждение через навязывание им своего, а, наоборот, обособление, погружение в себя, тенденция к духовной самоизоляции.

Настало время, полагают **две трети наших сограждан,** касаясь вопросов помощи иным странам, все силы бросить на решение своих задач. *«Русским сейчас не до других,—* утверждает **треть российского населения,** касаясь роли и места своей республики в Союзе,— *им надо решать собственные проблемы».*

Немалую пищу для размышлений дают в этой связи те надписи и приписки к анкетам, которые накопились в ходе социологических опросов, донося неотлакированный голос российской глубинки:

«Нет любви и уважения к самим себе. Откуда же недруги будут любить нас?»

«Русофобия — из-за наднациональности бюрократии... Каждый народ должен развивать свои силы самостоятельно, не мешая другим и не мешаясь с другими искусственно, т. е. сверху, в угоду умозрительным теориям единого населения».

«Нас ненавидят потому, что мы нищие. Нас презирают те, кто паразитировал на нас. Нас не уважают потому, что наше правительство видит в нас рабов».

«Если происходит неприязнь к русским, то только потому, что считают: страной правят русские, они и виноваты».

Настроения, не имеющие аналогий среди наций, составляющих этническое ядро других великих держав. С учетом подобных мнений не так уж и странно начинает выглядеть прилюдное размышление с трибуны Съезда писателя В. Распутина о том, а не выйти ли самой России из состава СССР... Понятнее делается и другое событие, невиданное при жизни по меньшей мере трех поколений советских людей,— всеобщая забастовка, начатая горняками Кузбасса, в ходе которой российский пролетариат, идя вразрез с исторической традицией, по сути дела, размежевал свои интересы и интересы остальной части общества. Есть тут над чем поразмыслить.

Тем более что все это вызрело на крайне тонком пока еще слое исторического и национального самосознания. В то время как большинство, до **80—90% американцев, японцев, французов, западных немцев** и других живет и действует во всеоружии «врожденной» убежденности в своем первенстве и в деле развития научно-технического прогресса, и в вопросах «прошлого, культуры, истории», дающих-де им право на особое место в истории цивилизации, наши соотечественники практически не в состоянии дать столь же полную оценку вкладу в мировую культуру их собственного народа. В том, что их Родина имеет все права гордиться своей наукой, духовностью, искусством, местом, занимаемым в мире, решаются говорить при социологических обследованиях от силы **3—6% граждан.** Даже по сравнению с родственной нам славянской Польшей историческое сознание русских выглядит сильно обкраденным. В то время как «средний» поляк в состоянии и оценивать, и сравнивать роль исторических деятелей и события, происходящие еще в X—XI вв., наши соплеменники редко погружаются в историю дальше эпохи Петра.

В сущности, уцелел лишь стержневой — огосударствленный или державный — слой национального исторического сознания, опирающийся на имена-символы Ленина, Петра I, Кирова и маршала Жукова, которых бы и ныне желала видеть у руля правления страной решающая **(от 25 до 50%)** часть наших современников. Именно этот основополагающий ныне элемент национального самосознания, имеющийся, заметим, практически и у всех других народов мира, всегда играл у нас мощное политически созидающее действие, выступая в ключевые моменты истории регулятором отношений в обществе.

Именно он вынуждал бывших царских генералов идти на службу революции, заново воплотившей идею государственности на новой идейной и социальной почве; именно это чувство делало из эмигрантов и их (никогда не видавших России) детей самых отважных бойцов бельгийского или французского Сопротивления; оно же помогало выдерживать народу все тяготы послевоенных восстановительных периодов.

Но это же вошедшее в плоть и кровь народа сознание неразрывной сопричастности к судьбам державы сыграло, очевидно, и трагическую роль, понизив его сопротивляемость к разного рода экзекуциям и социально-экономическим «экспериментам».

«Достигнуты большие социально-экономические успехи,— констатирует сегодня, оглядывая пройденный страной путь, почти каждый **пятый наш соотечественник,—** *однако дорогой ценой: народ надорвался».*

И в наши дни это державное по своей сути и общественной функции сознание, распрямляясь, способно,— даже действуя на чисто эмоциональном уровне,— оттолкнуть народ от партии и от идей социализма, если те окажутся, на его взгляд, несводимыми с потребностями сохранения и обережения целостности и единства государства. Первые свидетельства тому уже имеются. И не замечать, не удовлетворять эту «государственническую» потребность национального сознания,— значит не ощущать диктат всей исторической традиции, которую можно на время задавить, можно, отчасти модернизировав, видоизменить, но нельзя ликвидировать, не уничтожив при этом ее физического и духовного носителя — сам народ. Что, как мы знаем, не раз пытались сделать, скажем, в те же времена сталинизма, но всегда бессильны были довести «до конца».

Раздел ведет кандидат исторических наук
Владимир НИКИТИН

ИЗ МОСКВЫ НА ПОЛЕВЫЕ УЧЕНИЯ

Сто лет тому назад, когда, как известно, еще не было телевидения, а фотография только пробивала себе дорогу на страницы иллюстрированных журналов, естественную потребность человека в визуальной информации удовлетворяли фотографические альбомы. Виды городов и царская охота, экзотические страны и убранство дворцов, памятные события и архитектурные ансамбли — всего не перечислишь. Многие из старых фотоальбомов уничтожены, но некоторые уцелели. Об одном из них сегодня рассказывает сотрудник отдела использования Центрального государственного архива кинофотодокументов (ЦГАКФД) СССР А. Юськин.

Первых фотографов восторгало, что с помощью их аппаратуры можно «остановить мгновение» и намного быстрее, чем в живописи, создать отпечаток происходящих событий. Лишь значительно позже фотомастера научились проникать за внешнюю оболочку, показывая не только лицо, но и душу. Повседневная жизнь человека, его отношения с другими людьми, бытовая обстановка — все это стало достоянием жанровой фотографии. «Жанр — живая современность»,— говорил известный художественный критик В. В. Стасов.

Характерная особенность русской жанровой фотографии — глубокий интерес к жизни народа. Мир прекрасных образов, «России облик незабвенный» сохранили для последующих поколений признанные мастера фотографии А. О. Карелин, К. К. Булла, М. П. Дмитриев и другие. Но известность и признание не всегда бывают наградой за творческое горение. Среди русских фотографов было много подвижников, имена которых оказались в забвении.

Прекрасным образцом жанровой фотографии последней чет-

верти XIX века можно назвать творчество малоизвестного фотографа Полякова. Его работы, собранные в альбом «Лагерь под Можайском. 38 драгунский Владимирский полк. 1885 год», хранятся в фонде Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР (ЦГАКФД СССР).

Под каждым снимком надпись — «Фотография с натуры художника Полякова». Инициалов автора нет. Вероятно, мастер принадлежал к московской группе фотографов. К сожалению, пока мы ничего больше о нем не знаем.

Поляков называет себя художником. В этом нашла отражение характерная черта русской фотографической школы. На раннем этапе развития фотографии в России многие профессиональные художники пробовали свои силы в новом виде искусства и... не могли расстаться с ним. Так, А.О. Карелин, окончивший Академию художеств, стал высококлассным фотографом. Тонкий художественный вкус «новичков» позволял им после освоения специфических навыков фотодела наполнять работы глубоким духовным содержанием. В этом убеждаешься, глядя на фотографии Полякова.

Снимки, представленные в альбоме, связаны с рядовым событием. Драгунский полк в августе 1885 года вышел маршем из Москвы на полевые учения. Под Можайском был разбит полковой лагерь, и в течение нескольких дней проводились «большие маневры». Но даже в этом ординарном событии глаз фотомастера увидел много интересного. Его сюжеты незатейливы, но удивительно, как раскованно чувствуют себя перед объективом действующие лица. Полный эффект съемок «скрытой камерой». Но это лишь иллюзия. В конце прошлого века громадный аппарат на треноге и длительная выдержка не позволяли фотографу превратиться в невидимку.

Знаменательно, что Поляков не увлекается помпезными картинами — массовые баталии, строевые игры... Его притягивает внутренний мир человека, который лучше всего проявляется в бытовых сценках армейских будней.

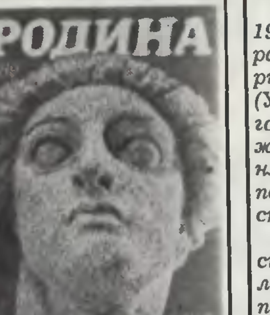
Альберт ЮСЬКИН

В публикации использованы фотодокументы ЦГАКФД СССР

ВОЗРАЖЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ

В редакционной почте есть письма, авторы которых не соглашаются с той или иной точкой зрения, высказанной в наших публикациях, спорят, приводят свои аргументы и факты. Для этих писем в журнале и заводится новая рубрика. Итак, возражения принимаются.

«Пусть возродится обелиск Свободы»



Меня смутила статья Татьяны Шульгиной «Пусть возродится обелиск Свободы», опубликованная в первом номере «Родины». Как и автор статьи, я сожалею о взорванном в 1941 году обелиске Свободы, но не могу равнодушно читать и о том, что этот обелиск, в свою очередь, был выполнен из уничтоженного в 1918 году памятника генералу Скобелеву. Скобелев, герой русско-турецкой войны, сражавшийся за освобождение Болгарии от турецкого ига, был любим простым русским солдатом и не пользовался особым расположением царя. Меня возмущает поступок скульптора Б. Лаврова, который использовал бронзу фигуры Скобелева для отливки из нее досок к обелиску. Не будь оперативного Лаврова, глядишь, и сохранился бы памятник Скобелеву до наших дней. И, может быть, был бы восстановлен где-нибудь в Москве. Слышал, что в Болгарии-то стоит!

В. САЗОНОВ,
пенсионер
Химки, Московская область

«Как все просто!»

Мнение Киры Корнеенковой, высказанное в третьем номере вашего журнала, где она пыталась реабилитировать Сталина, обращаясь к прессе 30—40-х годов, настолько наивно, что не может быть принято всерьез людьми моего поколения, пережившими ту эпоху.

Мне сейчас 79 лет. Весну и лето 1930 года я работал в Бакарицком районе Архангельского порта, который был частью лагеря Усевлон'а (Управления северных лагерей особого назначения). Здесь, в районе, окруженном колючей проволокой и охраняемом войсками НКВД, проходила погрузка экспортного леса на иностранные морские суда.

Механизации не было никакой, сплошной ручной труд. Даже тяжелые тележки с лесом, которые прежде подвозились к судам лошадьми, здесь передвигались командами заключенных по 8—10 человек. Не раз при мне и на глазах у иностранных моряков заключенные пытались бежать, бросаясь в ледяную — даже летом — воду Двины или пробираясь вдоль железнодорожных путей. По беглецам стреляли. И убивали.

Однажды утром, выйдя на работу, мы увидели, что порт бездействует. Все 14 пароходов, еще вчера под погрузкой стоявших вдоль набережной, отошли от причалов и бросили якоря на середине реки. Судовладельцы и капитаны иностранных судов протестовали против применения принудительного труда заключенных. Вскоре лагерь был выведен из района порта, и погрузкой стали заниматься только вольнонаемные. А ведь в это же время наша пресса отрицала появившиеся в зарубежной печати данные о жестокой эксплуатации в СССР заключенных и уверяла, что принудительного труда у нас нет и в помине.

В мае того же 1930 года в холодных, неотапливаемых складах доживали несколько десятков человеческих теней, в основном женщин и детей старшего возраста — те, кто остался в живых из 3 тысяч неработоспособных членов семей раскулаченных узбеков, таджиков и туркмен, завезенных сюда в 1929 году. Большинство их умерло от голода и холода в архангельскую зиму 1929/30 года.

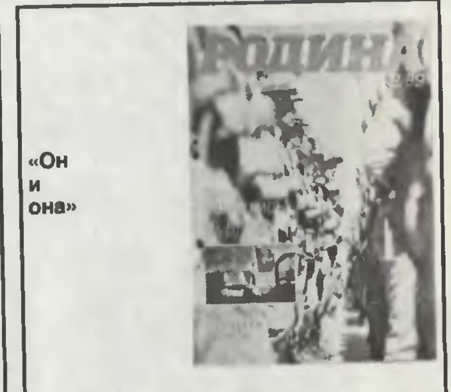
Осенью 1936 года в течение месяца я работал вольнонаемным инженером на территории Воркутинского лагеря Усевлон'а и видел, как унижалась и уничтожалась советская интеллигенция, осужденная «тройками» НКВД без суда и следствия по 58-й статье Уголовного кодекса.

Кира Корнеенкова цитирует данные нашей печати тех лет об освобождении заключенных после окончания строительства Беломорско-Балтийского канала. На Воркуте в 1936 году я встречался с инженерами, строившими этот канал, и знаю, что освобождение касалось только уголовников! Она приводит данные о том, что «враги народа» из краевого руководства Азово-Черноморского края «под видом борьбы с саботажем в колхозах лишали колхозников хлеба», и, узнав об этом, Сталин якобы дал указание направить туда хлеб. Мы и тогда знали, по слухам, разумеется, о голоде в ряде самых хлебородных областей, о вымирании целых деревень. И связывали эту трагедию с «успехами сплошной коллективизации», проведенной Сталиным.

Верить всему, что печаталось в нашей прессе в течение тех десятилетий, нельзя. Разумные люди не верили и тогда, но молчали, опасаясь попасть туда, откуда многие не возвращались.

М. ПУРЫШЕВ,
ветеран войны и труда
Алма-Ата

«Он и она»



Во втором номере журнала «Родина» прочитала статью под заголовком «Он и она». В ней подобраны любопытные среднестатистические данные о населении нашей страны. Читала и удивлялась. Ну как, из чего можно выводить среднемесячную зарплату, которая, по данным публикации, составила 202,9 рубля у рабочих и служащих, а у колхозников 170,2 рубля? Ведь мы, кажется, боремся с уравниловкой? Зачем миллионеров приравнивать к низкооплачиваемым, которые тянут свой бюджет от зарплаты до зарплаты? Или от пенсии до пенсии, как мы с мужем. Я получаю 66 рублей в месяц, а муж, инвалид детства, 55 рублей. Для чего же высчитывается «средний» на человека вклад в сбербанках?

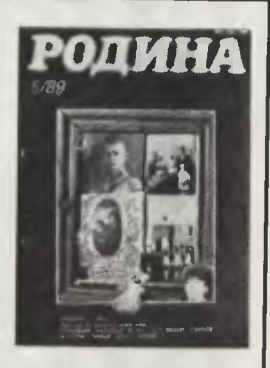
Можно ли серьезно говорить о среднем потреблении мяса — 64 кг в год, яиц — 272 штуки на человека? И как прокормиться на пенсию в 66 или 55 рублей? Из магазина, где висит колбаса стоимостью от 8 руб. за килограмм и выше да мясо по 4.50 за килограмм, я выхожу с суповым набором за 90 копеек. А как же быть с одеждой, обувью, мебелью и т. д.?

Все эти заботы в семьях, и особенно в малообеспеченных, ложатся на женские плечи. Нескончаемые материальные проблемы, сложности быта приводят к разладу в семьях, разводам, которых, по той же статистике, ежегодно на каждые 2,7 миллиона браков приходится 950 тысяч.

Цифра тоже средняя. Но красноречивая.

Е. КРАВЧЕНКО,
ветеран труда
Коломна, Московская область

«Был ли Сталин агентом охранки?»



В пятом номере журнала «Родина» опубликована статья Б. И. Каптелова и З. И. Перегудовой «Был ли Сталин агентом охранки?». Авторы утверждают, что «сотрудничество Сталина с царской охранкой не подтверждается».

Разрешите не согласиться с этим однозначным выводом и высказать свои соображения. В статье частично публикуется подлинный документ из фонда Центрального государственного архива Октябрьской революции[1]. Однако немаловажное значение имеет и то, что копия этого документа находится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в фонде Серго Орджоникидзе. Ясно, что только серьезные причины могли побудить Орджоникидзе хранить в своих бумагах материал охранки, в котором говорилось, что, поименованный «Коба» оставался в Москве лишь одни сутки, обменялся с секретной агентурой сведениями о последних событиях партийной жизни...»

Случайно ли авторы статьи не упоминают о существовании этой копии? Давно ли она там?

Вызывает возражение и подход к источнику. При его анализе не указывается, что кличка агента «Портной» вписана в машинописный текст от руки (кем? когда?). А ведь на том, что «Портной» — кличка Малиновского, авторы основывают свой вывод — Сталин, в то время член ЦК РСДРП(б), имел право информировать другого члена ЦК даже и о сугубо секретных партийных делах.

*Не удовлетворяет и характер цитирования. Он явно тенденциозен, направлен на то, чтобы сделать парадоксальный вывод: передача Сталиным сведений «скорее всего определялась интересами партии». Представляется, что не случайно авторы опускают те строки документа, где содержатся сведения, которые при всем желании невозможно объяснить простой беседой двух деятелей большевистской партии. Восстановим одну из пропущенных частей текста: «**3) В С-Петербурге удалось сформировать Северное областное Бюро, в состав коего вошли три человека А) некий Калинин, участвовавший в стокгольмском партийном съезде (с фамилиями «Калинин» в работах означенного съезда принимали участие двое: а) Калинин, работавший на Семянниковском и Обуховском заводах за Невской заставой, около 25—27 лет от роду, низкого роста, среднего телосложения, светлый блондин, продолговатое лицо, женатый и б) административно высланный в 1910 году из Москвы кр. Яковлевской волости Корчевского уезда Тверской губернии М. И. Калинин, монтер городского трамвая); Б) столяр Правдин, работавший с 1907 по 1908 г. на Балтийском судостроительном заводе. Его приметы — около 30—32 лет от роду, среднего роста, полный, сутуловатый, блондин, без бороды, большие усы, сильно обвисшие с мешками щеки и В) совершенно невыясненное лицо**» [*].*

Читая столь «ценные» сведения, невольно задаешься вопросом: были ли они нужны кому-нибудь, кроме агентов охранки, для целей сыска, для заполнения жандармских досье?

Полный текст документа тайной полиции ставит под сомнение и многие утверждения Б. И. Каптелова и З. И. Перегудовой, высказанные в их статье в апреле 1989 года в «Вопросах истории КПСС» № 4. Опровергая публикацию пятидесятых годов в журнале «Life», авторы пишут, в частности, что отсутствие указания на должность и чин начальников царской полиции, подписавших письмо или донесение, наводит на мысль о фальсификации. Но ведь в представленном ныне подлинном документе охранки подпись А. Мартынов — также без указания на должность и чин.

В последнее время в нашей печати стали появляться отдельные сведения и статьи об Александре Орлове — генерале НКВД, который остался в 1938 году на Западе. Среди его разоблачений злодеяний Сталина есть страницы, посвященные рассказу о документах, которые раскрывают зловещую роль Сталина как агента царской тайной полиции [1]. Знаменательно утверждение А. Орлова о том, что Сталин действовал в охранке через Малиновского, совместно с ним, а затем и против него, чтобы самому подняться по полицейской иерархической лестнице.

*Еще одно утверждение Орлова ныне подкрепляется документально. Он писал, что часть донесений Сталина, датируемых 1912 годом, касалась четвертой Государственной думы. В неопубликованной части документа охранки об этом говорится: «**в) Общее наблюдение за делом поручить одному из представителей социал-демократической думской фракции, предоставив последнему право голоса, участия и вмешательства во все без исключения стороны дела; на означенную роль намечен член Государственной Думы от Московской губернии — Малиновский**».*

Обращал внимание А. Орлов и на подозрительную легкость побегов Сталина. Об этом же написал Лазебников в «Советской культуре» 16 июня 1988 года на основании воспоминаний Б. И. Иванова, который был в Туруханском крае в ссылке вместе со Сталиным.

Б. И. Каптелов и З. И. Перегудова отводят от Сталина подозрения на том основании, что Я. М. Свердлов тоже, как известно, бежал из ссылки. Однако именно трудности в организации побегов показывают, насколько сложными и опасными они были. Помогали Я. М. Свердлову близкие друзья, опытные конспираторы Л. П. Серебряков, И. Д. Чучурин, Кучменко, местные жители — крестьяне. И все же однажды во время побега Я. М. Свердлов едва не погиб в бурных водах Енисея. А вот о некоторых побегах Сталина ничего не было известно.

Нельзя согласиться и с утверждением о том, что документы охранки, в которых Сталин назван «автором агентурных сведений», не компрометируют его, так как подобные строки относились и к И. Е. Вольнову, несомненно честному революционеру. Приводя в пример Ивана Вольнова, авторы, вероятно, не знают, какую драматичную роль сыграло жандармское донесение в его судьбе. Ему пришлось мучительно доказывать свою невиновность.

Перечисляя многочисленные комиссии, разоблачавшие агентов-провокаторов, следует упомянуть о том, что в Февральскую революцию бумаги охранки в прямом смысле слова горели, в огне погибли многие, возможно, важнейшие документы.

Нельзя не согласиться, что «одиозность кровавого палача не освобождает нас от необходимости скрупулезного, точного анализа всякого обвинения, предъявленного Сталину». Но эти требования прежде всего подразумевают научную достоверность исследования, отсутствие произвольного цитирования, тенденциозного замалчивания, открытое признание того, что если и нет пока возможности сделать окончательный вывод о роли Сталина в деятельности царской охранки, то все более многочисленные факты не оправдывают, а изобличают его в тягчайшем преступлении. Тем более, что и в этом истоки сталинизма.

З. СЕРЕБРЯКОВА,
доктор исторических наук

---

[1] МВД. Начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве. Ноябрь 1912 года, № 306442, г. Москва. Особый отдел 13 ноября 1912, вход. № 33766, лл. 43—44.

[*] Цитируется тот же документ, л. 44.

[1] 93 Congress. 1-st Session. Us governement printing office. Washington: 1973, pp. 142, 143.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ПЕРЕЛОМ ОБОЗНАЧЕН

Сергей СТАНКЕВИЧ, кандидат исторических наук, народный депутат СССР.

Примечательной чертой эпохи перестройки, похоже, становится наконец реабилитация интеллекта и профессионализма в качестве необходимых атрибутов власти.

Давно ли ценилось превыше всего не умение мыслить и делать дело, а способность проводить в жизнь некую почти мистическую «идейную линию»? Давно ли за руководство жульнически выдавалось регулярное произнесение ритуальных заклинаний, а за двойными дверями кабинетов монументально возвышались разнолико-одноликие держатели и непущатели, которые с одинаковым нулевым успехом могли руководить чем угодно — театром или институтом, баней или министерством.

Постепенно начинает отходить в прошлое органически свойственное сталинско-брежневскому казарменному социализму засилье бездарных, но лояльных посредственностей на всех этажах общественной системы. Специалист, профессионал, ученый, талантливый практик, иными словами — Мастер, так долго был нежелательной персоной, что возвращение этой вечно гонимой фигуры в коридоры власти пока воспринимается как сенсация. Завтра, надеюсь, это станет нормой.

Как обнадеживает появление академика Л. И. Абалкина во главе Государственной комиссии Совмина СССР по экономической реформе! Как неистощимо изобретателен в своей поистине неблагодарной роли министр финансов В. С. Павлов — доктор экономических наук! Сколь эрудирован и дальновиден доктор юридических наук С. С. Алексеев, направляющий деятельность ключевого в Верховном Совете СССР Комитета по законодательству, законности и правопорядку! Как ответственно бескомпромиссен профессор-биолог Н. Н. Воронцов, единственный беспартийный член правительства, занявший пост председателя Госкомприроды! Без веских слов экономистов Г. Х. Попова, А. М. Емельянова, В. А. Тихонова, Г. И. Фильшина, К. Д. Прунскене, эколога А. В. Яблокова, юристов А. А. Собчака и К. Д. Лубенченко уже невозможно представить себе наш нарождающийся законодательный процесс. Вместе с тем в череде членов правительства, прошедших утверждение в Верховном Совете, увы, немало людей прежнего, функционерского типа. Перелом обозначен, но не завершен.

Истоки сегодняшних бед отчетливо видны в истории. Хотел бы привести для иллюстрации выдержки из писем блестящего русского ученого В. И. Вернадского. Обращаясь в июле 1929 года к своему проживавшему в США сыну Георгию Вернадскому, автору трудов по истории России и весьма критической биографии Ленина, Владимир Иванович подчеркивал одну из важнейших черт набиравшей тогда силу сталинщины — воинствующее неприятие интеллекта, фатальное падение уровня культуры на всех этажах управления: «Встречаешь людей, которые верят, что в 5 лет будет достигнут «рай» — перегоним Америку. Задачи поставленные интересны, и опыт направления огромных капиталов на государственно-научное строительство — провозвестник будущего. Но все уничтожается в корне ВЫБОРОМ ЛЮДЕЙ. Выбирают благонадежных, а не талантливых и знающих. При этих условиях неудача почти несомненна».

В следующем письме В. И. Вернадский так дополнял картину «великого перелома»: «Сейчас в России страшное время — идет террор, борьба против христианства, бессмысленная жестокость, идет несомненно столкновение с русским крестьянством. Машина коммунистическая действует прекрасно, воля огромная — но мысль остановилась и содержание ее мертвое. А затем малограмотные, ограниченные и бездарные люди во главе — а затем огромное количество воров и мошенников... Их очищают, но они лезут лавиной, понижая все более уровень». (Подлинники писем хранятся в архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке, США.)

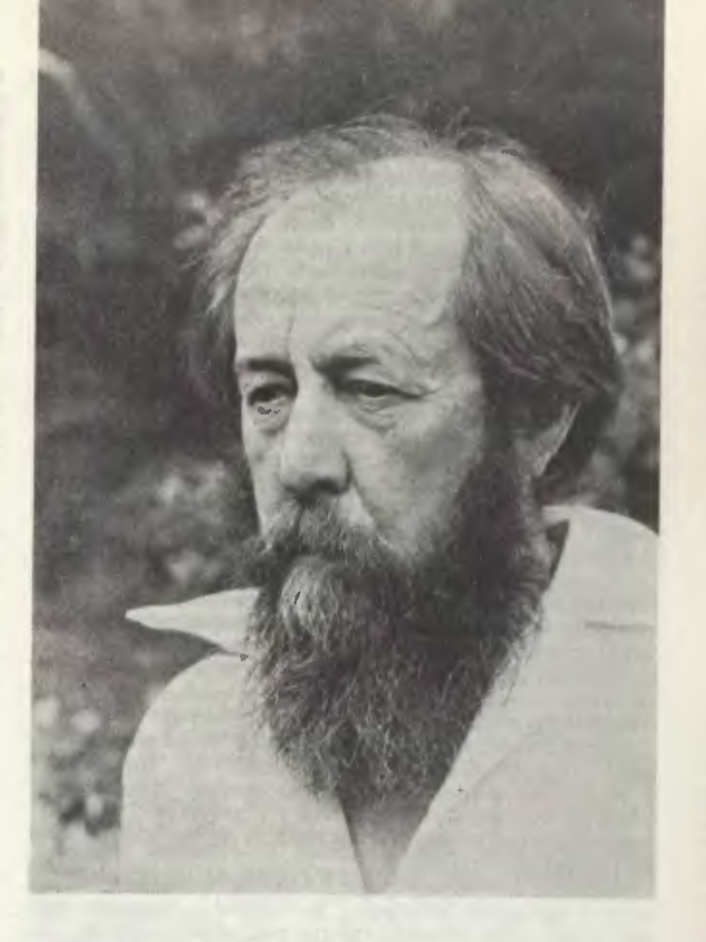
Думается, есть все основания прислушаться хотя бы сейчас к предостережению великого ученого-гуманиста. Особенно тем, кто лелеет корыстную мечту вновь, как не раз бывало в истории нашей многострадальной Родины, столкнуть рабочих, крестьян с интеллигенцией, спровоцировать новый пароксизм холодной гражданской войны. Нынешние лихорадочные попытки загнать трудящихся в «объединенные фронты», направить их справедливое недовольство против «оторвавшейся от народа» интеллигенции — последняя ставка обанкротившихся функционеров административно-командной системы, смертельно испугавшихся свидания с избирателями на местных выборах. Напрасные надежды! Место встречи изменить нельзя.

В последнее время идет немало споров о том, каким преобразованиям — экономическим или политическим — следует отдавать приоритет. Я убежден, что культура должна получить первенство над экономикой и политикой. Преодоление варварства и беспамятства, очищение от мертвящих догм — эти задачи даже сложнее, чем ломка бюрократических структур. Иным реформаторам кажется, что достаточно сменить указания, обновить лозунги, сформулировать очередной курс, и общество, как рота солдат на марше, лихо повернет в нужном направлении. В реальной истории так не бывает. Действительно, глубоким общественным переворотам всегда предшествуют (или сопутствуют) кардинальные сдвиги в общественном сознании, изменения в культуре.

Хочется предостеречь и от недооценки такого мощного фактора, как социальная инерция. Постепенно наступает усталость от новизны, непредсказуемости событий, невиданных лозунгов и беспрерывных конфликтов, от напористой гласности с потоком информационного негатива. Растет ностальгия по былой определенности. Возникает потребность в лидере, который наведет порядок железной рукой. Консервативному откату, как и перестройке, предшествуют сдвиги в сознании. Боюсь, что такие симптомы уже налицо, и они нарастают. Нужны честные и умные голоса, решительные действия в защиту пока еще скромных завоеваний, в поддержку той новой культуры, которая соединит времена и оплодотворит наше будущее.

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

ПРАВАЯ КИСТЬ



В ту зиму я приехал в Ташкент почти уже мертвецом. Я так и приехал сюда — умирать.

А меня вернули пожить ещё.

Это был месяц, месяц и ещё месяц. Непуганая ташкентская весна прошла за окнами, вступила в лето, повсюду густо уже зеленело и совсем было тепло, когда стал и я выходить погулять неуверенными ногами.

Ещё не смея сам себе признаться, что я выздоравливаю, ещё в самых залётных мечтах измеряя добавленный мне срок жизни не годами, а месяцами,— я медленно переступал по гравийным и асфальтовым дорожкам парка, разросшегося меж корпусов медицинского института. Мне надо было часто присаживаться, а иногда, от разбирающей рентгеновской тошноты, и прилегать, пониже спустив голову.

Я был и таким, да не таким, как окружающие меня больные: я был много бесправнее их, и вынужденно безмолвней их. К ним приходили на свидания, о них плакали родственники, и одна была их забота, одна цель — выздороветь. А мне выздоравливать было почти что и не для чего: у тридцатипятилетнего, у меня не было во всем мире никого родного в ту весну. Ещё не было у меня — паспорта, и если б я теперь выздоровел, то надо было мне покинуть эту зелень, эту многоплодную сторону — и возвращаться к себе в пустыню, куда я сослан был н а в е ч н о, под гласный надзор, с отметками каждые две недели, и откуда комендатура долго не удабривалась меня и умирающего выпустить на лечение.

Обо всём этом я не мог рассказать окружающим меня *вольным* больным.

Если б и рассказал, они б не поняли...

Но зато, держа за плечами десять лет медлительных размышлений, я уже знал ту истину, что подлинный вкус жизни постигается не во многом, а в малом. Вот в этом неуверенном переступе ещё слабыми ногами. В осторожном, чтоб не вызвать укола в груди, вдохе. В одной не побитой морозом картофелине, выловленной из супа.

Так весна эта была для меня самой мучительной и самой прекрасной в жизни.

Всё было для меня забыто или не видано, всё интересно: даже тележка с мороженым; даже подметальщик с брандспойтом; даже торговки с пучками продолговатой редиски; и уж тем более — жеребёнок, забредший на травку через пролом в стене.

День ото дня я отваживался отходить от своей клиники и дальше — по парку, посаженному, должно быть, ещё в конце прошлого века, когда клались и эти добротные кирпичные здания с открытой расшивкою швов. С восхода торжественного солнца весь южный день напролёт и ещё глубоко в жёлто-электрический вечер парк был наполнен оживлённым движением. Быстро сновали здоровые, неспешно расхаживали больные.

Там, где несколько аллей стекались в одну, идущую к главным воротам,— белел большой алебастровый Сталин с каменной усмешкой в усах. Дальше по пути к воротам, с равномерной разрядкой расставлены были и другие вожди, поменьше.

Затем стоял писчебумажный киоск. Продавались в нём пластмассовые карандашики и заманчивые записные книжечки. Но не только деньги мои были сурово считанные,— а и книжки записные у меня уже в жизни бывали, потом попали *не туда*, и рассудил я, что лучше их никогда не иметь.

У самых же ворот располагались фруктовый ларёк и чайхана. Нас, больных, в полосатых наших пижамах, в чайхану не пускали, но загородка была открытая, и через неё можно было смотреть. Живой чайханы я в жизни не видал — этих отдельных для каждого чайников с зелёным или чёрным чаем. Была в чайхане европейская часть, со столиками, и узбекская — со сплошным помостом. За столиками ели-пили быстро, в испитой пиале оставляли мелочь для расплаты и уходили. На помосте же, на цыновках под камышёвым тентом, натянутым с жарких дней, сидели и полёживали часами, кто и днями, выпивали чайник за чайником, играли в кости, и как будто ни к каким обязанностям не призывал их долгий день.

Фруктовый ларёк торговал и для больных тоже — но мои ссыльные копеечки поёживались от цен. Я рассматривал со вниманием горки урюка, изюма, свежей черешни — и отходил.

Дальше шла высокая стена, за ворота больных тоже не выпускали. Через эту стену по два и по три раза на день переваливались в медицинский городок оркестровые траурные марши (потому что город — миллионный, а кладбище было — тут, рядом). Минут по десять они здесь звучали, пока медленное шествие миновало городок. Уда-

Рассказ публикуется с позволения автора.

ры барабана отбивали отрешённый ритм. На толпу этот ритм не действовал, её подёргивания были чаще. Здоровые лишь чуть оглядывались и снова спешили, куда было нужно им (они все хорошо знали, что́ было нужно). А больные при этих маршах останавливались, долго слушали, высовывались из окон корпусов.

Чем явственней я освобождался от болезни, чем верней становилось, что останусь жив, тем тоскливей я озирался вокруг: мне уже было жаль это всё покидать.

На стадионе медиков белые фигуры перебрасывались белыми теннисными мячами. Всю жизнь мне хотелось играть в теннис, и никогда не привелось. Под крутым берегом клокотал мутно-жёлтый бешеный Салар. В парке жили осеняющие клёны, раскидистые дубы, нежные японские акации. И восьмигранный фонтан взбрасывал тонкие свежие серебринки струй,— к вершинам. А что за трава была на газонах! — сочная, давно забытая (в лагерях её велели выпалывать как врага, в ссылке моей не росла никакая). Просто лежать на ней ничком, мирно вдыхать травяной запах и солнцем нагретые воспарения — было уже блаженство.

Тут, в траве, я лежал не один. Там и сям зубрили мило свои пухлые учебники студентки мединститута. Или, захлёбываясь в рассказах, шли с зачёта. Или, гибкие, покачивая спортивными чемоданчиками,— из душевой стадиона. Вечерами неразличимые, а потому втройне притягательные, девушки в нетроганых и троганых платьицах обходили фонтан и шуршали гравием аллеек.

Мне было кого-то разрывающе жаль: не то сверстников моих, перемороженных под Демьянском, сожжённых в Освенциме, истравленных в Джезказгане, домирающих в тайге — что не нам достанутся эти девушки. Или девушек этих — за то, чего мне им никогда не рассказать, а им не узнать никогда.

И целый день гравийными и асфальтовыми дорожками лились женщины, женщины, женщины! — молодые врачи, медицинские сёстры, лаборантки, регистраторши, кастелянши, раздатчицы и родственницы, посещающие больных. Они проходили мимо меня в снежно-строгих халатах и в ярких южных платьях, часто полупрозрачных, кто побогаче — вращая над головами на бамбуковых палочках модные китайские зонтики — солнечные, голубые, розовые. Каждая из них, промелькнув за секунду, составляла целый сюжет: её прожитой жизни до меня, её возможного (невозможного) знакомства со мной.

Я был жалок. Исхудалое лицо моё несло на себе пережитое — морщины лагерной вынужденной угрюмости, пепельную мертвизну задубенелой кожи, недавнее отравление ядами болезни и ядами лекарств, от чего к цвету щёк добавилась ещё и зелень. От охранительной привычки подчиняться и прятаться спина моя была пригорблена. Полосатая шутовская курточка едва доходила мне до живота, полосатые брюки кончались выше щиколоток, из тупоносых лагерных кирзовых ботинок вывешивались уголки портянок, коричневых от времени.

Последняя из этих женщин не решилась бы пройтись со мною рядом!.. Но я не видел сам себя. А глаза мои не менее прозрачно, чем у них, пропускали внутрь меня — мир.

Так однажды перед вечером я стоял у главных ворот и смотрел. Мимо стремился обычный поток, покачивались зонтики, мелькали шёлковые платья, чесучовые брюки на светлых поясах, вышитые рубахи и тюбетейки. Смешивались голоса, торговали фруктами, за загородкою пили чай, метали кубики — а у загородки, привалившись к ней, стоял нескладный маленький человечек, вроде нищего, и задыхающимся голосом иногда обращался:

— Товарищи... Товарищи...

Пёстрая занятая толпа не слушала его. Я подошёл:

— Что скажешь, браток?

У этого человека был непомерный живот, больше, чем у беременной — мешком обвисший, распирающий грязно-защитную гимнастёрку и грязно-защитные брюки. Сапоги его с подбитыми подошвами были тяжелы и пыльны. Не по погоде отягощало плечи толстое расстёгнутое пальто с засаленным воротником и затёртыми обшлагами. На голове лежала стародавняя истрёпанная кепка, достойная огородного пугала.

Отёчные глаза его были мутны.

Он с трудом приподнял одну кисть, сжатую в кулак, и я вытянул из неё потную измятую бумажку. Это было угловато написанное цепляющимся по бумаге пером заявление от гражданина Боброва с просьбой определить его в больницу — и на заявлении искоса две визы, синими и красными чернилами. Синие чернила были горздравские и выражали разумно-мотивированный отказ. Красные же чернила приказывали клинике мединститута принять больного в стационар. Синие чернила были вчера, а красные — сегодня.

— Ну что ж,— громко растолковывал я ему, как глухому.— В приёмный покой вам надо, в первый корпус. Пойдёте, вот, значит, прямо мимо этих... памятников...

Но тут я заметил, что у самой цели силы оставили его, что не только расспрашивать дальше и передвигать ноги по гладкому асфальту, но держать в руке полуторакилограммовый затасканный мешочек ему было невмочь. И я решил:

— Ладно, папаша, провожу, пошли. Мешочек-то давай.

Слышал он хорошо. С облегчением он передал мне мешочек, налёг на мою подставленную руку и, почти не поднимая ног, полозя сапогами по асфальту, двинулся. Я повёл его под локоть через пальто, порыжевшее от пыли. Раздувшийся живот будто перевешивал старика к переду. Он часто тяжело выдыхал.

Так мы пошли, два обтрёпыша, тою самой аллеей, где я в мыслях брал под руку красивейших девушек Ташкента. Долго, медленно мы тащились мимо тупых алебастровых бюстов.

Наконец, свернули. По нашему пути стояла скамья с прислоном. Мой спутник попросил посидеть. Меня тоже уже начинало подташнивать, я перестоял лишку. Мы сели. Отсюда и фонтан было видно тот самый.

Ещё по дороге старик мне сказал несколько фраз и теперь, отдышавшись, добавил. Ему нужно было на Урал, и прописка в паспорте у него была уральская, в этом вся беда. А болезнь прихватила его где-то под Тахиа-Ташем (где, я помнил, какой-то великий канал начинали строить, бросили потом). В Ургенче его месяц держали в больнице, выпускали воду из живота и из ног, хуже сделали — и выписали. В Чарджоу он с поезда сходил, и в Урсатьевской — но нигде его лечить не принимали, слали на Урал, по месту прописки. Ехать же в поезде никак ему сил не было, и денег не осталось на билет. И вот теперь в Ташкенте добился за два дня, чтобы положили.

Что он делал на юге, зачем его сюда занесло — уж я не спрашивал. Болезнь его была по медицинским справкам запетлистая, а если посмотреть на самого, так — последняя болезнь. Наглядясь на многих больных, я различал ясно, что в нём уже не оставалось жизненной силы. Губы его расслабились, речь была маловнятна, и какая-то тускловатость находила на глаза.

Даже кепка томила его. С трудом подняв руку, он стянул её на колени. Опять с трудом подняв руку, нечистым рукавом вытер со лба пот. Куполок его головы пролысел, а кругом, по темени, сохранились нечёсанные, сбитые пылью волосы, ещё русые. Не старость его довела, а болезнь.

На его шее, до жалкости потончавшей, цыплячьей, висело много кожи лишней, и отдельно ходил спереди трёхгранный кадык.

На чём было и голове держаться? Едва мы сели, она свалилась к нему на грудь, упершись подбородком.

Так он замер, с кепкой на коленях, с закрытыми глазами. Он, кажется, забыл, что мы только на минутку присели отдохнуть и что ему надо в приёмный покой.

Вблизи перед нами серебряной нитью взвивалась почти бесшумная фонтанная струя. По ту сторону прошли две девушки рядом. Я проводил их в спину. Одна была в оранжевой юбке, другая в бордовой. Обе мне очень понравились.

Сосед мой слышно вздохнул, перекатил голову по груди и, приподняв жёлто-серые веки, посмотрел на меня снизу сбоку:

— А курить у вас не найдётся, товарищ?

— И из головы выкинь, папаша! — прикрикнул я.— Нам с тобой хоть не куря бы ещё землю сапогами погрести. В зеркало на себя посмотри. Курить!

(Я сам-то курить бросил месяц назад, еле оторвался.)

Он засопел. И опять посмотрел на меня из-под жёлтых век снизу вверх, как-то по-собачьему.

— Всё ж-таки, дай рубля три, товарищ!

Я задумался, дать или не дать. Что ни говори, я оставался ещё зэк, а он был как-никак вольный. Сколько я лет там работал — мне ничего не платили. А когда стали платить, так вычитали: за конвой, за освещение зоны, за ищеек, за начальство, за баланду.

Из маленького нагрудного кармана своей шутовской курточки я достал клеёнчатый кошелёк, пересмотрел бумажки в нём. Вздохнул, протянул старику трёшницу.

— Спасибо,— просипел он. С трудом держа руку приподнятой, взял эту трёшницу, заложил её в карман — и тут же его освобождённая рука шлёпнулась на колено. А голова опять упёрлась подбородком в грудь.

Помолчали.

Перед нами за это время прошла женщина, потом ещё две студентки. Все трое мне очень понравились.

Годами так бывало, что ни голоса их не услышишь, ни стука каблучка.

— Ещё удачно получилось, что вам резолюцию поставили. А то б и неделю тут околачивались. Простое дело. Многие так.

Он оторвал подбородок от груди и повернулся ко мне. В глазах его просветился смысл, дрогнул голос, и речь стала разборчивее:

— Сынок! Меня кладут потому, что я заслуженный человек. Я ветеран революции. Мне Сергей Мироныч Киров под Царицыным лично руку пожал. Мне персональную пенсию должны платить.

Слабое движение щёк и губ — тень гордой улыбки — выразилась на его небритом лице.

Я оглядел его тряпьё и ещё раз его самого.

— Почему ж не платят?

— Жизнь так полегла,— вздохнул он.— Теперь меня не признают. Какие архивы сгорели, какие потеряны. И свидетелей не собрать. И Сергей Мироныча убили... Сам я виноват, справок не скопил... Одна вот только есть...

Правую кисть — суставы пальцев её были кругло-опухшие, и пальцы мешали друг другу — он донёс до кармана, стал туда втискивать,— но тут короткое оживление его прервалось, он опять уронил руку, голову и замер.

Солнце уже западало за здания корпусов, и в приёмный покой (до него оставалась сотня шагов) надо было поспешить: в клиниках никогда не было легко с местами.

Я взял старика за плечо:

— Папаша! Очнись! Вон, видишь дверь? Видишь? Я пойду подтолкну пока. А ты сможешь — сам дойди, нет — меня подожди. Мешочек твой я заберу.

Он кивнул, будто понял.

В приёмном покое — куске большого обшарпанного зала, отгороженном грубыми перегородками (за ними где-то была здесь баня, переодевальня, парикмахерская), днём всегда теснились больные и измирали долгие часы, пока их примут. Но сейчас, на удивленье, не было ни души. Я постучал в закрытое фанерное окошечко. Его растворила очень молодая сестра с носом-туфелькой, с губами, накрашенными не красной, а густо-лиловой помадой.

— Вам чего? — Она сидела за столом и читала по всей видимости комикс про шпионов.

Быстренькие такие у неё были глазки.

Я подал ей заявление с двумя резолюциями и сказал:

— Он еле ходит. Сейчас я его доведу.

— Не смейте никого вести! — резко вскрикнула она, даже не посмотрев на бумажку.— Не знаете порядка? Больных принимаем только с девяти утра!

Это она не знала «порядка». Я просунул в форточку голову и, сколько поместилось, руку, чтоб она меня не прихлопнула. Там, отвесив криво нижнюю губу и скорчив физиономию гориллы, сказал блатным голосом, пришипячивая:

— Слушай, барышня! Между прочим, я у тебя не в шестёрках.

Она сробела, отодвинула стул вглубь своей комнатёнки и сбавила:

— Приёма нет, гражданин! В девять утра.

— Ты — прочти бумажку! — очень посоветовал я ей низким недоброжелательным голосом.

Она прочла.

— Ну, и что ж! Порядок общий. И завтра, может, мест не будет. Сегодня утром — не было.

Она даже как бы с удовольствием это выговорила, что сегодня утром мест не было, как бы укалывая этим меня.

— Но человек — проездом, понимаете? Ему деться некуда.

По мере того, как я выбирался из форточки назад и переставал говорить с лагерной ухваткой, лицо её принимало прежнее жестоко-весёлое выражение:

— У нас все приезжие! Куда их ложить? Ждут! Пусть на квартиру станет!

— Но вы — выйдите, посмотрите, в каком он состоянии.

— Ещё чего! Буду я ходить больных собирать! Я не санитарка!

И гордо дрогнула своим носом-туфелькой. Она так бойко-быстро отвечала, как будто была пружиною заведена на ответы.

— Так для кого вы тут сидите?! — хлопнул я ладонью по фанерной стенке, и посыпалась мелкая пыльца побелки.— Тогда заприте двери!

— Вас не спросили!! Нахал! — взорвалась она, вскочила, обежала кругом и появилась из коридорчика: — Кто вы такой? Не учите меня! Нам «скорая помощь» привозит!

Если бы не эти грубо-лиловые губы и такой же лиловый маникюр, она была бы совсем недурна. Носик её украшал. И бровями она водила очень значительно. Халат на груди был широко отложен из-за духоты — и виднелась косынка розовенькая славная и комсомольский значок.

— Как? Если б он не сам к вам пришёл, а его б на улице подобрала «скорая» — вы б его приняли? Есть такое правило?

Она высокомерно оглядела мою нелепую фигуру, я — оглядел её. Я совсем забыл, что у меня портянки высовываются из ботинок. Она фыркнула, но приняла сухой вид и окончила:

— Да, больной! Есть такое правило.

И ушла за перегородку.

Шорох послышался позади меня. Я оглянулся. Мой спутник уже стоял здесь. Он слышал и понял. Придерживаясь за стену и перетягиваясь к большой садовой скамье, поставленной для посетителей, он чуть помахивал правой кистью, держа в ней истёртый бумажник.

— Вот...— измождённо выговаривал он,— ...вот, покажите ей... пусть она... вот...

Я успел его поддержать,— опустил на скамью. Он беспомощными пальцами пытался вытянуть из бумажника свою единственную справку и никак не мог.

Я принял от него эту ветхую бумажку, подклеенную по сгибам от рассыпания, и развернул. Пишущей машинкой отпечатаны были фиолетовые строчки с буквами, пляшущими из ряда то вверх, то вниз:

«ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Справка.

Дана сия товарищу Боброву Н. К. в том, что в 1921 году он действительно состоял в славном -овском губернском Отряде Особого Назначения имени Мировой Революции и своей рукой много порубал оставшихся гадов.

Комиссар. . . . .»

Подпись.

И бледная фиолетовая печать.

Поглаживая рукою грудь, я спросил тихо:

— Это что ж — «Особого Назначения»? Какой?

— Ага,— ответил он, едва придерживая веки незакрытыми.— Покажите ей.

Я видел его руку, его правую кисть — такую маленькую, со вздувшимися бурыми венами, с кругло-опухшими суставами, почти не способную вытянуть справку из бумажника. И вспомнил эту моду — как пешего рубили с коня наотмашь наискосок.

Странно... На полном размахе руки доворачивала саблю и сносила голову, шею, часть плеча эта правая кисть. А сейчас не могла удержать — бумажника...

Подойдя к фанерной форточке, я опять надавил её. Регистраторша, не поднимая головы, читала свой комикс. На странице вверх ногами я увидел благородного чекиста, прыгнувшего на подоконник с пистолетом.

Я тихо положил ей надорванную справку поверх книги и, обернувшись, всё время поглаживая грудь от тошноты, пошёл к выходу. Мне надо было лечь быстрей, головою пониже.

— Чего это бумажки раскладываете? Заберите, больной! — стрельнула девица через форточку мне вслед.

Ветеран глубоко ушёл в скамью. Голова и даже плечи его как бы осели в туловище. Раздвинуто повисли беспомощные пальцы. Свисало распахнутое пальто. Круглый раздутый живот неправдоподобно лежал в сгибе на бёдрах.

1960

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1—6. Русский историк XVIII века, издатель пространной редакции «Русской правды». 7—12. Древнегреческая эпическая поэма. 11—15. Царь государства Ахеменидов в 522—486 годах до н. э. 16—21. Река на северо-востоке Бразилии, впадает в Атлантический океан. 21—25. Сани у народов Севера. 24—26. Забор, частокол. 26—28. Вытянутое помещение, ограниченное с одной или двух сторон колоннадой. 29—34. Французская певица и композитор. Близкий друг И. С. Тургенева. 33—37. Портовый рабочий. 35—38. Цилиндрическая колонка горной породы. 39—42. Английский писатель, ученый-физик и общественный деятель, автор романа «Коридоры власти». 42—43. Донской казак, соратник С. Разина. 43—46. Левый приток Печоры. 48—51. Райцентр в Псковской области, основан как крепость в 1431 году. 52—54. Роман В. Кочетова. 55—56. Осадок на дне водоема. 56—59. Еловая ветвь. 60—63. Одна из шести ортодоксальных систем индийской философии. 63—64. Советский исторический писатель. 65—56. Античное название Волги. 67—70. В России XV—XX веков налог с народов Сибири и Севера. 71—73. Птица семейства ястребиных. 73—78. Электрический нагревательный прибор. 76—79. Профессия рабочего. 80—84. Плотная глянцевитая шелковая или хлопчатобумажная ткань. 83—87. Плоские глинистые поверхности в пустынях. 87—90. Званый вечер без танцев. 91—96. Город, где родился Ф. Энгельс. 98—102. Шахтная печь для выплавки чугуна. 103—107. Персонаж романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо». 108—110. Императорская династия в Китае (960—1279). 111—115. Название страны в районе озер Урмия и Ван, упоминаемое в ассирийских надписях XIII—VI веков до н. э. 114—116. Злак.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2—16. Единица электрического сопротивления. 3—29. Зодиакальное созвездие. 4—39. Имя героини романа И. Ефремова. 5—40. Государство в Юго-Западной Азии. 6—49. Советский театральный художник. 7—33. Река в Китае, Индии и Пакистане. 6—43. Государство в Юго-Восточной Азии. 9—52. Река, левый приток Ангары. 10—69. Вид народного импровизационного театра в Древнем Риме. 11—46. Отверстие. 12—47. Имя дочери Петра I, матери Петра III. 13—27. Ноты. 14—29. Крепость на острове близ Марселя. 19—42. Чин, степень. 32—66. Отчизна. 33—61. Один из видов ритмического деления. 43—62. Бревно, забитое в грунт для опоры сооружения. 58—86. Династия польских князей, а впоследствии королей, правивших с перерывами с 960 по 1370 год. 65—107. Созвучие концов стихов. 66—85. Индийский писатель, автор исторических романов «Тигр Майсура» и «Чандрагупта». 67—85. Старое название реки Урал. 68—98. Позор, бесчестье. 69—111. Город на севере США. 70—112. Животное семейства полорогих, обитает в саваннах Южной Африки. 71—106. Женская национальная одежда в Индии. 74—109. Французский писатель-романист. Автор биографических книг о Золя и Мопассане. 79—113. Лапти из пеньковой веревки. 80—105. Многострунный щипковый инструмент у народов Кавказа и Средней Азии. 90—114. Наиболее засушливая часть Индо-Гангской равнины.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 8.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1—4. Кром. 4—8. Муром. 6—10. Ромен. 10—14. Нерке. 15—21. Рубекин. 21—26. Невежа. 26—26. Аул. 29—32. Онон. 32—34. Наг. 34—39. Гитара. 38—40. Рак. 42—44. Мол. 44—47. Лазо. 47—52. Оратор. 50—54. Торос. 54—55. Си. 56—59. Враг. 60—63. Рона. 62—66. Налет. 66—68. Тол. 69—71. Еда. 70—75. Даурия. 76—81. Натрий. 82—84. Лов. 84—87. Ваал. 86—94. Аллегория. 98—100. Омуль. 97—101. Мульк. 101—104. Коса. 103—107. Сабля. 108—113. Ехидна. 115—120. Сатурн. 121—124. Анод. 125—130. Камедь. 131—133. Ноа.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1—95. Кромвель. 2—43. Руно. 3—44. Обол. 4—45. Мана. 5—46. Указ. 6—47. Риго. 7—35. Они. 8—62. Метан. 9—37. Ева. 10—51. Неро. 11—25. Еж. 12—40. Рак. 13—27. Ку. 14—55. Ални. 30—70. Норд. 58—84. Аве. 73—124. Раунд. 34—74. Гори. 48—100. Рояль. 50—102. Танго. 64—103. Лаос. 25—52. Жар. 40—66. Кот. 54—80. Сои. 82—108. Лье. 64—122. Воин. 85—123. Амдо. 74—87. Ил. 80—94. Ия. 101—127. Ким. 103—129. Сад. 92—130. Рать. 94—106. Ял. 107—133. Яна.

НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ «РОДИНА» — ЭТО 96 СТРАНИЦ ЧТЕНИЯ ДЛЯ ТЕХ, КОМУ ИНТЕРЕСНА ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА. СТАТЬИ И ОЧЕРКИ, КОТОРЫЕ ВЫ НАЙДЕТЕ В ЖУРНАЛЕ «РОДИНА», ОСНОВАНЫ НА МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ, НА ФАКТАХ МАЛОИЗВЕСТНЫХ ИЛИ УМЫШЛЕННО СКРЫВАВШИХСЯ ОТ НАС.

ХОТИТЕ УВИДЕТЬ ФОТОГРАФИИ СОБЫТИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И ЕЕ ДЕЯТЕЛЕЙ, НИКОГДА НЕ ПУБЛИКОВАВШИЕСЯ РАНЕЕ, ПРОЧЕСТЬ МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ И СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ФИЛОСОФОВ, ИСТОРИКОВ?

ТОГДА ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ «РОДИНА». ЦЕНА ПОДПИСКИ НА ДВЕНАДЦАТЬ НОМЕРОВ — 8 РУБЛЕЙ 40 КОПЕЕК. ИНДЕКС 70798.

Сдано в набор 08.08.89. Подписано к печати 31.08.89. А 00351. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 300 000 экз. Заказ № 1063. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС «Правда», «Родина», 1989.

«Когда перетерпят подвалы...»

Дворник, кровельщик, шофер, сторож... Александр Завьялов перепробовал практически все. Прежде чем взялся за кисть.

Рулон обоев стоил недорого, зато сколько листов превосходной бумаги для рисования получалось из него! Александр работал одержимо, неистово, с тем чтобы к ночи с тою же неистовостью уничтожить все сделанное. Но на следующий день появлялся новый рулон. И так бесконечно долго — до мастерства.

Но мало кто слышал это имя: Александр Завьялов,— и уж совсем единицы были знакомы с его творчеством. (Тут надо сделать одно существенное уточнение: мало знают на Родине. Ибо на Западе полотна А. Завьялова украшают не одно частное собрание. А в нынешнем году несколько его работ будут участвовать на аукционе «Версаль», Франция.)

Поначалу ему повезло — он, молодой, полный надежд, попал в самую гущу советского авангарда: Зверев, Рабин, Свешников, Немухин, Крапивницкий... Дальнейшая судьба А. Завьялова — типичная судьба художника, превыше всего ставящего честность и не согласного ни на какие компромиссы. Так он, как и многие его соратники, оказался на задворках официального искусства, да, пожалуй, и самой жизни. О них не говорили, не спорили, им не помогали с холстами и красками, их не замечали. Но в покое не оставляли.

Друзья Завьялова — кто спился, кто покончил с собой, кто уехал за море. Были и такие, что не выдержали, смирились, стали рисовать «как надо».

А Завьялов остался самим собой. Выжил. Хотя порой и ему казалось, что смерть единственный выход — там, на Сретенке, когда под натиском бульдозера рушились стены его мастерской, погребая под обломками готовые работы и альбомы с набросками, любимые книги и коллекцию икон.

Писать дальше не было сил — что-то сломалось внутри него. И он уехал в пустыню, пасти овец. Три года пас, потом душа оттаяла, отогрелась. Он вернулся и начал все сначала.

Жизнь продолжала щедро одаривать его «сюрпризами». И когда совсем становилось невмоготу, он просил жену закрыть глаза и ткнуть пальцем в карту. Уезжая, он пытался убежать от себя, от гнетущего ощущения ненужности. Денег хватало только на дорогу в один конец. Поэтому на месте приходилось браться за любую работу.

Возвращался ожившим. И снова — холсты, холсты, холсты... Впечатления отстаивались, превращались в образы, образы — в картины.

Была у Завьялова в детстве мечта: чтобы каждому досталось по большому чердаку, поближе к свету, к солнцу. Он вырос. А мечта осталась. Александр примерил ее к своей жизни, к жизни своего поколения, и получилась поэма в одну строчку:

«Когда перетерпят подвалы, тогда запоют чердаки...»

Елена СКВОРЦОВА

70 коп.
Индекс 70798